

**ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ СЛЕД
АКАДЕМИКА БАРДИНА**

Посвящается академику
ИВАНУ ПАВЛОВИЧУ БАРДИНУ –
великому реформатору отечественной металлургии,
инициатору проектирования и строительства
Череповецкого металлургического комбината,
головного предприятия международной
сталелитейной компании «Северсталь».

Иван Павлович Бардин (1883–1960)

Выдающийся учёный-металлург, академик (1932), вице-президент Академии наук СССР (1942), директор Института металлургии АН СССР (1939), директор Центрального научно-исследовательского института чёрной металлургии (1944).

Герой Социалистического Труда (1945), лауреат Ленинской премии (1958), лауреат государственных премий (1942 и 1949), кавалер семи орденов Ленина.

Руководил группой учёных и специалистов, разработавших и обосновавших экономическую целесообразность строительства Череповецкого металлургического завода на базе железных руд Кольского полуострова и углей Печорского бассейна. Под его непосредственным руководством были выработаны и осуществлены мероприятия и рекомендации, позволившие вывести первоначально убыточное предприятие в прибыльное и высокорентабельное.

Борис Челноков

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ СЛЕД АКАДЕМИКА БАРДИНА

**Историко-литературное
повествование**

Череповец
ИД «Череповецъ»
2020

УДК 669(470.12)
ББК 34.3(2Рос-4Вол)
Ч-38

Рецензенты:

Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, доцент ЧГУ

Созин Сергей Аркадьевич – член Союза писателей России,
член правления Вологодской писательской организации

Челноков, Б. В.

Ч-38 **Череповецкий след академика Бардина:** историко-литературное повествование/
Б. В. Челноков. – Череповец: Череповецъ, 2020. – 223 с.: ил.

ISBN 978-5-94022-079-4

В увлекательной форме автор рассказывает о той роли, которую сыграл выдающийся учёный-металлург Иван Павлович Бардин в проектировании, создании и развитии Череповецкого металлургического комбината, строительство которого превратило Северо-Запад Советского Союза в крупную индустриальную базу, подсобную Уралу и Кузбассу.

Великий реформатор отечественной металлургии И.П. Бардин не дождался той поры, когда Череповецкий металлургический завод стал рентабельным предприятием, но он верил в замечательное будущее своего детища, говорил, что «придет время и о Череповце заговорит весь мир». И это время пришло: сталелитейная компания «Северсталь» – правопреемник Череповецкого металлургического завода – сегодня известна во всех уголках земного шара.

Книга написана на основе неизвестных исследователям документов, хранившихся в спецхранах архивов Москвы, Ленинграда, Вологды, Череповца под грифом «секретно», дневниковых записей академика Бардина, воспоминаний участников событий.

УДК 669(470.12)
ББК 34.3(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-94022-079-4

© Челноков Б. В., 2020
© Оформление ООО «Издательский дом
«Череповецъ», 2020

От автора

Своим восхождением к сегодняшней известности Череповец обязан двум людям с самым распространенным на Руси именем – Иван: Ивану Андреевичу Милютину – талантливому градоначальнику, судовладельцу и банкиру, промышленнику и экономисту и Ивану Павловичу Бардину – вице-президенту Академии наук СССР, Государственному советнику по металлургии и химии.

За 46 лет деятельности Милютина на посту городского головы Череповец стал крупной пристанью на реке Шексне и важным торговым и культурным центром. Благодаря Милютину через город прошла Северная железная дорога. Город оказался на пересечении широтной железнодорожной магистрали и Мариинского водного пути. Тем самым была заложена прочная основа для будущего экономического подъема Череповца.

Через 35 лет, когда решался вопрос, где должен быть центр северо-западной металлургии, академик Бардин указал на Череповец. Впервые в мире было предложено поставить металлургический завод не «на руде» и не «на угле», а на перекрёстке кратчайшего пути руды, угля и металлошихты, на стыке высокоразвитых экономических регионов. Чтобы сырьё шло в Череповец, а готовая металлопродукция – в промышленные центры страны. Если бы не это смелое, продуманное и всей последующей жизнью подтверждённое решение Бардина, неизвестно, как бы сложилась судьба Череповца.

До недавнего времени о роли Ивана Павловича Бардина в создании и развитии Череповецкого завода мало что было известно. «По государственным соображениям» вплоть до пуска в 1955 году завод проектировался и строился под грифом «секретно», все документы отправлялись в спецхраны архивов, да там и оседали. Долгие годы не было известно, что первый правительственный документ о строительстве Череповецкого завода и его рудно-сырьевой базы появился 80 лет назад, в 1940 году. А чтобы он явился на свет божий, потребовалась огромная работа экспертов во главе с заместителем народного комиссара чёрной металлургии СССР академиком И.П. Бардиным.

О том, какую роль сыграл Бардин как технический директор и главный инженер «Кузнецкстроя», написано немало книг. А о том, что Иван

Павлович и для Череповца что-то сделал, посвящена всего одна строчка в биографической книге В. Мезенцева «Бардин» из серии «ЖЗЛ». Вот она: *«1952 год. Академик Бардин впервые побывал на Кольском полуострове, в Воркуте и Череповце»*. И это – всё!

За 25 лет работы директором Музея трудовой славы мне удалось рассекретить множество редкостных, совершенно неизвестных исследователям архивных документов по истории создания завода и участия в этом процессе академика Бардина. Десятки книг и журналов прошли через мои руки... И встречи, встречи... Со свидетелями и участниками событий, со специалистами-проектантами, экономистами, геологами, сотрудниками научно-исследовательских институтов...

Мне удалось разыскать довоенного директора А.И. Мурзова, застать в живых и побеседовать с родственниками И.Т. Тевосяна, Н.И. Коробова, С.И. Резникова, с ветеранами комбината, которым академик дал путевку в жизнь – А.А. Сахаровым, А.И. Бородулиным, И.А. Кузьминым, А.Г. Монидом, И.М. Бодренковым. Много я почерпнул в долгих беседах с Лидией Валентиновной Бардиной, вдовой академика, получил доступ к домашнему архиву, бардинским дневникам.

Всё это позволило мне заполнить пробел в биографии академика, отыскать его яркий след, связанный с Череповцом.

Этот период жизни И.П. Бардина (1940-1960 гг.) я показал на фоне драматических событий, когда на пике славы крупный учёный-металлург, известный как энергичный борец за всё прогрессивное, честный и порядочный человек подвергся незаслуженным обвинениям, когда клеветники-литераторы и ретрограды от науки пытались опорочить академика Бардина, подвергнуть сомнению его компетентность. Он всё же сумел противостоять оголтелому шантажу завистников. Его спасала любимая металлургия, – она для него была работой и хобби...

Борис Челноков

Северная сталь: экскурс в историю

Неутомимый исследователь природных богатств СССР, геохимик Александр Евгеньевич Ферсман в душе был поэтом. Аудитории, в которых он читал лекции по минералогии, всегда были переполнены. И даже тогда, когда в ноябре 1931 года ему поручили сделать доклад на чрезвычайной сессии Академии наук об ископаемом сырье Ленинградской области, он не упустил возможности яркими красками нарисовать картину освоения природных богатств Севера.

Академик рассказал о том, что еще в XV и XVI веках у берегов Белого моря искали железную руду, слюду и медь не только ганзейские, но и российские приказные и служилые люди. Славился тогда железоделанием и кузнечным ремеслом и Череповецкий край. В заболоченной местности между Череповцом, Устюжной и Белым озером, что звалась «Железным Полем», из поколения в поколение местные крестьяне добывали «железную землю», из которой в примитивных домницах выплавляли тысячи пудов железа для хозяйственных нужд и военного дела.

Железнопольским оружием сражались войска Дмитрия Донского на Куликовом поле. При Иване Грозном здесь отливались пушки-волоконейки, ковались стрелы, копья, мечи. В Северной войне, которую повела Россия за возвращение захваченных Швецией земель и выход к Балтийскому морю, Железное Поле явилось своеобразным арсеналом военного ведомства. По приказу Петра Великого неподалёку от Устюжны закладываются Ижинский и Тырпецкий военные заводы, а в селе Архангельское оборудуются литейные цеха. Эти заводы давали для армии пушечные ядра, пушки, бомбы, ручные гранаты. Поставщиками сырья для устюженских заводов являлись Уломская, Любецкая, Нелазская и другие волости Череповецкого уезда. Олонецкие и устюжен-

ские заводы всячески поддерживались государем, несмотря на то, что производимый металл был намного дороже уральского. «...По близости к Петербургу сих заводов, – их нельзя останавливать», – писал он в специальном указе и выдавал им прибыльные казённые заказы.

Победоносное окончание Северной войны укрепило положение России на севере, и Пётр I основал на берегах Невы новую столицу, которая очень скоро превратилась в важный промышленный центр России. Новой столице требовалось много металла. Но не стало Петра, и карельские, и устюженские домны потухли. Промышленники Демидовы всё сделали, чтобы к берегам Невы конные обозы шли только с уральским металлом.

Не мог привлечь внимания к Северу правителей России и великий холмогорец Михайло Ломоносов.

«На много лет мысль использовать богатства, лежащие непосредственно около старой столицы, оттесняется, – говорил академик А.Е.Ферсман.– Постепенно замирает Север, разрушается старая промышленность, заливаются водой рудники и ямы, и непробудный сон покрывает наш Север не только в области исследований, но и в области хозяйственного использования...».

Между тем, созданная в Петербурге металлообрабатывающая промышленность, за два столетия превратила столицу Российской империи в важнейший центр машиностроения. Базировалась петербургская промышленность на дальнепривозном сырье и топливе и на местных ресурсах металлического лома. Для дальнейшего развития региона требовалась собственная мощная металлургическая база.

Первые работы по изучению производительных сил Европейского Севера были предприняты после Октябрьской революции, в 1920 году. Постановлением Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства была создана Северная научно-промысловая экспедиция (преобразованная затем в Институт по изучению Севера).

Для работы в ней были привлечены крупнейшие советские учёные и исследователи: президент Академии наук А.П. Кар-

пинский возглавил Учёный совет экспедиции, его заместителем стал академик А.Е. Ферсман, членами Учёного совета – профессора Н.М. Книпович, Л.С. Берг, В.Л. Комаров (в дальнейшем – академик и президент Академии наук СССР) был секретарем экспедиции.

Геологические изыскания были сопряжены с громадными трудностями. Академик А.Е. Ферсман вспоминал в 1932 году: «С 1920 года начинаются наши хибинские экспедиции. Шаг за шагом наша геохимическая молодёжь Ленинградского университета, Географического института, Академии наук постепенно проникает в тундру, в тайгу, в трудных условиях завоевывая каждый квадратный километр Хибинской, Ловозерской тундр, а затем и более восточных частей полуострова. В совершенно невероятных условиях, обворачивая на ноги мешки вместо сапог, с прокисшей кашей в ведре, с двухпудовым грузом за спиной шло из года в год завоевание Хибинских тундр. В тайге и болотах низин, среди каменных морей и обрывов закаливалась наша хибинская молодёжь... Постепенно открывается не только наличие крупных богатств и крупных производительных сил, но и намечаются такие широкие перспективы, которые заставляют отбросить старое представление о бедности Севера».

В 1929 году при исследованиях на берегу озера Имандра Г.Д. Рихтер обнаружил магнитную аномалию, а на следующий год академическая партия, руководимая А.Е. Ферсманом, проверяя эту аномалию, выявила здесь рудные залежи. В 1931 году геолог О.А. Воробьёва открыла месторождения высококачественных руд на склонах Волчьей Тундры, вполне пригодной для получения высокосортного металла. Выявлены крупные залежи железной руды возле озера Ковдор и горы Оленьей.

Появилась реальная возможность строительства предприятия для снабжения Ленинграда собственным металлом. Но кое-кто из теоретиков-экономистов вместо создания металлургического производства предлагал перебазировать машиностроительные и химические заводы, судоверфи и текстильные фабрики из Питера вглубь страны, поближе к источникам сырья и топлива.

– Нет, – сказал Сергей Миронович Киров, ставший в 1926 году первым секретарем Ленинградского областного комитета ВКП(б). – В деле индустриализации Питер должен сыграть такую же роль, какую играл на всех этапах Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинград должен стать арсеналом, форпостом социализма. Промышленность Ленинграда будем и дальше развивать. Для этого нам нужна собственная металлургия.

И Киров выдвинул перед планирующими, хозяйственными и научно-исследовательскими организациями в качестве одной из актуальнейших задач проблему создания «большой металлургии Ленинграда», то есть собственной металлургической базы.

...С каждым днем в кабинете Мироныча всё больше появляется на карте красных флажков, обозначающих вновь открытые геологами земные сокровища. Киров становится постоянным участником конференций, заседаний, совещаний, на которых обсуждаются вопросы о путях решения проблемы металла для Ленинграда и прилегающих областей. Он поддерживает контакт с геологами, специалистами-технологами, учёными Института металла и «Механобр», знакомится с работами по обогащению руд, следит за дискуссиями на страницах журнала «На фронте индустриализации».

...Тихий черёмуховый Череповец, вошедший в 1927 году в состав Ленинградской области на правах райцентра, оставался городком, промышленность которого имела лишь местное значение. Преобразующее слово индустриализации «даёшь!» звучало далеко от Череповца: «Даёшь Кузнецк!», «Даёшь Запорожсталь!», «Даёшь Магнитку!».

Однако в начале тридцатых годов и Череповец вполне мог стать центром металлургии.

В обстановке строжайшей секретности...

В июне 1933 года в обстановке строжайшей секретности по Беломорско-Балтийскому каналу проследовал военный катер, на борту которого был САМ товарищ Сталин – вождь страны Советов. Это был первый рейс по новому водному пути, построенному в рекордно короткий срок – двадцать месяцев – многотысячной армией заключенных. Ввиду того, что гигантское гидротехническое сооружение имело большое народнохозяйственное и стратегическое значение, сопровождали Иосифа Виссарионовича К.Е. Ворошилов, нарком по военным и морским делам, и С.М. Киров, первый секретарь обкома ВКП(б) огромнейшей – от Мурманска до Череповца – Ленинградской области.

Как вспоминал повар, сопровождавший кремлёвских вождей, Ворошилов увлёкся «рыбной охотой», изредка постреливая из именного нагана времён гражданской войны, а Сталин и Киров прогуливались по палубе, любовались красотами Карелии и вели неспешный разговор.

Киров не сдерживал эмоций, восторгался, нахваливал сотрудников НКВД:

– Такой канал, за такой короткий срок, в таком месте осуществить – это, действительно, героическая работа! Просто фантастика! Спасибо нашим чекистам, которые руководили этим делом. Буквально чудеса сделали!

А Сталин усмехнулся: «Попробовали бы они не уложиться в срок...».

На эту поездку Сергей Миронович возлагал большие надежды. В ходе полуофициальной беседы он хотел получить поддержку Сталина в решении главной для ленинградской промышленности проблемы – создания собственной металлургии. Индустриальный Ленинград давал десятую часть машиностроительной

(и, прежде всего, оборонной) продукции страны, а из-за нехватки металла приходилось ограничивать производство.

– Этот суровый край, Сосо, удивительно богат, – с увлечением говорил Киров. – Чего здесь только нет: апатиты, медь, никель, титаномагнетиты и, главное, железо. Каждый день несет новые открытия. Методы магнитометрии показывают, что запасы железной руды превышают полмиллиарда тонн. Это в два-три раза больше месторождения горы Магнитной! Впрочем, есть все основания предполагать, что богатства недр ещё значительнее: самолёты, летающие в этом районе, обнаруживают отклонения магнитной стрелки.

Иосиф Виссарионович остановился, раскурил погасшую трубку, а Киров продолжал:

– А руды – исключительны по чистоте серы и фосфору. Стало быть, есть полная гарантия получения превосходного чугуна. Одно плохо – нет у нас угля. Но учёные предлагают использовать в качестве топлива торф. Мощные торфяные массивы есть в районе Череповца. И мы думаем построить там чугуноплавильный завод, кольские руды будем доставлять водным путём. Мы разовьём в Череповце лесохимию, торфохимию, электромашиностроение. Он станет вторым, после Ленинграда, промышленным центром области.

Сталин молчал. Он прекрасно понимал важность строительства новой металлургической базы в этом регионе. И в целях экономики, и в целях обороны. И выбор Череповца неплохой, слышал о нём, будучи в Вологодской ссылке. Однако само то, что идея принадлежит не ЕМУ, а Кирову, очень не нравилось «вождю народов». ЕГО и так беспокоил растущий в народе авторитет лидера питерских большевиков.

Семь лет назад Он направил Кирова вместе с Бухариным, Молотовым, Ворошиловым, Орджоникидзе, Дзержинским, Калининым, Андреевым в Ленинград для разоблачения зиновьевского руководства, а затем поставил его во главе Ленинградского губкома и одновременно секретарем Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Что сделал Киров за это время, чтобы ленинградские партийцы стали оплотом Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина? На словах он превозносит товарища Сталина. А на

деле? Много ли он выявил и уничтожил врагов народа, которых в Ленинграде тьма развелась благодаря ротозейству прежнего руководства? Нет, Киров решил показать свое великодушие, умиротворить оппозицию этого вечно фрондирующего города вместо того, чтобы сокрушить её. Либеральничает с оппозиционерами ради укрепления своего авторитета. Бравирует своей простотой и доступностью: живёт в обычном многоэтажном доме, ходит на работу пешком, ораторствует перед рабочими на митингах, в театре сидит не в ложе, а в партере. Хочет подчеркнуть, что товарищ Сталин живёт в Кремле, под охраной, не ходит пешком по улицам, не встречается с пролетариями, а, значит, боится народа.

Завоевав в Питере дешёвую популярность, Киров решил теперь получить популярность всесоюзную – выдвинул идею о «большой металлургии» для Ленинграда. А не сам ли Мироныч говорил, что *«мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой»*? Ведь речь идёт не о какой-то кондитерской фабрике, а о новой металлургической базе! Это должно исходить из уст товарища Сталина!

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин и С.М. Киров на Беломорканале, 1933 г.

Пауза затянулась. И тут выручил Ворошилов, он подстрелил судака килограмма на два весом. Все оживились, а Сталин пошутил:

– Ну, Клим, ты настоящий «ворошиловский стрелок»!

О серьёзных вещах после этого говорить было как-то неловко...

По ознакомлении с работой канала и с состоянием гидротехнических сооружений вышли через беломорский порт Сорока в Мурманск. Обратный путь совершали поездом, остановились передохнуть на берегу озера Имандра, где расположилось Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства. Местное начальство устроило для кремлёвских вождей обед. Киров на правах хозяина угощал спутников выращенными в теплицах индийскими огурцами весом до килограмма, красными помидорами и клубникой «виктория», не забывая о самом важном вопросе – «большой металлургии» Ленинграда.

– Главное богатство нашей области – природные ресурсы, – говорил он. – Здесь, в хибинской тундре, чертовски много железных руд. Если организовать добычу, то обеспечим Ленинград местным металлом лет на восемьдесят-девять!

И вновь Сталин не поддержал лидера питерских большевиков, бесцеремонно перебил его:

– Ты, Мироныч, лучше на огурчики нажимай.

Киров понял: вождь не будет его поддерживать, но от задуманного не отступил. На XVII съезде ВКП(б) он выступил с зажигательной речью, нарисовав перед делегатами картину преобразований северо-западного региона, которую сулила новая металлургическая база:

– Если нам удастся организовать нормальную топливную базу, то подумайте, в каких необъятных пределах может разворачиваться на Северо-Западе подъём производительных сил!

Закончил свою речь Киров совсем по-простецки:

– Успехи, действительно, у нас громадны. Чёрт его знает, если по-человечески сказать, так и хочется жить!

Но жить ему оставалось 303 дня...

1 декабря 1934 года прозвучал роковой выстрел. Убит Киров, главный реформатор народного хозяйства Ленинградской области. Этот выстрел стал вехой, разделившей тридцатые годы на

Выступление
С.М. Кирова на
XVII съезде ВКП(б)

две половины. Борьба за «большой металл», за преобразование Севера сменилась борьбой с «вражеским гнездом японо-германской, троцкистско-бухаринской банды шпионов и вредителей». Почти все партийные и советские работники из окружения Кирова попали в список «врагов народа». «Кировский дух» выкорчевывался и из среды научно-исследовательских институтов, издательств, геологических партий. В деле исследования природных богатств Кольского полуострова и Карелии наступил мёртвый сезон.

Прошелестевший было над Череповцом ветерок индустриализации сменился полным штилем. А вскоре его передали в состав аграрно-лесной Вологодчины. По-прежнему город сохранял уклад неторопливой, спокойной жизни. Всё так же скрипели под ногами дощатые тротуары, по-деревенски пели голосистые петухи, паслись на лужайках коровы и козы. И дома новых улиц в районе села Рождественского, образовавшиеся после переселения жителей залитых Рыбинским водохранилищем сёл, стали такими же, как и весь Череповец, – деревянными, рублеными, с тесовыми крышами.

Никто не мог предположить, что вскоре о Череповце заговорят в кабинетах Сталина и Берии, в Академии наук, Госплане СССР, Народном Комиссариате черной металлургии.

«Стальной броней опояшем СССР!..»

I

10 марта 1939 года. Москва. Кремль. 17 часов 15 минут.

Громом аплодисментов встречают делегаты XVIII съезда партии большевиков своих вождей.

На трибуне – Иосиф Виссарионович Сталин. Зал взрывается овацией. На всех языках народов СССР слышится здравица: «Вождю народов великому Сталину – ура!», «Да здравствует первый маршал армии коммунизма товарищ Сталин! Ура!», «Да здравствует мудрейший человек эпохи товарищ Сталин! Ура! Ура! Ура!»

Сталин поднял руку, призывая к спокойствию, но зал не утихал. Сталин вынул часы, поднял их, показывая залу, что пора угомониться. Ему ответили ещё большей овацией. Наконец зал стихает.

– Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности, – говорит вождь страны Советов.– Это очень хорошо. Но этого

И.В. Сталин:
«Мы должны
перегнать
капиталистические
страны...»

мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы можем это сделать, и мы должны это сделать.

«...Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их экономически». Этот ленинский призыв, впервые прозвучавший в 1917 году, был подхвачен Сталиным ещё в 1931-м. Тогда он поставил перед страной задачу за две пятилетки пробежать расстояние в 50-100 лет, на которое СССР отстал от наиболее развитых капиталистических держав мира. И вот десятилетие заканчивается, но, несмотря на то, что на карте страны появились Магнитка и Волховстрой, Турксиб и Сталинградский тракторный завод и другие грандиозные стройки первых пятилеток, было видно, что большой скачок на пути к коммунизму не удался. Советский Союз по-прежнему серьёзно отставал от стран Европы и США по производству электроэнергии, чугуна, стали, цемента, а также в добыче нефти и каменного угля. И Сталин вновь выдвигает лозунг «догнать и перегнать», а за точку отсчёта уже берётся 1939 год. Поставлена задача: *«На основе мощного подъёма металлургии форсировать развитие машиностроения и обеспечить тем самым дальнейшее увеличение технического вооружения всего народного хозяйства и обороны страны».*

И порешили на партийном форуме достроить Магнитку, Нижне-Тагильский и Петрово-Забайкальский металлургические заводы, «Азовсталь», а кроме того, заложить новые – на Южном Урале, в Восточной Сибири, в Центре, в Закавказье. Новые заводы по-прежнему были ориентированы на месторождения высококачественных руд, так как они не требовали обогащения и затраты на капитальное строительство быстро окупались.

Задействовать низкосортные руды Кольского полуострова и Карелии намечалось не ранее IV–V пятилеток. Определяя перспективу развития чёрной металлургии страны на ближайшие 10–15 лет, Гипромез (Государственный институт по проектированию металлургических заводов) наметил в районе Архангельска строительство завода с полным металлургическим циклом для снабжения металлом предприятий морского и речного судостроения. Кольскую руду и печорский уголь предполагалось подвозить Северным морским путём.

Но... неожиданный поворот: металлургический завод на Северо-Западе решено возводить немедленно! И не в Архангельске, а в Череповце! Как же так? Незапланированная директивами съезда громадная стройка в нашем плановом хозяйстве! Без экономических расчетов?! Без смет и проектов! Возможно ли такое? Оказывается, возможно.

Такое мог позволить себе товарищ Сталин...

II

Ни с чем не сравнимое чувство испытываешь, когда держишь в руках пожелтевшие архивные документы, с которыми до этого никто из исследователей не работал. Ты встретился с тайной, ты соприкоснулся с историей. Минувшее оживает...

В 1991 году в Государственном архиве Российской Федерации я обнаружил дело под названием «Об использовании минеральных богатств Кольского полуострова». Начиналось оно письмом некоего П.В. Солякова в Комиссию по рассмотрению поправок и дополнений к тезисам о третьем пятилетнем плане. Как впоследствии выяснил, Петр Васильевич Соляков был единомышленником Кирова, в начале 1930-х годов работал в Ленинградском

Делегаты XVIII съезда ВКП(б) от Карельской АССР. Второй слева – П.В. Соляков, крайний справа – И.Д. Папанин, покоритель Северного полюса

Совете депутатов трудящихся, а с 1937 года – Председателем Совета народных комиссаров Карело-Финской АССР. 2 марта 1939 года Петра Васильевича избрали делегатом на XVIII съезд ВКП (б). Вместе с другими партийцами кричал он здравицу в честь великого Сталина, бурно аплодировал выступающим, особенно товарищу Меркулову, наркому чёрной металлургии, который призвал *«стальной броней опоясать Советский Союз»*.

Соляков всё ждал, что питерские вожди – товарищи Попков и Кузнецов – поддержат и разовьют предложение «железного» наркома о создании на Севере металлургической базы. Но нет, о необходимости развития металлургии для ленинградской промышленности в своих выступлениях они не говорили, видимо, понимали, что это прерогатива вождя. Не решились они продолжить начатую Кировым борьбу за металл для Ленинграда, до того были напуганы последовавшей за убийством Мироныча «чисткой». Благоразумное помалкивание питерских вождей продлило им жизнь на десять лет: их репрессировали в 1950 году по известному «ленинградскому делу».

А вот первый секретарь Курского обкома партии товарищ Доронин не упустил возможности, выступил. Он сразу овладел аудиторией, хотя оперировал не научными доводами, а набором ругательств в адрес закордонных фашистов и доморощенных «врагов народа». Как он хлётко высмеял жалкие попытки немецкой разведки, которая через своих троц-

И.И. Малышев,
Председатель
Комитета
по делам геологии

кистско-пятаковско-бухаринских агентов пыталась затормозить освоение Курской магнитной аномалии и тем самым ослабить оборонную мощь СССР! От имени большевиков Курской области товарищ Доронин торжественно поклялся вопреки гнусным проискам иностранных разведок уже в ближайшее время извлечь из недр миллионы тонн железной руды. «Из этой руды, – заявил он, – заводы сделают прекрасные советские машины, отольют пушки, снаряды и, когда понадобится, достойно отплатят господам фашистам за их вредительскую деятельность по Курской магнитной аномалии. Пусть понюхают фашистские гады, как пахнет курская руда, волею большевистской партии извлеченная из недр земли и поставленная на службу обороноспособности нашей страны!»

Бурными аплодисментами встретили делегаты заявление товарища Доронина. А в резолюции съезда появилась строка: «Провести подготовительные мероприятия к строительству металлургического завода в районе Курской магнитной аномалии».

Соляков тоже рвался к трибуне, чтобы заявить о целесообразности строительства металлургического завода в родной Карелии. Пусть и карельские руды послужат народному хозяйству и обороноспособности СССР! Он посылал в президиум съезда записку за запиской. Но слова не получил. Да и не мог получить: выступающие были тщательно отфильтрованы ещё за несколько месяцев до партийного форума.

III

Съезд закончился, а обсуждения его директив продолжают на страницах «Правды», изучаются специальной Комиссией ЦК ВКП(б). Вот в эту комиссию по возвращении в Петрозаводск вожак карельских Советов П.В. Соляков и написал письмо с предложением внести в дополнение к директивам XVIII съезда партии следующий пункт: «Создать на Севере новую металлургическую базу для обеспечения всех потребностей на месте» (так в тексте). По его мнению, строительство металлургических

заводов на базе природных ресурсов Кольского полуострова и Карелии *«будет иметь преобразующее значение и превратит отсталый в промышленном отношении Европейский Север в крупный индустриальный комплекс».*

И, что удивительно, письмо Солякова, зарегистрированное 17 апреля 1939 года в Комиссии ЦК ВКП(б), стало тем рычагом, с помощью которого, наконец, сдвинулся с места вопрос о создании в СССР ещё одной угольно-металлургической базы.

Дать ответ по существу вопроса поручено И.И. Малышеву*, председателю Комитета по делам геологии. Главный геолог страны подробно на 26 страницах даёт развернутую характеристику природным богатствам Кольского полуострова и Карельской АССР, подчёркивая, что здесь выявлены богатейшие месторождения разнообразных металлов и минералов. И сетует, что открытые месторождения слабо осваиваются. До сих пор не разрабатывается Енское железорудное месторождение, которое в качественном отношении не уступает рудам Германии, Бельгии, Англии, а по своим запасам может служить серьёзной металлургической базой не только для Кольского полуострова и ленинградской промышленности, но и для всей северо-западной части Союза, а также для экспорта. Он пишет, что *«Комитет по делам геологии при Совнаркоме СССР готов организовать в 1940 году геологоразведочные работы для выявления промышленных запасов данного месторождения, а также провести масштабные изыскания известняков, огнеупоров, окончательно установить источники снабжения энергетическими и металлургическими углями. Уточнённые сведения позволят специалистам Гипромеза приступить к разработке проекта северо-западного металлургического завода».*

Однако эксперты Госплана СССР посчитали, что с выявлением промышленных запасов енских руд торопиться не следует. «Крупный план строительства предприятий чёрной металлургии в тре-

---

* Илья Ильич Малышев (1904–1973) – советский государственный деятель, председатель Комитета по делам геологии при СНК СССР, министр геологии СССР.

твей пятилетке, – писали госплановские чиновники, – не предвидит освоения Енского месторождения в третьем пятилетии. Исходя из указанной установки, необходимо все подготовительные работы по разведке и исследовательским работам вести с таким расчётом, чтобы план промышленного освоения месторождения внести на рассмотрение Экономсовета в первом полугодии 1943 года».

Малышева такой ответ не устраивает. Он отправляет деловую записку в адрес т.т. И.В. Сталина и В.М. Молотова, а копию – заместителю Председателя Совнаркома СССР А.Я. Вышинскому. Записка переадресовывается в Госплан Н.А. Вознесенскому с резолюцией Вышинского: «*Проследите за движением дела и меня информируйте*». (Не удивляйся, читатель. Бывший Генеральный прокурор СССР, Государственный обвинитель политических процессов 1937-1938 годов пошёл на повышение и одно время был заместителем Председателя Совнаркома, он курировал науку, образование и культуру).

Имена вождей подействовали на госплановцев отрезвляюще. В Госплане формируется специальная Комиссия для подготовки предложений по освоению полезных ископаемых Кольского полуострова и Карельской АССР, в наркомате чёрной металлургии СССР создаётся Технический Совет по изучению бедных руд во главе с Государственным советником по металлургии и химии академиком И.П. Бардиным.

Экономический Совет при Совете Народных Комиссаров Союза ССР – высший экономический орган страны – подготовил проект о промышленном использовании минеральных богатств Европейского Севера, который обязывал Комитет по делам геологии организовать до 1 января 1940 года промышленную разведку енских руд, наркомату чёрной металлургии определено задание – провести испытания по обогащению и переработке руд, наркомату топливной промышленности – испытать на коксуюемость воркутинские угли. А наркомат путей сообщения должен был приступить к разработке проекта на строительство железнодорожного пути, соединяющей Енское месторождение с Кировской железной дорогой.

Таким образом, к осени 1939 года в правительстве вплотную подошли к решению важной государственной задачи – созданию металлургической базы на Севере СССР.

Но разве мог такой грандиозный проект исходить от кого-то, кроме Сталина!

Всё значимое, что возводилось в СССР в довоенное время – Беломорканал, Урало-Кузнецкий металлургический комбинат, Рыбинское море, Днепрогэс – исходило только от имени великого вождя. Его именем назывались города, заводы и фабрики, каналы и премии в области науки и литературы. О нём слагали стихи и песни, былины и сказания...

К 60-летию юбилею «творца человеческого счастья» решил внести свою лепту в прославление мудрости вождя и первый нарком чёрной металлургии СССР Ф.А. Меркулов. 22 декабря 1939 года в газете «За индустрию» была опубликована его статья «Сталин и борьба за металл». (Интересно, что в личном фонде Меркулова папка с подборкой статей о создании большой металлургии для Ленинграда, которая хранится в Российском государственном архиве экономики, ранее называлась «Киров и борьба за металл»).

Меркулов поведал читателям, как в начале ноября был приглашён товарищем Сталиным в Кремль, как вождь внимательно выслушал его сообщение о состоянии дел в металлургической промышленности и как по-отечески журил металлургов за упущения. Иосиф Виссарионович предложил расширить фронт использования природных богатств и с этой целью особое внимание обратить на руды с пониженным содержанием железа, вовлечь их в промышленную эксплуатацию.

– Металлурги поступают неправильно, пренебрегая так называемыми «бедными» рудами, – говорил товарищ Сталин. – До сих пор они не обращают внимания на богатейшие месторождения Кольского полуострова. Между тем, создание металлургии для Северо-Запада на базе этих руд имело бы большое значение для всего народного хозяйства СССР.

В общем, товарищ Сталин дал понять, чьей должна быть идея о большой металлургии для Ленинграда и всего Северо-Запада.

Конечно, Федор Александрович мог бы напомнить товарищу Сталину о своём выступлении на съезде, в котором он призывал «стальной бронёй опоясать Советский Союз», «сделать его крепостью, неприступной для любого врага». Для этого Меркулов

предлагал «привести в большевистский порядок и максимально использовать буквально все рудные запасы», в том числе и с низким содержанием железа. «Мы должны развивать металлургию на Севере на базе руд Кольского полуострова и печорских углей, в Дагестане, Средней Азии», – призывал тогда нарком. Но остался не услышанным делегатами съезда (вернее – И.В. Сталиным).

Благоразумие взяло верх. На встрече с вождём Меркулов постарался позабыть о том, что говорил на съезде. Не враг же он себе! Он знал, чем обернулся призыв секретаря Мурманского обкома ВКП(б) Н.С. Железнякова, который в предсъездовские дни на областной партконференции поставил вопрос об обязательном решении в третьей пятилетке *«создания Кольско-Печорского комбината – по существу новой базы черной металлургии на Севере»*. Железняков, возомнивший себя вершителем государственных дел, вскоре был арестован и изобличён «в изменнических шпионских связях с польской разведкой», а мурманские большевики лишились права участия в работе съезда за то, что не разглядели «врага народа».

Не стал говорить Меркулов и о той большой работе, которую проводят Комитет по делам геологии, Госплан и вверенный ему наркомат для того, чтобы в районе Ленинграда появилась своя металлургия. Он понял, что отныне творцом новой металлургической базы будет Сталин. И заверил товарища Сталина, что ЕГО указания станут для наркомата чёрной металлургии СССР руководством к действию.

После встречи Ф.А. Меркулова с вождём наркоматовцы придали своей работе ускорение. В спешном порядке они подготовили и направили товарищу Сталину проект правительственного постановления о создании на Кольском полуострове двух небольших заводов в районах железорудных месторождений Ены (Ковдорское) и Заимандры (Оленегорское). Суммарная мощность намеченных к строительству предприятий даже наполовину не покрывала дефицит металла ленинградской промышленности.

«Мелко мыслит товарищ Меркулов, нет у него партийно-политического чутья. То, что предлагает, новой металлургической базой не назовешь. Надо искать ему замену», – подумал Сталин.

«Не до научных дискуссий...»

I

Советско-финская война, развернувшаяся неподалеку от железорудных месторождений, на полгода отдалила решение проблемы северо-западной металлургии.

Вновь вернулись к ней лишь 5 мая 1940 года. В этот день члены Экономического Совета т.т. Булганин, Микоян, Первухин (Экономсовет), Вознесенский (Госплан СССР), Меркулов, Жилияков (НКЧМ), Малышев (Комитет по делам геологии) и Чернышов (НКВД) рассмотрели вопрос «О промышленном освоении Ено-Ковдорского железорудного района в Мурманской области». В ходе дебатов родился документ, который обязывал Комитет геологии определить к концу 1940 года промышленные запасы енских руд, а наркомату чёрной металлургии на основании этих данных – разработать предложения о промышленной эксплуатации руд и строительстве на их базе металлургического завода. Эти предложения должны были пройти экспертизу в Госплане СССР, после чего представлены на рассмотрение в Совет по металлургии и химии.

Сталин внимательно, очень внимательно выслушал Председателя Экономического Совета Н.А. Булганина, который доложил о том, как продвигается работа по организации на Северо-Западе крупного металлургического производства. «Надо форсировать работу в этом направлении, – на сей раз решил Сталин. – Для начала проведем «ротацию кадров». Он дал задание Л.П. Берии проверить «чистоту рядов» среди управленцев наркомата черной металлургии, а заодно и в Комитете по делам геологии. Самих руководителей не трогать, только их окружение.

На место Меркулова Сталин назначает Ивана Тевадросовича (в обиходе – Фёдоровича) Тевосяна*, который хорошо себя проявил на посту директора завода «Электросталь» и наркома судостроения. Хороший организатор, в совершенстве знает отечественную и зарубежную металлургию. Деятельный, энергичный, напористый, верный солдат партии, а, главное, обладает готовностью беспрекословно исполнить любое желание вождя. Надёжность и преданность И.Т. Тевосяна «лично товарищу Сталину» вождь закрепил своеобразным способом: брат Ивана Федоровича был обвинён во вредительской деятельности и препровождён за колючую проволоку: знай, мол, какая и тебя ожидает судьба, если что... Можешь и ты, товарищ Тевосян, загреметь вслед за братом.

17 мая 1940 года Иосиф Виссарионович пригласил Тевосяна в Кремль и поздравил его с новым назначением.

– Спасибо, товарищ Сталин, – поблагодарил вождя Тевосян. – Я готов выполнить любое Ваше задание, отдать до капли всего себя, чтобы оправдать Ваше доверие. Но считаю нужным сообщить, что мой брат арестован как «враг народа».

– Я знаю об этом, – ответил Сталин. – Вас, Иван Федорович, я числил и числю среди своих друзей. О брате не вспоминайте, Бог с ним. Работайте спокойно. Надо вытащить металлургическую промышленность из глубокой ямы. Что нужно, обращайтесь напрямую.

Не первый год советская металлургия топталась на месте, её считали хронически больной отраслью. План выполнялся лишь на шестьдесят процентов. Для производства стали не хватало чугуна. Простаивали прокатные станы. В состоянии запущенности пребывали тылы металлургии: добыча руды, известняка, производство кокса, металлургическое машиностроение. Дальше мириться с таким положением дел нельзя.

---

* Иван Тевадросович Тевосян (1902-1958) – видный государственный и политический деятель. Нарком судостроительной промышленности, нарком черной металлургии СССР, министр металлургической промышленности, заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Будучи членом ЦК ВКП(б) и зная о его могуществе, Тевосян «пробил» специальное постановление партии и правительства «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката». Затем привлёк большую группу специалистов для анализа работы наркомата и определения путей коренного улучшения организации металлургического производства.

В справке, представленной экспертами, говорилось, что причиной отставания отрасли явилось «вредительское руководство бывшего наркомата при строительстве отдельных предприятий, что создало крупнейшие диспропорции».

Насчёт вредительства Меркулова Иван Федорович не верил, иначе бы вряд ли оставил его своим заместителем. Организаторских данных не хватило, с этим согласиться можно. Что же касается диспропорции... Кому как не ему, Тевосяну, не знать о диспропорции между потребностью и производством металла. Целый год, находясь в Питере в качестве наркома судостроения, он выколачивал «фонды» на металл. Вот и сейчас у него на столе лежит целая гора заявок. Даже члену Политбюро, секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Жданову приходится подключаться, чтобы выбить для Ленинграда чугун, спецсталь, трубы, прокат. Заводы Юга и Урала срывают поставки, и посему Кировский, Ижорский, Балтийский и другие заводы на грани остановки. А это зна-

И.Т. Тевосян,
народный комиссар
черной металлургии
СССР

И.П. Бардин,
государственный
советник
по металлургии и
химии

чит, что страна получит меньше турбин, тракторов, точных приборов, кораблей и танков, зениток и боеприпасов. Сочувствует Иван Федорович Жданову, но помочь ничем не может. Спасти положение ленинградской промышленности может лишь создание собственной металлургии.

Он ещё раз прочитал постановление Экономического Совета, которым в обязанность наркомата чёрной металлургии вменялась разработка мероприятий по строительству металлургического завода, использующего руды Кольского полуострова. «Вот, что должно стать главным на сегодняшний день в работе вверенного мне наркомата, – создание металлургической базы для Ленинграда и прилегающих к нему областей!» – решил Тевосян.

Он взял папку с тесёмками, вложил туда постановление Экономсовета и хорошо отточенным карандашом подписал: «Материалы к вопросу об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР». Позвонил Бардину, одному из своих заместителей, который курировал Технический отдел наркомата, а, кроме того, исполнял обязанности члена Экспертного Совета Госплана СССР и члена Совета по металлургии и химии.

Иван Павлович Бардин прошёл суровую школу металлурга. После окончания Киевского политехнического института он так и не смог найти в России работу по специальности и уехал в Америку, но и там ему удалось устроиться только простым рабочим. В двадцатые годы в условиях разрухи и голода Бардин руководил восстановлением металлургических заводов Юга. Глубокие знания инженера и энергию руководителя он отдавал возрождению металлургических заводов Енакиева, Макеевки, Дзержинска. А когда зазвучали позывные первой пятилетки, ему предложили возглавить строительство крупного металлургического комбината в Сибири, назначив техническим директором Кузнецкстроя. Здесь с особой силой проявились его незаурядный организаторский талант, глубокие инженерные знания, кипучая энергия, умение решать сложные проблемы теоретической и практической металлургии.

Всего 1000 дней потребовалось Бардину, чтобы в сложных климатических условиях Сибири возвести первенец сибирской

металлургии. Такого темпа строительства в мировой практике не было. И когда Академия наук СССР решила пополнить свои ряды за счёт неординарных инженеров-практиков, кузнечане предложили кандидатуру И.П. Бардина.

«Когда мне сообщили об этом, – пишет Бардин в своей книге “Жизнь инженера”, – я опешил. Никаких значительных трудов я в своей жизни не написал. Я был инженером-практиком, хорошо знал американскую технику металлургической промышленности и все свои знания использовал для того, чтобы построить в Сибири усовершенствованный, американского типа металлургический завод. Но, по моим представлениям, академик должен сидеть где-то в тиши кабинета, в лаборатории, я же постоянно находился на заводе, у домен, у мартенов, у горячего металла. Какой из меня академик? Я поделился своими сомнениями с партийными товарищами. Они показали мне на площадку. Отчетливо на фоне синего мартовского неба вырисовывались кауперы, домна. Правее виднелись фермы мартеновского цеха, на площадке уже развернулся большой действующий завод. “Это не только написано, но и построено, и это стоит многих научных трудов”, – ответили они мне».

В 1937 году И.П. Бардина приглашают в Москву на должность главного инженера ГУМПа (Главного управления металлургической промышленности Народного Комиссариата тяжелой промышленности СССР), тогда же его назначают Председателем Президиума Уральского филиала Академии наук СССР, поручают создать и возглавить в качестве директора Институт металлургии Академии наук СССР. В 1939 году он становится заместителем народного комиссара чёрной металлургии и членом Совета по металлургии и химии при Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

...Тевосян предложил Бардину присесть, а сам начал мерить шагами свой кабинет, иногда останавливаясь перед Бардиным.

– Нам, Иван Павлович, поставлена задача: подготовить предложения по строительству крупного завода для снабжения ме-

таллом Ленинградской, Мурманской и Архангельской областей, – говорил Тевосян. – Вопрос на контроле Хозяина. Вы должны дать ответ по двум главным направлениям: что необходимо предпринять, чтобы использовать бедные железом енисейские руды, и где следует возводить завод. Времени в обрез. Вознесенский, не дожидаясь, когда мы ему предоставим свои соображения, уже дал задание своим сотрудникам до 1 июля разработать мероприятия по созданию новой металлургической базы. Как мы будем выглядеть в глазах товарища Сталина, если Председатель Госплана-вой комиссии СССР первым представит проект?

II

...До поздней ночи засиживается Бардин в своем кабинете, который стал похож на Генеральный штаб перед важным сражением. Фактически так оно и было: шла битва за металл для Ленинграда. Огромный стол заместителя наркома чёрной металлургии завален научными книгами и справочниками, картами и схемами, таблицами, диаграммами, образцами минералов. Вместе с начальником Главгеологии наркомата А.А. Жилияковым, начальником технического отдела Н.И. Коробовым листает Иван Павлович отчёты геологических экспедиций, знакомится с результатами лабораторных исследований, анализирует данные по обогащению руд, делает выписки. Прибывшие из Ленинграда гипрометовцы В.В. Бродский и В.М. Воронков показывают свои намётки по профилю будущего завода.

Ещё в августе 1939 года на одном из заседаний Технического совета НКЧМ по докладу Бардина было принято постановление по изучению «бедных руд»: *«В целях более правильного использования рудных ресурсов страны и устранения их непроизводительных потерь считать необходимым немедленно приступить к широкому использованию так называемых «бедных руд» в чёрной металлургии»*. На вопрос, когда будут задействованы руды Кольского полуострова, Бардин ответил тогда: *«В перспективе ближайших 5-8 лет, возможно, будет приступлено к строительству в районе*

Енского месторождения рудника мощностью примерно три миллиона тонн с добычей руды сначала для экспорта, а впоследствии для снабжения ею металлургического завода. Это должно быть связано с получением печорских углей».

«Вот ведь как у нас, – подумал Бардин, – только вчера поставлен вопрос об использовании в производстве чугуна «бедных» руд, а уже сегодня приказано форсировать работы по созданию на их основе металлургического завода! Ну что же, будем форсировать».

Никаких сомнений у академика не вызывал тот факт, что месторождения Кольского полуострова представляют промышленную ценность. Пусть в них железа всего 28-30 процентов, но если руды обогатить, можно получить 60-процентный концентрат. Видимо, кончилось золотое время использования в промышленности только «богатых» руд. Строительством северо-западного завода советская металлургия вступает в новую стадию – работу на рудах с пониженным содержанием железа. Да, увеличатся капитальные вложения, это так. Но появится возможность более равномерно размещать промышленность, индустриализовать отсталые окраины. Северо-западный завод впервые в мире начнет работать по новой технологии – на «бедных» рудах. Сырья здесь хватит лет на сто даже в том случае, если завод запланировать производительностью два миллиона тонн в год!

Но и такой мощный завод, несмотря на универсальный сортамент, не покрывает потребности северо-западных и центральных районов в металле. Поэтому сразу следует подумать и о постройке крупного специализированного комбината, скажем, на пудожгорских титаномагнетитах. Сложнее с топливом. Торф, горючие сланцы и отходы древесины не могут служить технологическим топливом для крупного завода. Боровичские угли не коксуются. Что тогда? Снова везти из Донбасса? Нет, надо ориентироваться на Печорское месторождение, пусть до него полторы тысячи километров. ГУЛАГ НКВД уже наладил там добычу, а строящаяся железная дорога даст выход углям в сторону Ленинграда.

Бурную полемику вызвал вопрос о месте размещения центрального завода. Коробов доказывал, что его надо по примеру Магнитки «посадить» «на руде» в районе Кандалакши, Жилияков –

«на угле» в Воркуте, как это сделано при сооружении Кузнецкого комбината. А гипромезовцы Бродский и Воронков отошли от стереотипа и посчитали, что средней точкой для снабжения металлом всего Севера должен быть Архангельск, сырье для завода подвозить морским путём. Ферсман так же полагает, что завод должен быть где-то между месторождениями угля и руды на линии Плесецкая – Котлас, в этом случае можно будет в недалёком будущем доставлять уголь по железной дороге Воркута – Котлас – Ленинград, которая уже строится, а руду – морским путём.

Однако все эти варианты требовали создания на площадке будущего завода огромных складов для хранения сырья и топлива, ибо доставлять их предполагалось по Северному морскому пути только в навигационный период.

Рассмотрев самые разные предложения, академик Бардин подвел итог выступлениям:

– Мы не должны забывать, что источники сырья и топлива находятся в зоне вечной мерзлоты. Северный Ледовитый океан восемь месяцев в году покрыт льдами. Поэтому ни Кандалакша, ни Воркута, ни Архангельск не могут быть центрами северо-западной металлургии. Место постройки завода должно быть в обжитом и освоенном районе. При этом мы должны учитывать фактор удаленности или близости завода к Ленинграду, главному потребителю металла.

Кратчайшие пути руды, угля и металлошихты, я считаю, должны быть на стыке высокоразвитых экономических районов, а точка строительства завода – в месте пересечения железнодорожной линии Вологда – Ленинград с водной системой. Таким образом, будут связаны между собой железорудные и угольные месторождения, а также металлопотребляющие города: Ленинград, Горький и другие районы. Такой точкой может стать Череповец. Имеющаяся здесь сеть железнодорожных и водных путей обеспечит доставку материалов и оборудования в период строительства завода без предварительной подготовки.

Поистине это была настоящая революция в металлургии: впервые в мире Бардин предложил строить металлургический завод не по привычной схеме: «на руде» или «на угле», а с учетом близости к потребителям готовой продукции!

После долгих споров остановились на двух пунктах: Череповец и станция Свирь, что неподалеку от Лодейного Поля (при условии, что через неё пройдёт железная дорога, которая свяжет с магистралью Ленинград с Мурманском).

Какой из вариантов лучше? На это можно ответить после глубокого исследования и всестороннего сопоставления. А для этого разработку проектов вести параллельно. Чтобы потом выбрать самый оптимальный, тот, который даст меньше издержек из-за чрезмерно дальних перевозок.

Передавая на подпись наркому труд экспертов на 40 листах, Бардин заметил, что это всего-навсего предварительные соображения, для окончательных выводов требуется серьёзная экономическая экспертиза. На что Тевосян ответил:

– Дорогой Иван Павлович! Я прекрасно понимаю, что экспертиза нужна. И хорошо бы исследовать несколько площадок. И тылы металлургии – руду, уголь, флюсы, лом, кокс – заранее подготовить, а уж потом затевать постройку завода. Но на нас неумолимо надвигается война. Время сейчас такое, что не до научных дискуссий. Кованые сапоги гитлеровских молодчиков уже стучат по брусчатке европейских столиц. Война с фашистской Германией неминуема. Конечно, Гитлер не нападет на нас раньше лета 1943 года, пока не разделается с Англией. Так говорит товарищ Сталин. А за это время, если как следует организовать дело, Северо-Запад может получить собственную металлургическую базу, оборонные заводы будут иметь так необходимый металл. Кстати, почему Череповец, а не Вологда?

– А почему Вологда?

– Там товарищ Сталин отбывал ссылку. А это много значит. Без поддержки товарища Сталина проблему не решить.

– У Череповца идеальное географическое положение. Имеющиеся железнодорожные и водные пути обеспечат связь как с месторождениями руды и угля, так и с металлопотребляющими промышленными районами.

– Ну, хорошо. Пусть будет Череповец.

Гениальная идея... *товарища Сталина*

I

Напомню, что перечень мероприятий по созданию металлургического производства в северо-западном регионе наркомат чёрной металлургии должен был представить в Экономический Совет при Совнаркоме СССР с заключением экспертов Госплана. Однако Тевосян посчитал это пустой формальностью. Он помнил, кто в стране Хозяин. За время работы в правительстве Иван Федорович хорошо изучил характер вождя. Знал он, что Иосиф Виссарионович порой отвергал хорошую идею, предложенную кем-то, но проходило какое-то время, и вождь предлагал её от своего имени. Тевосян решил использовать такое свойство характера Сталина. И стал думать, как сделать так, чтобы мысль о создании новой металлургической базы была сталинской. В союзники он взял председателя Комитета по делам геологии И.И. Малышева.

Неугомонный Илья Ильич Малышев получил хорошего союзника в лице Тевосяна. Только такой человек, как Тевосян, – энергичный и напористый, способный идти напролом ради достижения цели, – мог выполнить решение Экономического совета и представить Сталину предложения о строительстве северо-западного металлургического завода.

Итак, за дело. Толстую папку «Материалов...», подготовленную группой Бардина, Сталин вряд ли станет читать. Поэтому 40 страниц текста наркомы сжали до шести и в виде докладной записки «Об организации металлургического производства на Северо-Западе СССР на базе железных руд Кольского полуострова и каменных углей Печорского бассейна» 10 июня направили в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова.

«Дефицит металла для районов Северо-Запада так велик, – писали наркомы в сопроводительном письме, – что требует для своего покрытия постройки завода мощностью 1,0-1,2 миллиона тонн стали в год... Наиболее благоприятно расположенным в отношении транспортной связи как с месторождениями угля и руды, так и с районами металлопотребления является район города Череповец».

Заодно написали записку о создании металлургического предприятия в Карело-Финской ССР. О Свири и намёка не было. Заканчивалось письмо характерной для того времени припиской: *«С тов. Берия согласована передача этого строительства Народному Комиссариату внутренних дел».* Лаврентия Павловича Тевосяну было не обойти. Ведая органами внутренних дел, Берия постепенно стал охватывать и ряд народнохозяйственных задач, год от года все более крупных. Ни одно большое строительство в стране уже не обходилось без его участия. Распоряжаясь ГУЛАГом (Главным управлением лагерей), он сосредоточил на ударных сталинских стройках неисчислимую армию заключенных, которые были тогда главной движущей силой индустриализации.

15 июня 1940 года курьер вручил Тевосяну правительственный пакет с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве металлургического комбината в Пудож Горе – *«в целях промышленного развития качественной металлургии и производства феррованадия».*

Проходит день за днем. По Череповцу нет пакета. Нервничает Тевосян. Нервничает Малышев. А выдающийся режиссер товарищ Сталин разыгрывает спектакль: вызывает Тевосяна в Кремль и в присутствии Молотова, Берии, Малышева демонстрирует свою гениальность – диктует текст постановления об организации металлургической базы с центром в Череповце!

II

Вот как это происходило.

...Кабинет наркома чёрной металлургии СССР. Идёт оперативное совещание. Неожиданно зазвонила кремлёвская вертушка. Тевосян взял трубку, сказал:

– Немедленно выезжаю. – И объяснил сослуживцам: – Вызывает товарищ Сталин. По возвращении я вас приглашу.

В кабинете вождя уже находились Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотов, Председатель Комитета по Делах геологии И.И. Малышев и народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия. Сталин поздоровался с Тевосяном и начал беседу:

– Тут вот товарищ Малышев доложил нам о том, что геологи открыли на Кольском полуострове крупные месторождения хороших руд. Теперь, когда уже разрабатываются в Печорском бассейне коксующиеся угли, можно принимать решение о строительстве на их базе металлургического завода. Металл необходим Ленинграду и другим промышленным городам в этом районе. Как думаешь, Иван Федорович?

– Очень своевременное решение, товарищ Сталин, – ответил Тевосян.

Это отрывок из воспоминаний Николая Ивановича Коробова*, которые хранятся в Совете старейших металлургов Министерства чёрной металлургии СССР. Что интересно, написать воспоминание о том, кто стоял у истоков северной стали, его подвигла моя публикация в августовском номере за 1980 год в журнале «Металлург» о роли музея трудовой славы комбината в воспитании членов коллектива. Воспоминание относилось к словам: «На

---

* Николай Иванович Коробов (1905–1989) – начальник технического отдела НКЧМ СССР, директор Ленгипромеза, эксперт Госплана СССР, профессор Московского института стали и сплавов. Один из активных участников планирования строительства Череповецкого металлургического завода. В 1940 году был председателем Правительственной комиссии по выбору строительной площадки ЧМЗ.

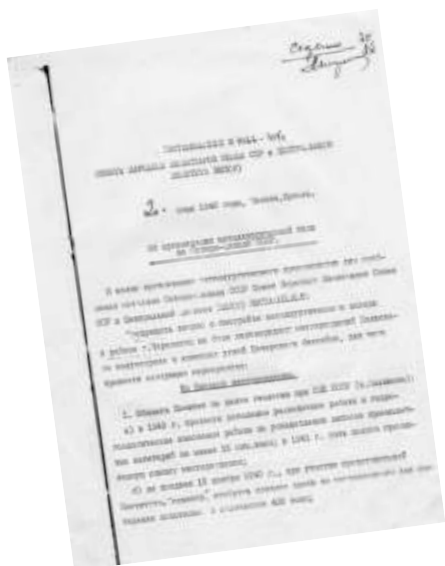
стенде, рассказывающем о возникновении нашего предприятия, представлены документы и фотографии о выдающемся ученом И.П. Бардине, обосновавшем идею создания Череповецкого металлургического завода». И вот в противовес этим словам Н.И. Коробов, бывший в 1940 году начальником Технического отдела наркомата чёрной металлургии, написал, что инициатором постройки завода в Череповце является вовсе не академик Бардин, а товарищ Сталин.

Я был в шоке. На руках у меня уже были копии документов: «Материалы по вопросу об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР» и докладная записка наркома чёрной металлургии СССР И.Т. Тевосяна и председателя Комитета по делам геологии И.И. Малышева т.т. Сталину и Молотову о необходимости создания металлургической базы с центром в Череповце.

Как состыковать коробовские воспоминания и архивные документы? Не слишком ли профессор Коробов возвеличивает заслуги Сталина в этом вопросе?

В Совете старейших металлургов СССР мне подсказали адрес В.С. Бычкова. До войны он был заместителем наркома чёрной металлургии по кадрам. Когда я поделился с ним своими сомнениями по поводу достоверности воспоминаний Н.И. Коробова, Валерий Степанович сказал:

– Не сомневайтесь, я сам присутствовал на этом памятном совещании у Тевосяна. Так и было. Из Кремля Иван Федорович вернулся с постановлением, которым был предрешён вопрос о постройке Череповецкого завода. А перед этим все сотрудники наркомата работали над докладной запиской Сталину и проектом постановления. За несколько лет общения Иван Федорович хорошо изучил характер Сталина. Послав в адрес вождя готовый проект о создании северо-западной металлургии, он снабдил ЕГО хорошо мотивированными соображениями, чтобы товарищ Сталин проникся идеей, свылся с ней и ...счёл СВОЕЙ. Тевосян рассчитал верно. Учёл и политическую обстановку, и масштаб комбината, и место постройки. Он отсёк Свирь и оставил один Череповец. Разве вождь может сомневаться, где строить?

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)
«Об организации металлургической базы
на Северо-Западе СССР»

...Сталин неторопливо прохаживался по кабинету. После репрессивной вакханалии 1937-1938 годов ЕГО власть достигла своего апогея, и ОН перестал считаться с окружением, часто принимал решения единолично или составом так называемого «малого Политбюро»: ОН, Молотов и Берия. ОН знал, что за глаза ЕГО называют Хозяином. И это ЕМУ нравилось. Неплохо быть единоличным Хозяином огромной страны.

Нередко Сталин разыгрывал спектакли, в которых выступал и сценаристом, и режиссером-постановщиком, и главным действующим лицом. И в нашем случае аналитический ум Сталина сразу оценил оригинальность на первый взгляд сумасбродной идеи: строить металлургический завод не по шаблону – «на руде» или «на угле», а в точке, расположенной сравнительно неподалеку от индустриальных центров. Только так можно получить северный металл. ОН сделал вид, будто вовсе не знаком с содержанием докладных записок, которые ЕМУ прислали Тевосян и Малышев, и что решение проблемы северо-западной металлургии родилось в ЕГО голове только что.

Сталин раскурлил трубку и продолжил:

– Ну что же. Теперь давайте подумаем, где расположить завод. В Заполярье? Там вечная мерзлота, суровый климат, месторождения оторваны от крупных индустриальных городов. По-мо-

ему, надо строить в районе с более благоприятным климатом и не очень отдалённом от металлопотребляющих городов. Так, товарищ Тевосян?

– Совершенно с Вами согласен, товарищ Сталин, – подтвердил Тевосян.

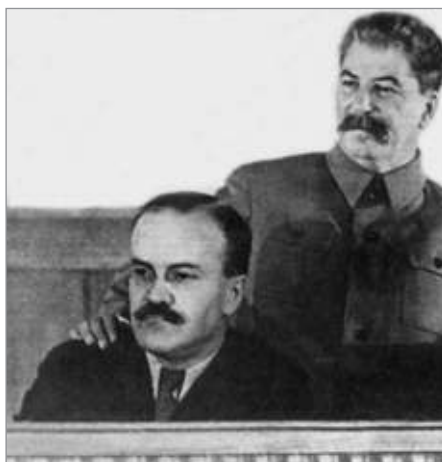
Подойдя к карте Советского Союза, Иосиф Виссарионович отыскал неподалеку от Вологды небольшой кружок и, обращаясь к Молотову, сказал:

– Вячеслав Михайлович! Мы с тобой были в ссылке в Вологодской губернии и хорошо знаем эти места. Пожалуй, лучше всего расположить завод в районе города Череповец.

– Гениальная мысль, товарищ Сталин, – с готовностью поддержал вождя Молотов. – В центре – мощный транспортный узел, а вокруг крупные промышленные города: Москва, Ленинград, Архангельск, Горький, Ярославль, куда пойдет металл. Гениально!

Берия, Малышев и Тевосян тоже стали дружно одобрять выбор Иосифом Виссарионовичем Череповца.

Сталину было приятно, что участники нынешней премьеры ахают и восторгаются ЕГО мудростью и прозорливостью. Вот назвал ОН Череповец, но с таким же успехом мог назвать Вологду и

И.В. Сталин и В.М. Молотов

Сольвычегодск, где в 1909 – 1911 годах отбывал ссылку! Уверен, что ни Молотов, ни Тевосян, ни Малышев не стали бы перечить. Кто мог возразить, так это Киров. Как нелегко было в тридцать третьем уйти от разговора о «большой металлургии» для Ленинграда! Теперь другое дело. Кирова нет, а остальных членов Политбюро и наркомов можно не брать во внимание. Через минуту разойдутся они по своим кабинетам, и придет в движение маховик Системы, рожденной и выпестованной ИМ, Сталиным. Отрадно сознавать, что без ЕГО указаний ничто в этой огромной стране не сдвинется с места!

Продемонстрировав свою мудрость, Сталин вызвал стенографистку.

– Думаю, что мы поступим правильно, если немедленно примем соответствующее постановление. Сформулируем так: «Об организации металлургической базы на Северо-Западе СССР».

Сталин остановился за спиной девушки, помедлив немного, указал ей:

– В правом углу добавьте: «секретно». – И пояснил. – Не надо огласки. Зачем дразнить Адольфа Гитлера сооружением стратегического объекта? У нас с ним договор о дружбе.

Вновь бесшумно зашагал по кабинету, продолжая диктовать:

– Предрешить вопрос о постройке металлургического завода в районе города Череповец... Обязать Народный Комиссариат чёрной металлургии СССР в месячный срок выбрать площадку для строительства завода и приступить к его проектированию. Есть замечания по этим пунктам, товарищ Тевосян? Замечаний нет. Теперь о строительстве. Постройку завода поручим товарищу Берия. В хозяйстве Лаврентия Павловича найдутся специалисты на все руки. Что скажешь, Лаврентий Павлович?

– Найдутся, товарищ Сталин, сколько угодно, – ответил народный комиссар внутренних дел.

Другого ответа Иосиф Виссарионович не ожидал.

Выйдя из Кремля, Тевосян и Малышев облегченно вздохнули: всё закончилось благополучно. Не ошиблись наркомы в психологических особенностях товарища Сталина! Его аналитический

ум оценил оригинальность бардинской идеи создания северо-западной металлургии. Великолепный стратег, Иосиф Виссарионович Сталин некоторое время выждал, наблюдая за спорами и столкновениями специалистов, а затем в самый нужный момент вышел на авансцену уже как автор идеи строительства Череповецкого металлургического завода на базе кольских руд и печорских углей. Тем самым в очередной раз продемонстрировал перед соратниками величайшую мудрость, блестяще решив за какие-то минуты проблему, над которой бились лучшие умы России не одну сотню лет.

Скоро, очень скоро товарищ Сталин претворит в жизнь то, о чем только мечтали Пётр Великий и вожак питерских большевиков Киров. Товарищ Сталин насытит машиностроение и оборонную промышленность Северо-Запада собственным металлом...

И.И. Малышев вскоре получил письмо управделами Совнаркома СССР: *«Секретно. По поручению Совета народных комиссаров СССР сообщаю, что вопрос о Енском месторождении решен постановлением Совнаркома Союза СССР и ЦК ВКП(б) от 20. VI. 40 года. Управляющий делами СНК СССР М. Хломов».*

Подобное письмо под грифом «секретно» получил и П.В. Соляков, так удачно запустивший в работу бюрократическую машину. Добился, как и просил, проекта заводика в родной Карелии (который так и не был построен), а в «довесок» к нему – гигантского, по тем временам, металлургического комбината в Череповце.

Воспоминания свидетелей событий часто носят субъективный характер. И если есть такая возможность, их надо подтверждать документами. Я просмотрел журнал регистраций посетителей Сталина за июнь 1940 года. Поздно вечером 19 июня в кабинете Сталина были и Молотов, и Берия, и Малышев, и Тевосян. О чём могли вести беседу в кабинете Сталина главный геолог страны, нарком чёрной металлургии и нарком НКВД, в распоряжении которого были обитатели «ГУЛАГа» – главной рабочей силы сталинских строек? Конечно, о создании угольно-металлургической базы на Северо-Западе.

«Будем возрождать славу Железного Поля...»

I

Десятки машиностроительных заводов, проектных, академических и научно-исследовательских институтов были вовлечены во внеочередную сталинскую стройку – металлургического завода в Череповце. В срочном порядке НКВД создаёт новые «лаги» – исправительно-трудовые лагеря: «Кольсклаг», «Печоралаг», «Череповецлаг».

По улице Труда, 58 расположилось управление строящегося Череповецкого металлургического комбината (до войны в состав комбината входили Череповецкий металлургический завод и рудники Енского и Заимандровского месторождений). Уполномоченным Народного Комиссариата чёрной металлургии СССР по строительству комбината был назначен Николай Петрович Кузякин, 34-летний инженер-металлург, выпускник Всесоюзной промышленной академии имени И.В. Сталина.

Рано познал труд Николай Кузякин. Пас кулацких коров, был «мальчиком на побегушках» у толстосума, работал чернорабочим, токарем, столяром, кочегаром на колёсном пароходе. В 1929 году по призыву ЦК ВКП(б) он едет в приуральскую степь на стро-

Управление
строящегося в
1940-1941 гг.
Череповецкого
металлургического
комбината

Открытие мемориальной доски на здании, в котором до войны размещалось управление ЧМК, июль 2000 г.

ительство Магнитогорского металлургического комбината. Закончила бригада Кузякина рытьё котлована под фундамент первой домны, и направили его в Златоуст, там тоже началось строительство металлургического завода. Стал Николай Петрович заместителем начальника строительства. А стране-новостройке нужны были опытные руководящие кадры, и его посылают в Москву, где он становится слушателем Всесоюзной промышленной академии имени И.В. Сталина. Летом 1940 года защитил диплом и получил направление в Череповец.

В горсовете Николая Кузякина встретили восторженно, узнав, что приехал он возводить металлургический завод.

– Будем возрождать былую славу железннопольских металлургов! – радостно сказал, пожимая руку, Алексей Тимофеевич Смирнов, председатель горсовета.

– Как это возрождать? – удивился Николай Петрович.

– Так ведь в окрестностях Череповца с незапамятных времён занимались железным промыслом.

– Откуда ж железную руду брали?

– В здешних болотах, – пояснил Алексей Тимофеевич. – Не было в округе такой деревни, где бы не добывали руду-ржавицу, из которой выплавляли тысячи пудов железа. Слава об устюженских, уломских и череповецких ковалях разносилась по всей Руси.

– Очень интересно. Но сегодня на болотных рудах завода не построить, их хватило бы всего на несколько дней. Иные времена, иные масштабы. Поэтому и решено строить завод на базе минерального сырья. А местом для его возведения ваш город выбран не случайно: у него прекрасное географическое положение. Здесь, на перекрёстке железной дороги и водного пути в 1943 году встретятся угли Воркуты и руды Кольского полуострова.

В череповецком архиве хранится список первых работников управления. Их было двенадцать. Заместителем Кузякина стал С.Г. Русс, имевший за плечами Московское высшее инженерно-строительное училище и практическую работу на строительстве канала Москва-Волга и судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре. Инженер В.В. Ольшанский возглавил проектный отдел (в 1952 году он вернётся в Череповец и будет

Заключенные «Череповецлага» на строительстве бараков. 1941 г.

работать в дирекции С.И. Резникова). Начальником особого отдела стал бывший череповецкий чекист, гроза бандитов и контрреволюционеров Л.С. Наседкин. Числились в штате шофер, бухгалтер, счетовод-кассир.

Череповецкая стройка была внеплановой, и это обстоятельство вносило немало затруднений. Мчится Кузякин то в Москву, то в Ленинград, то в Вологду – выбивает финансы и кадры, согласовывает документы на отчуждение колхозных земель, выколачивает лесоматериалы, кирпич, технику.

На череповецкий вокзал один за другим прибывают товарняки с заключёнными. Политических среди них немного, больше так называемых «принудилловцев» – граждан, осуждённых к принудительной работе за небольшие преступления: хулиганство, прогулы, опоздание на работу. Были среди зэков и те, кто покушался на колхозную собственность – воровал для своих буренок охапку сена или подбирал колоски на убранных полях. Территорию «Череповецлага» обнесли колючей проволокой, установили вышку для охраны. В бывшей церкви Рождества Христова смастерили в несколько ярусов нары, рядом установили пятнадцать брезентовых палаток и приступили к строительству барачков.

II

В начале августа 1940 года в Череповец прибыла Правительственная комиссия по выбору промышленной площадки во главе с её председателем Н.И. Коробовым. Выделили для нее транспорт и работника аппарата, хорошо знавшего окрестности города. И заколесили специалисты НКЧМ, Гипромеца и НКВД по дорогам, лугам и болотинам вокруг Череповца.

На основании изученных картографических материалов, визуального изучения местности, консультаций со специалистами проектных организаций члены комиссии пришли к выводу, что наилучшим местом для промышленной площадки будет территория между железнодорожной линией и рекой Шексной. На этом

Н.И. Коробов,
председатель
Правительственной
комиссии по выбору
промышленной
площадки

М.Б. Лившиц,
главный инженер
проекта ЧМК

участке были обследованы три точки: к востоку от Череповца – в районе Макаринской рощи, возле села Ирдоматка и к западу от города – неподалеку от деревни Кичино. Учитывалось всё: удобство осуществления связи завода с железной дорогой и пристанью, грунты, расположение города относительно течения реки и розы ветров. Первые две площадки отвергли сразу, так как завод располагался бы выше по течению реки, что вызывало опасность загрязнения Шексны производственными водами. Из всех осмотренных площадок оптимальной оказалась третья – в районе Кичино. Устраивала она тем, что город оставался в стороне от господствующих южных и юго-западных ветров, и в то же время сохранялась с ним хорошая транспортная связь.

С архивной полки:

Из заключения Правительственной комиссии:

«Город Череповец расположен на пересечении Северной железной дороги и реки Шексны, входящей в состав Мариинской водной системы.

Наличие указанных железнодорожного и водного пути между Череповцом, с одной стороны, и рудной и топливной базами завода, а также с потребителями металла (Ленинградом, Архангельском, Москвой и т.д.), с другой, позволяют рассчитывать на использование этих путей как в период строительства, так и в период эксплуатации завода.

Город Череповец в настоящее время насчитывает 32 тысячи жителей. Промышленность слабо развита: имеются небольшой механический завод хлебо- и мясокомбинаты, обувная фабрика, судостроительные мастерские, лесопильный и водочный заводы. Город располагает жилплощадью 150 тыс. кв. метров и имеет культурно-бытовые и культурные учреждения (техникум, районную больницу, бани, столовые, школы, кинотеатр, пристань и т.д.).

Расположение строительства завода вблизи города позволяет рассчитывать на эффективное использование его в первые годы строительства и на создание на основе его реконструкции культурного соцгородка для металлургического комбината с общим количеством жителей до 100 тысяч человек».

12 августа 1940 года в Череповец пожаловал главный инженер проекта М.Б. Лившиц. Депутатов городского и районного советов трудящихся собрали на экстренное заседание. На повестке дня один вопрос: «Об отводе площадки под строительство металлургического завода». Решение приняли единогласно: «Считать целесообразным и возможным отвод под строительство металлургического завода площадки размером 400 гектаров в пределах территории, ограниченной с севера Северной железной дорогой, с востока – границей города Череповец, с юга – рекой Шексной и с запада – рекой Коштой».

То есть, той самой площадки, на которой сегодня стоит Череповецкий металлургический комбинат – ключевое предприятие международной сталелитейной компании «Северсталь».

«По государственным соображениям...»

I

Что значит вести внеплановую стройку в полной мере узнали и в Комитете по делам геологии, и в Гипромезе, и в Академии наук, и в наркомате чёрной металлургии. Во всех этих структурах царил напряжённая обстановка. Приходилось откладывать чей-то проект в сторону, чтобы заняться череповецким, переадресовывать в Череповец с других объектов оборудование и механизмы, в ускоренном ритме вести лабораторные и промышленные испытания железной руды и каменного угля.

24 сентября 1940 года И.Т. Тевосян собрал Коллегию наркомата чёрной металлургии. В её работе кроме управленцев НКЧМ принимали участие представители Гипромеза, ГУЛАГа НКВД, Института «Механобр», Комитета по делам геологии. Рассматривался вопрос о ходе выполнения постановления партии и правительства по строительству новых заводов, в том числе и череповецкого. Думаю, что представит интерес ознакомиться с содержанием стенограммы, ибо она передает, на мой взгляд, напряжённую обстановку того времени. Я выбрал из документа лишь то, что имеет отношение к Череповцу. Идёт обсуждение докладов заместителей наркомов: чёрной металлургии – Д.Я. Райзера и по строительству – П.А. Юдина.

С архивной полки:

Попов (ГУЛАГ НКВД):

Выделенный для Череповца лимит на оборудование и материалы – шесть миллионов рублей – обеспечивает разворот строительства. Мы готовы хоть сегодня увеличить число спецконтингента. Для жилья можем приспособить три церкви и пятнадцать палаток. Готовы приступить к постройке подсобного хозяйства и

вспомогательных предприятий, но нас сдерживает Гипромез. До сих пор проектанты не могут указать, где строить рабочий поселок и лагерь.

Антипов (Гипромез):

Решение вопроса по расположению лагеря осложняется тем, что мы ставим несколько задач: во время строительства использовать бараки для заключенных, а в будущем – под постоянное жильё для заводских рабочих.

Тевосян (нарком НКЧМ):

Из мелочных вопросов товарищ Антипов создаёт проблему. Вы нам расскажите, как вообще организована работа внутри Гипромеза, чем дышите, какую «струю» вольёте в проектирование новых заводов?

Антипов (Гипромез):

Считаем целесообразным в стадии технического проектирования, и особенно в период выполнения рабочих чертежей, максимально использовать типовые проекты. Мы сейчас ведём тридцать заводов, поэтому просим помочь кадрами.

Тевосян:

Согласен, Гипромез надо укреплять. Перебросим туда молодежь из научно-исследовательских институтов.

Мильнер («Механобр»):

Для Череповецкого завода большим вопросом является горнорудное хозяйство. Технология по переработке руд не ясна. Мы командировали на Заимандру и Ену бригады по отбору проб, которые доставляются в Ленинград самолетом. Что касается промышленных запасов, то они забракованы как недоброкачественные. Как только мы получим уточнённые данные, задержки с техническим проектом рудников не будет.

Кусочкин (Комитет по делам геологии):

Чтобы перевести запасы в промышленные категории, требуется объём разведочных работ в восемь миллионов рублей, а для этого следует забросить на Кольский полуостров десять буровых станков, которых нет в наличии.

Тевосян:

К сожалению, многие не почувствовали серьёзность задания по строительству Череповецкого завода и его рудной базы. На днях меня вызывал товарищ Сталин специально по вопросу полезных ископаемых Кольского полуострова, просил работы по Ене и Заимандре форсировать. Надо в срочном порядке перебросить туда станки с других месторождений.

Что касается Гипромеза. Здесь следует собрать весь цвет науки. Чтобы всё прогрессивное, что используется в отечественных и зарубежных проектах, было на наших новостройках. А мы так и не узнали, какова ваша техническая политика, товарищ Антонов. Какой тип блюминга, какой прокатный стан, мартен покажут себя лучше в работе? Какой вариант дешевле? Какая компоновка цехов на Череповецком заводе наиболее подходящая? Неужто так и будем ездить в Европу и Америку за опытом, приглашать иностранцев в качестве руководителей проектов?

Мы должны сами вершить техническую политику! Сами проектировать, всё оборудование делать своими руками! Кроме заводов тяжёлого машиностроения – Уралмаша и Краматорского – необходимо привлечь заводы среднего машиностроения.

Всем нам следует помнить, что вопрос о строительстве новых металлургических заводов поставлен товарищем Сталиным весьма серьёзно.

II

Ещё один стенографический отчет перенесёт нас на заседание Комиссии по вопросам чёрной металлургии и железным рудам, которое проходило 1–2 октября 1940 года в стенах Академии наук СССР.

Открывая заседание, председательствующий на нём академик А.Е. Ферсман* сказал:

– Проблема чёрной металлургии Севера до последнего времени не получила достаточного развития. Мы лишь провели разведку железных руд, детально они совершенно не изучены. До недавнего времени не были ясны пути овладения печорскими углями. Всё было в области предположений. Казалось, что только использование местного торфа, в крайнем случае, углей Донбасса или Шпицбергена может решить проблему чёрной металлургии Ленинграда.

Но вот недавно правительством принято постановление о сооружении железной дороги Воркута – Котлас – Коноша. Печорский угольный бассейн будет распечатан, индустриальные районы, тяготеющие к Неве и Волге, получают уголь и кокс. И здесь такой парадокс получается: теперь, когда овладение печорскими углями становится реальностью, вопрос, который

А.Е. Ферсман,
академик,
исследователь
природных богатств
Европейского
Севера

---

* Александр Евгеньевич Ферсман (1883 –1945 гг.) – советский геохимик и минералог, один из создателей новой науки, родившейся «на стыке» геологии и химии – геохимии, академик АН СССР, руководитель экспедиций по исследованию минеральных ресурсов Европейского Севера, Урала, Средней Азии.

казался вполне решённым, сделался более острым. Я говорю о рудах, металлургическом сырье. Мы провели только разведку, детально руды совершенно не изучены. Совокупность всех этих проблем мы и должны обсудить. Прошу высказываться.

С архивной полки:

А.А. Чернов (профессор, первооткрыватель Печорского угольного месторождения):

– Металлургия Северо-Запада должна ориентироваться только на печорские угли. Но свойств этих углей мы не знаем. Нужны опыты с коксованием, химико-технологическое исследование пластов.

Реплика Э.В. Брицке (академик, специалист в области переработки и использовании в народном хозяйстве металлургического и минерального сырья):

– Не думаю, что мы поступим правильно, если ограничимся мелкими лабораторными исследованиями. Надо в самое короткое время провести промышленные испытания.

В.М. Воронков (инженер Гипромеза):

– Нет сомнения, что крупное металлургическое предприятие должно базироваться на Енском и Заимандровском месторождениях. Но эти руды, к сожалению, изучены совершенно недостаточно. А без этого как составить полноценный технический проект завода?

А.Е. Пробст (профессор, видный исследователь энергетического сырья):

– В качестве энергетической базы необходимо учесть возможность использования торфа. Стоит проработать и вопрос строительства гидроэлектростанции на Шексне.

Э.В. Брицке:

– При построении столь мощного комбината необходимо самым тщательным образом продумать все способы удешевления и

рационализации. Экономика здесь чрезвычайно тяжелая. В таких условиях каждую копейку следует считать. Уже сейчас надо предусмотреть полную возможность утилизации шлака, использование его в строительстве. Это один из факторов удешевления чугуна. Желательно также в план мероприятий включить работу по обогащению углей в районе добычи, чтобы не возить пустой породы.

В.М. Воронков:

– А Гипромез считает, что обогащение угля целесообразно проводить на месте потребления, то есть, на металлургическом заводе. Надо считаться с условиями Крайнего Севера: угольный концентрат в пути в зимнее время может так смёрзнуть, что образовавшийся конгломерат и отбойным молотком не возьмешь.

Академик И.П. Бардин не спешил высказываться. Он понимал, что Академии наук досталась незавидная роль: подвести научную базу под спонтанно родившееся правительственное постановление. Разработав три месяца назад с группой экспертов предварительные соображения по созданию северо-западной металлургии, он никак не предполагал, что только что народившаяся идея сразу же станет руководством к действию – строительству завода. Он считал, что следовало ограничиться решением правительства о проведении подготовительных мероприятий. И уж потом разворачивать работы на заводской площадке. Ведь реальна только предпосылка к созданию новой металлургической базы: определены источники сырья и топлива, сделаны первые шаги по разведке полезных ископаемых. А требуются усилия широкого круга специалистов: не только геологов, но и металлургов, экономистов, транспортников. Надо провести детальные исследования, подкопить финансы наконец.

Если бы и после злодейского убийства Кирова продолжалось изучение ископаемых богатств Кольского полуострова, проводились лабораторные и промышленные испытания, были бы за-

ложены в Заполярье рудники и шахты, построены магистрали к источникам сырья – тогда начало строительства в 1940 году северо-западного металлургического завода было бы оправдано. Но пять лет забвения... За эти годы можно построить два таких завода как Кузнецкий.

Может, и прав Тевосян, заявив, что учёные сказали своё слово и теперь слово за политиками. Что ни говори, а «по государственным соображениям» северный металл необходим. Во-первых, необходимо, наконец, разрубить «гордиев узел» и решить проблему с сырьём для ленинградских предприятий; отсутствие собственной металлургии ставит промышленность Ленинграда и районов Европейского Севера в полную зависимость от поставки металла из отдаленных районов. А во-вторых, в целях обороны. С этим нельзя не согласиться. Войны не избежать. А чтобы достойно встретить врага, нужно много металла. И его даст, в том числе, и Череповецкий завод. И всё же, считаю, и в этих условиях следует стремиться к удешевлению.

Вот и академик Брицке, и профессор Пробст об этом говорят.

Выступление академика Бардина ждали с нетерпением. Видный ученый и смелый практик в который раз поразил чёткостью и ясностью мышления:

И.П. Бардин, академик,
заместитель наркома
черной металлургии
СССР

– При индустриальном освоении нового района нужно дать ответ на три вопроса: что надо делать, как надо делать и сколько надо делать.

Что надо делать? Это определяют природные ресурсы. Наличие на Севере крупных месторождений железных руд и каменных углей говорит о том, что здесь можно создать мощное металлургическое производство. Однако оно будет строиться в исключительных условиях. Подобного предприятия пока нет нигде на свете. Здесь тяжёлые климатические условия. Транспортные показатели нового завода будут огромные. Поэтому все возможности удешевления транспорта должны найти отражение в проекте. Кроме того, надо чрезвычайно хорошо взвесить экономическую составляющую. Будущее предприятие должно утилизировать местный скрап – металлический лом, который сейчас в огромном количестве вывозится на металлургические заводы Юга и Урала.

Что должен завод производить? Статистика показывает, что для Ленинградской, Вологодской областей и Коми АССР требуется 650 тысяч тонн чугуна, 750 тысяч тонн сортового металла и 150-200 тысяч тонн качественного проката. Если к этому прибавить Горький, которому требуется 600 тысяч тонн металла, то строить большой металлургический завод мы имеем право. Завод должен служить для производства таких профилей, таких сортов металла, каких до сих пор здесь не делали и которые нужны для того, чтобы ещё выше поднять уровень ленинградской строительной, судостроительной и машиностроительной техники.

А месторасположение – Череповец – выбрано очень удачно, он находится на судоходной реке, через город проходит железнодорожная магистраль, так что металл можно передавать по железной дороге, а в судоходное время – ещё и по воде.

Учёные согласились с предложениями И.П. Бардина. Президиум Академии наук СССР принял решение об организации в 1941-1942 годах четвёртой Кольской комплексной экспедиции во главе с академиком А.Е. Ферсманом. Десяткам научно-исследовательских институтов и геологических партий предстояло включиться в орбиту поисков, чтобы на карте Советского Союза появилась точка, означающая: родился новый металлургический центр.

«Придавая исключительное значение...»

I

Листаю пожелтевшие страницы газеты «Коммунист» за 1940 год. Мелькают заголовки передовиц: «Германские воздушные налеты на Англию...», «Принятие Литвы и Эстонии в братскую семью народов СССР...», «Мировой рекорд колхозницы-свинарки...». А вот и объявления: «Продается дойная корова...», «Требуется няня...», «Потерян хромовый сапог...». И вдруг... В № 245 за 20 октября увидел объявление: «Управлению Череповецкого металлургического комбината НКЧМ требуются на постоянную работу истопник, курьер-уборщица и секретарь-машинистка. С предложениями обращаться: улица Труда, 58. Дирекция».

Впрочем, такой текст значился лишь в заявке, которую за уполномоченного подписал Л. Наседкин, начальник особого отдела. А в газетном варианте первые пять слов, объясняющие, что это за организация, которой потребовались такие дефицитные специальности, вычеркнуты цензором: объект был засекречен, и все документы по созданию Череповецкого завода сопровождались указаниями «секретно», «совершенно секретно», «оглашению не подлежит».

Декабрь 1940 года. Николай Кузякин только что прибыл из Вологды с пленума областного комитета ВКП(б) и был под впечатлением доклада секретаря обкома партии П.Т. Комарова. Его переполняла радость, что он станет участником огромных преобразований, которые ждут Вологодчину: сооружение Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, электростанции на реке Сухоне и металлургического гиганта в Череповце. «Мы станем такой областью, которая займёт важнейшее место в экономике нашей страны, – говорил секретарь обкома. – Открывается новая страница Вологодской области. Она будет не только лесной, но и металлической!».

Кузякин достал топографическую карту пригорода Череповца, на которой Коробов набросал схему промышленной площадки наменного к строительству металлургического завода. На ней должны разместиться домны и мартены, коксовые батареи и прокатные станы. А чтобы они заработали, тысячи заключенных брошены на строительство железнодорожных магистралей, шахт, рудников и карьеров и металлургического завода в Череповце. Придёт время, – печорский уголь и руды Мурмана встретятся на берегах Шексны, огонь превратит их в металл, так необходимый Ленинграду...

Газета «Коммунист» информирует читателей о собрании городского партийного актива. В прениях по докладу секретаря Череповецкого городского комитета ВКП(б) тов. Анисимова выступили десять человек. Последней была фамилия Хархардина.

Между строк:

Читателям мало что говорила эта фамилия, а между тем капитан госбезопасности А.М. Хархардин был начальником Череповецлага. И на собрании партактива он сообщил о том, что ГУЛАГ НКВД утвердил план строительных работ по Череповцу без проектов и смет. В настоящее время ведётся работа по отчуждению земель близлежащих деревень для постройки промышленных предприятий и жилого поселка. В районе села Богородское уже начато сооружение барачных, складских помещений, подъездной железнодорожной ветки и конного двора, скоро Череповецлаг приступит к сооружению кирпичного и бетонного заводов, электростанции и лесозавода. В 1941 году на стройке будет занято свыше 10 тысяч человек, но не хватает квалифицированных рабочих: плотников, печников, каменщиков. Поэтому надо поставить перед обкомом вопрос о направлении в Череповец опытных специалистов.

Собрание городского партийного актива принимает постановление: «Придавая исключительное значение строительству металлургического завода в городе, партийный актив считает необходимым оказывать всемерную помощь и содействие строительству со стороны партийных и хозяйственных организаций».

15 декабря 1940 года. Л. Наседкин затребовал из Москвы правительственное постановление по строительству Череповецкого комбината. И получил отказ.

С архивной полки:

«Секретно.

Управление строительства ЧМК тов. Наседкину

Вы просите выслать постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20.06.40 г. № 1066-417С (буква «С» означает «секретно»).

Разъясняем, что указанное постановление «О создании металлургической базы на Северо-Западе СССР» является секретным, потому что содержит ряд данных, составляющих государственную тайну. А параграф 11-й, утвержденный Совнаркомом СССР, инструкции по ведению секретных дел запрещает снятие копии с секретных постановлений правительства. Такие документы адресуются только народному комиссару и хранятся в его делах. Нарком черной металлургии, в развитие указанного постановления, издал в свою очередь секретный приказ № 33, которым Вам и надлежит пользоваться.

Начальник секретно-шифровального отдела НКЧМ Горбунов».

В конце перестроечных 1980-х годов, когда архивы стали открывать свои тайны, послал и я запрос в Центральный Государственный архив Октябрьской революции: прислать копию самого первого правительственного документа по ЧМК. И вот приглашают меня в секретный отдел комбината и под расписку дают ознакомиться с выпиской Главного архивного управления: *«В целях организации металлургического производства для снабжения Северо-Запада СССР металлом Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют: «Предрешить вопрос о постройке металлургического завода в районе города Череповец...»* «Ознакомился?» – спрашивают меня «секретчики». – Распишись о неразглашении. Эти сведения не должны присутствовать в экспозиции музея, о них не должно быть упоминания в прессе».

Несмотря на объявленную гласность, несмотря на то, что комбинат существовал уже несколько десятков лет и о нём знали не только в нашей стране, гриф секретности продолжал действовать. Пришлось с просьбой о рассекречивании обращаться к Председателю Совета Министров СССР Н.И. Рыжкову...

Но только когда рухнул СССР, 13 августа 1993 года, руководство Apparата Совета Министров – Правительства Российской Федерации присылает в мой адрес копии правительственных документов 1940-1948 гг. о создании и развитии Череповецкого металлургического завода.

II

«Усилить фронт работ», «подтянуть тылы», «обеспечить форсированное развитие...» Эти армейские термины звучали на многих совещаниях по Череповцу.

В канун Нового, 1941-го, года на совместном совещании при народном комиссаре чёрной металлургии СССР и председателе Комитета по делам геологии был рассмотрен вопрос «О состоянии геологоразведочных работ и проектировании комплекса Череповецкого металлургического завода». С информацией выступили: главный геолог страны И.И. Малышев, главный инженер проекта М.Б. Лившиц, директор научно-исследовательского института Механобр А.И. Мильнер.

Послушаем, о чём шёл разговор.

С архивной полки:

Малышев: ВКЗ (Всесоюзный комитет по запасам) отклонил данные о запасах промышленных категорий железных руд Кировогорского месторождения, а запасы оленегорских руд оказались в одиннадцать раз меньше, чем были заявлены первооткрывателями. Месторождения нуждаются в форсированной разведке, первоочередным объектом которой должна стать рудная залежь горы Оленьей, как наиболее крупная и расположенная ближе к

железной дороге. Проект разведки нами составлен, для его реализации выделим восемь буровых станков.

Мильнер: При современной изученности Заимандровского района только Оленегорское и Кировогорское месторождения могут рассматриваться как возможные рудные базы для Череповецкого завода. Какое месторождение следует рекомендовать для проектирования рудника, пока сказать не можем, поэтому будем прорабатывать проектные задания обоих месторождений.

Лившиц: Выполненные геолого-разведочные работы не дают чёткого представления о запасах, качестве руд, условиях залегания. Не ясна до конца схема обогащения руды. А ведь от схемы обогащения зависит выбор технологического профиля завода. Что нам делать? Брать условные исходные данные? Ценность такого проекта будет ничтожной.

Плановое задание, представленное Гипрометром, было отвергнуто. Чтобы не останавливать начатое строительство, гипрометровцам было предложено работать над проектом в двух вариантах. Такой подход позволял в последующем в кратчайшие сроки переработать проект в соответствии с выявившимися данными по сырью и топливу. Геологам было рекомендовано форсировать разведку промышленных запасов, а исследователям – ускорить проведение лабораторных и заводских испытаний. С этой целью принято решение: ГУЛАГу НКВД при техническом руководстве «Механобра» и Комитета по делам геологии отобрать 2000 тонн оленегорской руды и отгрузить её к 1 мая 1941 года на Гораблагодатскую фабрику для промышленных испытаний.

III

22 февраля 1941 года «Коммунист» напечатал доклад председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год». В разделе «Капитальное строительство» говорилось, что планом 1941 года в черной металлургии предусмотрено «развер-

Коммунистический

Рассекречено

Секрет

Комитет по Делам Геологии при ЦК СССР
г. МОСКВА И.И.

Сегодня вступил в строй и
стоющих предприятий Черепов-
кий металлургический завод.
Страна начала получать че-
ловечий чулун.

19 40
06693

По поручению ЦК СССР
о Бюском железо-рудном и
Поставленном ЦК СССР
20/71-1940 г.; дальней-
работы на Кольском по-
Секрет Комитету по

56
25
ПЕРЕДАЧА
РЕПОВА 25 20 22 1С
МОСКВА
МАРКОМ ЧЕРНЕТ
РАЙЗЕРУ

ПРОХОДЯЩАЯ

Иванов
Члена 24-22
Правительственная
Череповице управленческие
инженерной Кархардицы
инженером Кудряшину
639 Утверждена
архивную номер один
инженер предпринимать
директорской проектной
директора 3-966
райзер

17 АВР 1940
160 г. Мочерский
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
г.В. ВЕДИНСКОМУ А.И.

принцип размещать метал-
лические заводы по Бур-
скому Северу.

2.7 на (минеральном руд-
е: Капалагима, Паизоза-
к (Онежское озеро) Сор-
Чайковск, Сибирь
2 на территории озера
где (в р-не болот
иного Кудряшова в 150 км.
вог

включая с.т. П.В.СТАЛИНА и
составлена и направлена 23/УП-
из Московских Кольского полуостр
правления ВАР.
принять выезд в Ленинград с 10
расширения орг. вопросов по органи-
точных работ на Кольском полуостр
исполнителей.

ДЕЛАМ ГЕОЛОГИИ
И.И. СССР
И.И. ИЛДИН

нутое строительство металлургических заводов: второго завода в Сибири, двух заводов на Урале, заводов в Закавказье, Карело-Финской ССР и в Ленинградской области».

Между строк:

Последний адрес – это и есть Череповецкий комбинат. Хотя он уже четвертый год в подчинении Вологды, многие по инерции продолжали считать Череповец ленинградским городом. На почте корреспонденция по-прежнему помечалась штемпелем, на котором четко выделялось: «Череповец. Ленингр. обл.».

5 марта 1941 заместитель наркома чёрной металлургии СССР Д.Я. Райзер дает телеграфное распоряжение уполномоченному по строительству ЧМК Н.П. Кузякину: «Немедленно выехать на станцию Оленья Кировской железной дороги и личным участием обеспечить отбор и отгрузку руды до наступления оттепели».

И рубит Николай Кузякин вместе с эсками просеки, прокладывает дороги, взрывает скальные породы, роет шурфы и каналы, грузит образцы руды в самолеты и отправляет их на лабораторные испытания в Ленинград.

И шлёт в Москву докладные записки и письма.

Передо мной пожелтевшие от времени листки, весточки из далекого сорок первого...

С архивной полки:

«9 марта. Прибыл на ст. Оленья. В этот же день провёл совещание. Разработали план организационных работ...»

«10 марта. Приступили к разбивке участков, наметили пятикилометровую трассу автодороги. Работает 270 человек, из них на руднике – 170, на устройстве дороги – 100 ...»

«11 марта. Дня через два-три будет подготовлена канава для взятия пробы, но нет буровой стали. Прошу содействия. Стоят сильные морозы (-40 градусов). Работы остановлены. Пишу письмо в землянке, где температура 6 градусов...»

«17 марта. Две канавы уже закончены вскрышными работами. Дела идут вполне удовлетворительно, за исключением буровых работ, которые невозможно организовать из-за отсутствия буровой стали».

«20 марта. Считаю своим долгом ещё раз напомнить, что скоро начнётся снеготаяние, и если мы не возьмём пробы сейчас, вся работа по вывозке 2000 тонн руды может пропасть. Срочно нужна буровая сталь! Прошу принять самые энергичные меры...

С комприветом, Кузякин...»

«Энергичные меры» в Москве приняли весьма своеобразные: 22 марта 1941 года И.Т. Тевосян подписал приказ об освобождении Н.П. Кузякина от обязанности уполномоченного НКЧМ по строительству завода и назначении А.И. Мурзова директором новостроящегося Череповецкого металлургического завода.

Что послужило причиной? Скорее всего, записка проверяющего из наркомата, отметившего в отчете о двухнедельной командировке в Череповец, что руководство управления комбината «не сумело обеспечить охват всего сложного комплекса вопросов проектирования и строительства, не поняло своей роли внимательно следить за положением дел по разведке, проектированию и сигнализировать обо всех ненормальностях». Видимо, «ненормальностей» на череповецкой стройке хватало.

Как сложилась судьба организатора первого управления комбината, мне не удалось выяснить. 13 мая 1941 года Н.П. Кузякин распрощался с сотрудниками и уехал в Москву за новым назначением...

«Доверие партии оправдаю...»

I

Немного документов нашлось в городском архиве в личном деле Мурзова, лишь приказ наркома о назначении директором строящегося завода да листок по учёту кадров. Сделал запрос в Центральный государственный архив народного хозяйства. Оттуда прислали фотографию Мурзова, ксерокопии автобиографии, его письма И.Т. Тевосяну, приказ наркома о назначении на должность директора Череповецкого металлургического завода.

Послужной список А.И. Мурзова заканчивался 1943 годом. Работал он тогда директором новостроящегося Магнитогорского калибровочного завода. Уже по этим скудным документам вырисовывался портрет незаурядного человека, за плечами которого была работа калибровщиком, обер-мастером, начальником цеха Кузнецкого металлургического комбината и в партийных органах Киселёвска и Сталинска.

Мне захотелось узнать, как сложилась дальнейшая судьба Александра Ивановича Мурзова? Отыщу-ка родственников. А может, и сам Александр Иванович жив-здоров? Поиск начал с Магнитогорска, обратился через местную многотиражку к ветеранам калибровочного завода. «Магнитогорский рабочий» поместил заметку под названием «Из племени первопроходцев», в которой рассказывалось о том, что музей трудовой славы Череповецкого металлургического комбината просит откликнуться тех, кто знал Мурзова. Откликнулись две читательницы. Они сообщили, что Александр Иванович работал на калибровочном заводе до 1946 года, а потом его пригласили в Куйбышев, в какой-то научный институт. Пишу в Куйбышев.

И вот радостная весть – из паспортного стола УВД г. Куйбышева сообщают: гражданин Мурзов Александр Иванович 1907 года рождения проживает по такому-то адресу.

Еду в Куйбышев!

II

Александр Иванович бодр, никак не подумая, что ему идет 82-й год. На-страиваю магнитофон и погружаюсь в предвоенное время, слушаю рассказ о его участии в строительстве и освоении мощностей Кузнецкого комбината, о до-военной попытке построить в Череповце металлургический комбинат.

– Родился я в многодетной семье, у меня было шестеро братьев и сестёр. Потому и трудиться рано начал. Работал на нефтяных промыслах слесарем по ремонту двигателей. Но хотелось трудиться на крупных заводах, подчинять механизмы разуму и воле. Окончил в 1932 году Томский технологический институт и с дипломом инженера-металлурга вместе с

А.И. Мурзов,
директор
строящегося в
1940-41 гг.
Череповецкого
металлургического
комбината

А.И. Мурзов (второй слева) и А.Г. Монид (третий слева)
в музее трудовой славы комбината. 1989 г.

женой прибыл на строящийся Кузнецкий комбинат. Бараки были переполнены, поэтому нас поместили в огромной брезентовой палатке. А морозы стояли под -50 градусов! Но на условия мы не жаловались. Разве можно думать о собственных лишениях, когда вершилась гигантская задача индустриализации!

Пустили блюминг, приступили к рытью котлована под рельсобалочный цех. Вскоре меня назначили начальником смены этого цеха. И вот наступил знаменательный день – 24 декабря 1932 года. Нашей комсомольско-молодежной бригаде выпала честь прокатать первые сибирские рельсы. До сих пор вспоминаю это волнующее событие!

Потом меня командировали в калибровочное бюро, прикрепил к американскому специалисту мистеру Брауну, представителю фирмы, по проекту которой велось сооружение комбината. Я должен был освоить профессию калибровщика. Как-то раз мистер Браун говорит: «Вы собираетесь досрочно вывести на проектную мощность все агрегаты. Ничего у вас не получится. У нас есть опытные кадры, знание техники и технологии, и то – годы уходят на освоение. А вы кого набрали? Лапотников. И хотите за полгода в дикой Сибири наладить производство металла?» Действительно, опыта у нас не было никакого, но зато был энтузиазм, было огромное желание вырвать страну из дремучей отсталости. И мы вгрызались в науку, присматривались к действиям американских инженеров, шлифовали свои знания.

Вот сейчас у нас идет перестройка. Фактически и тогда, в бурные тридцатые-сороковые была перестройка. Перестраивалась психология людей, перестраивались и сами люди. Энтузиазма хоть отбавляй! Тяга к знаниям неимоверная...

– А, какое было желание овладеть грамотой! – вступает в беседу супруга Александра Ивановича, Софья Ивановна. – По вечерам я вела уроки для рабочих. Уговаривать никого не надо было. Сами просили: «Дочка, нам хоть фамилию научиться писать, а то все крестик да крестик...»

Александр Иванович продолжает:

– В получении технических знаний нам, молодым специалистам, много помогал главный инженер комбината Иван Павло-

вич Бардин. У него была своеобразная манера обучения. Бывало, зайдет на стан и подзывает: «Иди-ка сюда, Мурзов». Он по имени-отчеству нас не называл. Подойдешь, а Иван Павлович какой-нибудь каверзный вопрос задаст и смотрит, как ты выкручиваешься из положения. Я даже обижаться стал, старался поменьше ему на глаза показываться. А начальник цеха говорит: «Это он натаскивает вас, молодых. Проверяет, на своем ли месте находится специалист».

Как-то после совещания в центральной заводской лаборатории Бардин оставил меня одного, достал из портфеля несколько брошюр: «Посмотри, Мурзов, на досуге. Потом доложишь, как понял, что можно и нам взять на вооружение». И передал мне материалы по прокатным станам американского завода «Гери», в то время бывшего, пожалуй, самым передовым в мире. Спустя некоторое время я высказал Ивану Павловичу свои соображения. Такая учеба продолжалась и тогда, когда я стал обер-мастером, и потом, уже в должности начальника цеха. В общем, приучал нас главный инженер, ставший действительным членом Академии наук, к серьёзному изучению передовой техники и технологии, умению следить за новинками литературы, разбираться во всех тонкостях инженерной мысли.

...Вся страна тогда была в лесах новостроек. Верили: ещё рывок – и догоним передовые страны. Только малость подтянем индустрию. Догоним, а потом и перегоним. Непростое было время. Случалось, разумеется, и саботаж, и явное вредительство. Помню, кто-то подсыпал песок, редукторы вышли из строя, стан простоял несколько суток. Но в основном аварии случались без злого умысла, от нехватки опыта. А «косили» всех подряд, виновного и невинного. Пройдутся по руководству заводом, потом ниже опускаются, очищая от «вредителей». На руководящих постах долго не задерживались. Арестовали обер-мастера рельсобалочного цеха – меня назначили. Затем – начальника средне-сортного, я заступил на его место...

А потом неожиданно вызвали меня в Новосибирск, в обком партии, и сказали, что «есть мнение» направить меня на партийную работу в качестве первого секретаря Киселёвского гор-

кома ВКП(б). Я, как мог, сопротивлялся, не хотелось уходить с производства. В конце концов пришлось подчиниться партийной дисциплине.

Секретарь горкома партии – первое лицо в городе, он – один из «тройки», (вместе с начальником НКВД и прокурором), подписывающей «расстрельные» списки. Просматривая однажды список очередных жертв, остановился Александр Иванович на фамилии Монида. Знал он Анатолия Георгиевича по Кузнецкому комбинату как опытного и думающего инженера. Обвиняли того в «политической близорукости»: не разглядел, де, и вовремя не доложил куда надо о вредительской деятельности заместителя начальника рельсо-балочного цеха. Вычеркнул Александр Иванович бывшего коллегу из списка «врагов народа» и тем самым спас жизнь будущему главному прокатчику Череповецкого металлургического завода, дважды лауреату Государственной премии СССР. Об этом Мурзов и Монида вспоминали спустя полвека, в 1998 году, в Музее трудовой славы, когда Александр Иванович приезжал в Череповец по приглашению руководства комбината.

– Партийная работа тяготила меня, – продолжал свой рассказ Александр Иванович. – Мне очень хотелось вернуться на производство. Написал письмо члену ЦК ВКП(б), Народному Комиссару черной металлургии СССР И.Т. Тевосяну о своем сокровенном желании: «Прошу оказать содействие снова работать в металлургии. Доверие партии и лично Ваше я оправдаю, как оправдывал раньше на любой работе».

В середине марта 1941 года пришёл вызов из Москвы. И вот я в кабинете Тевосяна. Иван Федорович начал без предисловий:

– Хотим назначить Вас, товарищ Мурзов, директором новостроящегося Череповецкого металлургического завода. Что скажете на это?

Не раздумывая, я ответил:

– Согласен.

– Вот и прекрасно. Металлургический завод на Северо-Западе очень необходим для народного хозяйства и обороны

страны. Теперь несколько слов об этой необычной стройке. Откровенно говоря, хвастаться пока нечем, хотя со дня принятия решения о строительстве прошло восемь месяцев. Уполномоченный наркомата товарищ Кузякин, к сожалению, не оправдал наших надежд. А с другой стороны, и винить его нельзя: стройка сложная, внеплановая, не подкреплена финансированием. Пока и проекта завода нет. Рудники чёрт знает где, железные дороги к шахтам и рудникам только начинаем строить. Руды бедны железом, и пока не знаем, как их обогащать. В общем, вопросов много, но, я уверен, что справитесь. У вас есть опыт хозяйственника и организатора. Вы прошли кузнечную школу. Со своей стороны, мы обещаем всяческую поддержку. Кстати, о Вас блестяще отзывался академик Бардин.

Что скрывать, я был преисполнен гордостью, что мне доверили постройку завода огромной важности. Металла в стране катастрофически не хватало, и создание Череповецкого металлургического комбината в какой-то степени снимало его дефицит. Не терпелось побыстрее разобраться с обстановкой на месте и окунуться в работу.

В Череповец я прибыл в конце марта. Городок мне понравился.

III

Я представил, как Мурзов вышел на привокзальную площадь Череповца. Его сразу же обступили извозчики, предлагая свои услуги. Но Александр Иванович решил пройти пешком. Солнце уже светило по-весеннему, снег держался только в тени. Скрипели под ногами деревянные тротуары. Вдоль улиц толпились деревянные приземистые домики. Только в центре, на Советском проспекте, горделиво возвышались бывшие купеческие двухэтажные особняки. Ничто пока не говорило о том, что совсем скоро мощный гудок разбудит уютный районный городок, Череповец буквально заново родится и станет крупным индустриальным и культурным центром. А Мурзов, словно наяву, видел широкие

улицы, площади, многоэтажные здания. Там – построены цирк, кинотеатр, Дом культуры, там – библиотеки, школы. А вот, постукивая на стыках рельсов, движется по улицам трамвай...

Когда я опубликовал в многотиражке «Череповецкий металлург» очерк об А.И. Мурзове и попытке строительства завода перед войной, семнадцать уважаемых ветеранов откликнулись возмущённой статьей, в которой обвинили меня в возвеличивании заслуг Мурзова, в фальсификации, в намерении переписать историю комбината и стройки. Архивные документы, подтверждающие, что директор строящегося до войны металлургического комбината реальная личность, открытая мною после длительных поисков, не убеждала ветеранов. Логика их была проста: история металлургических предприятий начинается с выпуска чугуна. В нашем случае – с 24 августа 1955 года. И нечего обращаться к довоенным временам, коли тогда и колышка не было вбито на промышленной площадке.

Ни строителей, ни металлургов не устраивала правда об этом отрезке истории. Очень не хотелось строителям, чтобы трудовые подвиги тружеников орденосного треста «Череповецметаллургхимстрой» начинались с «Череповецлага», да и металлурги никак не желали пропускать впереди себя в шеренгу первопроходцев своих предшественников. Их вполне устраивала официальная версия авторов книги «Череповец» – доктора исторических наук А.С. Бланка и журналиста А.В. Катаникова, – по которой следовало, что до войны для строительства завода в Череповце были лишь созданы предпосылки – открыты месторождения руды и угля, – а началось оно только в конце сороковых.

Досталось тогда мне «на орехи» на президиуме совета ветеранов! Конфликт погасил секретарь парткома комбината С.Д. Сафронов, сказав ветеранам, что «мы не должны отрекаться от своей истории, которая благодаря рассекреченным Б. Челноковым правительственным документам, как оказалось, ведёт свой отсчёт с 1940 года».

Пришлось ветеранам признать, что никакой фальсификации истории не было.

«Дирекция свою деятельность закончила...»

I

21 июня 1941 года заместитель Народного Комиссара чёрной металлургии СССР академик И.П. Бардин получил письмо из Череповца. Писал директор новостроящегося металлургического завода Александр Иванович Мурзов: *«Многоуважаемый Иван Павлович! Разрешите поблагодарить Вас за оказанную любезность в деле приобщения меня к коллективу металлургов. И взять на себя труд высказать мнение по поставленным ниже вопросам. Ваше знание и опыт, как в деле строительства, так и эксплуатации металлургических предприятий, окажет существенную поддержку в сооружении Череповецкого завода».*

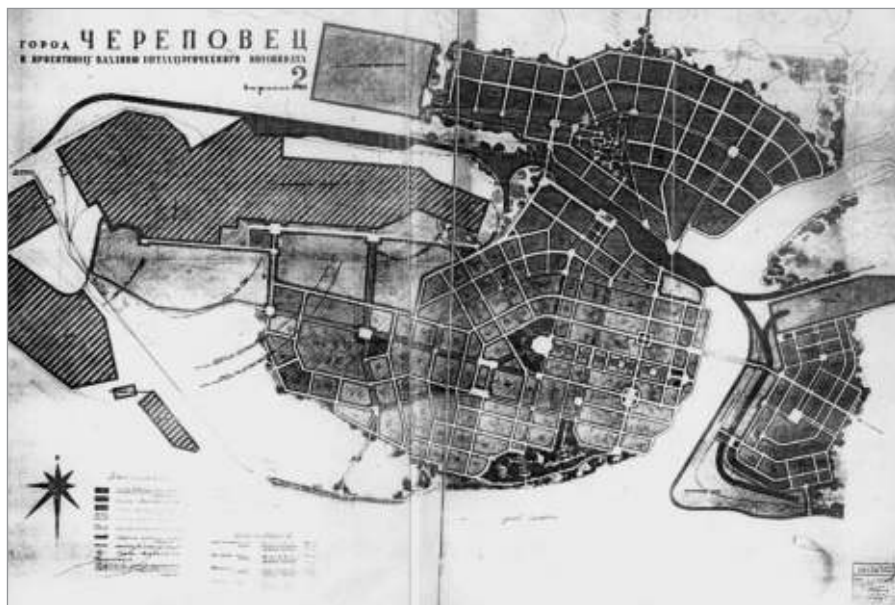
Иван Павлович хорошо знал Мурзова по Кузнецку, когда тот был обер-мастером, а потом начальником рельсо-балочного цеха. Грамотный инженер и хороший организатор. Теперь вот руководит крупнейшей металлургической стройкой. Пишет о возникших сложностях, просит совета.

Ровно год прошёл со дня выхода в свет постановления о создании в Череповце металлургического завода, а стройка еле теплится. Приходится Мурзову выколачивать кредиты, лесоматериалы, кирпичи, технику. Строительство ведётся без смет, без проектов, без достаточного финансирования. Но, несмотря на это, на будущее сделан хороший задел: построены каркасные и рубленые бараки на 4500 человек, баня, столовая, пекарня, гараж на 25 мест, механическая мастерская, начаты работы по строительству деревообрабатывающего завода и железнодорожной ветки. Удалось выбить фонды на грузовики и самосвалы, тракторы и мотовозы, лебёдки и канавокопатели. В общем, делается все, чтобы в 1942 году перенести строительство на промышленную площадку.

К письму Александр Иванович приложил копию проектно-го задания комбината. Он только что вернулся из Ленинграда, где участвовал в его обсуждении. Иван Павлович внимательно ознакомился с документом и остался доволен. Череповецкий комбинат был первым предприятием в Советском Союзе, которое собирались строить только своими силами, без зарубежных фирм и концессий. И потому гипроomezовцы стремятся внести в проект всё самое лучшее, чего достигла мировая металлургия. Даже оборотный цикл водоснабжения предусмотрен, а доменный и коксовый газы будут использованы в качестве энергетических ресурсов. Молодцы проектировщики, заботятся о природе!

Так. Производительность... Годовая производительность по чугуну составит 1800 тысяч тонн, по стали – 1700. Это вполне хватит Ленинграду и Поволжью, да и Прибалтике впридачу. Домны – крупные, с полезным объемом 1300 кубометров. Это прекрасно. Но они требуют хорошо подготовленной шихты. Мур-

Проект планировки жилого района г. Череповца. 1941 г.

зов предлагает провести для этого промышленные испытания кольских руд и печорских углей на действующих предприятиях. Надо его поддержать. Сто вагонов с оленегорской рудой Мурзов уже отправил для испытаний на Гораблагодатскую фабрику. А посмотреть, как будет вести себя печорский уголь в доменной печи, можно будет на «Запорожстали» или в Мариуполе. Стоит подумать и о составе мартеновского цеха. Не лучше ли вместо запроектированных 12 печей построить два цеха по шесть агрегатов, как предлагает Мурзов? Это улучшит их обслуживание, уменьшит простой из-за скрапа, подачи ковшей и кранов.

«Надо подготовить обстоятельный ответ, – решил Бардин, – завтра напишу».

А завтра была война...

II

...Наши войска отступали. Многие тогда думали, что это тактика такая: заманивает фашистов наша доблестная армия, чтобы потом обрушиться разом и ответить «двойным ударом на удар». Каждый день ждали, что Левитан объявит: «Наши войска перешли в наступление по всему фронту». Но по радио передавали иное: «После тяжёлых и изнурительных боёв наши войска оставили...» – и назывался очередной населённый пункт.

...А вагоны с оленегорской рудой так и не пришли на пункт назначения – Гораблагодатскую обогатительную фабрику, затерялись в пути. Жаль, конечно, но что поделаешь, в первые месяцы войны терялись не только вагоны с рудой, но и целые армии.

Враг на пути к Смоленску, а Москва молчит, никаких директив. Мурзов решает ехать за указаниями в наркомат без вызова. Но дальше Вологды не уехал, там его сняли с товарняка: без соответствующего мандата поездка в столицу не разрешалась. «Молния» пришла на третьи сутки: «Вологда тчк До востребования тчк Мурзову тчк Немедленно выезжайте Москву тчк Наркомчермет Райзер».

...Наркомат черной металлургии СССР находился в подземке на площади Ногина. Для Тевосяна отгородили ширмой нечто вроде кабинета, провели туда «вертушку» для связи с Кремлем. Осунувшийся, с провалившимися глазами нарком сказал Мурзову, чтобы он в течение двух недель вместе с капитаном безопасности Хархардиным готовился к консервации стройки.

9 июля из Москвы пришло распоряжение о ликвидации дирекции новостроящегося Череповецкого металлургического завода. Построенные объекты приказано привести в «состояние сохранности», всю технику направить воинским частям, а гужевой транспорт и конторский инвентарь (12 столов, 25 стульев, 4 канцелярских шкафа, 2 арифмометра и пишущую машинку) передать безвозмездно местному исполкому.

Оборудование, снаряжение, стройматериалы погрузили на платформы и отправили на восток. Опустели и бараки «Череповецлага»: заключённых перебросили на строительство Северо-Печорской железной дороги и на Березину – возводить укрепрайоны.

22 августа Мурзов шлёт в Москву свою последнюю телеграмму: «Дирекция свою деятельность закончила». И отбывает за новым назначением.*

Его заявление об отправке на фронт в наркомате даже рассматривать не стали. Сказали, что металлург в тылу принесет пользы больше, чем боец на передовой. Дали направление в Магнитогорск. Вернулся в Череповец за семьей – женой и тремя детьми. В управлении пусто, сотрудники получили расчет. Город как-то притих. Редко теперь можно было увидеть на улицах пасущихся коров и коз, резвившихся детей. Только на вокзале оживленно. Эшелон следует за эшелонами. С техникой, бойцами, беженцами...

---

*В годы войны А.И. Мурзов был директором Магнитогорского калибровочного завода. После войны перешел во Всесоюзный институт авиационных материалов, с 1959 года – руководитель Куйбышевского филиала этого института. Кандидат технических наук. Автор 30 изобретений, 150 научных работ. Под руководством и при непосредственном участии А.И. Мурзова выполнен ряд крупных исследований, которые позволили обеспечить освоение и внедрение новых технологических процессов в металлургии. В 1989 году по приглашению дирекции посетил Череповецкий металлургический комбинат. Умер в 1994 году.

III

Вот так и завершилась, не развернувшись по-настоящему, эпопея довоенного строительства Череповецкого металлургического комбината. Да... Бурные тридцатые-сороковые годы XX века... Как расценить этот отрезок времени? Сложное и противоречивое время. Полет Чкалова в Америку через Северный полюс и колючая проволока ГУЛАГа, массовый террор и массовый героизм... Вся страна покрыта лесами новостроек... Тогда верили: еще рывок и догоним, а потом и перегоним передовые страны...

Первый виток создания Череповецкого металлургического комбината в 1940-1941 годах, на мой взгляд, является яркой иллюстрацией индустриализации «по-сталински», когда не считались с принципами проектирования, игнорировали необходимость экономической экспертизы, когда сплошь и рядом без смет и проектов затевали внеплановые стройки. Пример тому – создание Череповецкого металлургического завода.

Все это привело к парадоксу: от воплощения идеи постройки металлургического завода в Череповце в правительственное постановление прошло всего десять дней, зато для того, чтобы принять решение о возобновлении прерванного войной строительства потребовалось более шести лет, а от первого колышка на промплощадке до первого проката – целых десять лет! Вот вам и «космические» темпы строительства ЧМЗ, о которых писали ранее бойкие журналисты!

Но я уверен, что и металлургический завод в Череповце, и горно-обогатительные предприятия, и железные дороги для новой угольно-металлургической базы были бы построены тогда, не начнись война. Но какой ценой? На вторую половину 1941 года начальник «Череповецлага» капитан НКВД А.М. Хархардин уже заказал новую партию заключённых числом в десять тысяч человек, а в дальнейшем предполагал эту цифру удвоить. На имя Л.П. Берии прислали заявки на «зэков» и руководители рудников и шахт.

Да, ключевые отрасли промышленности в годы первых сталинских пятилеток создавались, прежде всего, за счёт эксплуа-

тации государством собственного народа. Но всё же признаемся: именно благодаря индустриальному рывку тогда были построены и реконструированы десятки заводов, которые в «роковые сороковые» выпустили вооружения больше, чем фашистская Германия и её союзники. И мы выстояли в страшной войне. Выстояли и победили!

...С первых дней войны Череповец стал прифронтовым городом. Через железнодорожную станцию днём и ночью шли в сторону фронта эшелоны с продовольствием, боеприпасами и живой силой, а обратным потоком – поезда с демонтированным оборудованием, ранеными бойцами и эвакуированным населением. Идёт погрузка мужчин, мобилизованных на строительство оборонительных рубежей в полосе Северо-Западного фронта. Формируются народное ополчение и истребительные батальоны для борьбы с вражескими парашютистами и диверсионными группами противника.

С первых дней войны Череповец стал прифронтовым городом

Череповец превратился в город-госпиталь. Самые лучшие помещения – Дом культуры, механический техникум, школы, больницы – горисполком предоставил для госпиталей и эвакуационных пунктов.

Призыв «Всё для фронта – всё для Победы!» для череповчан стал не только патриотическим лозунгом. Эти слова на долгие и страшные четыре года стали для них, как и для всех советских людей, своеобразным заклинанием.

Жители города лечили раненых, собирали тёплые вещи, вносили деньги в фонд обороны – на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» и авиасоединение «Героическому Ленинграду». И самоотверженно трудились: изготавливали ручные гранаты-лимонки, противотанковые «ежи», корпуса авиабомб и автоматных дисков, противотанковую горючую жидкость для подрыва танков, шили маскхалаты и телогрейки, гимнастёрки и рукавицы, солдатские сапоги и сумки для противогазов. На место ушедших на фронт мужчин к станкам встали их жёны и дети. На предприятия вернулись многие квалифицированные рабочие – пенсионеры.

Проектирование и строительство объектов Череповецкого металлургического комбината было приостановлено. Лишь в Печорском бассейне продолжались исследовательские работы, закладка шахт, строительство электростанций и прокладка железной дороги Котлас – Коноша. Иначе сложились обстоятельства в районе сырьевой базы. Железорудные месторождения не могли ни изучаться, ни осваиваться, поскольку Ленинград, Карелия, Кольский полуостров находились в зоне боевых действий.

«Нельзя прощать перлов фантазии...»

I

Л.П. Берия,
заместитель
Председателя
Комитета
Государственной
Обороны

Н.А. Вознесенский,
Председатель
Госплана СССР

27 января 1944 года артиллерийский салют возвестил об освобождении Ленинграда от 900-дневной блокады. Война близилась к концу. Доблестная Советская армия уже вступила на земли рейха, не за горами полная победа.

29 марта. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принимает решение о восстановлении города-героя как центра тяжёлого машиностроения «на тех профилях производства, которыми Ленинград был славен всегда». Для обеспечения сырьём потребности металлоёмкого производства требовалось в кратчайшие сроки решить проблему мощной металлургической базы. Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданов направляет на имя заместителя Председателя ГКО Л.П. Берии ходатайство о возобновлении в 1945 году строительства Череповецкого металлургического завода и горнорудных предприятий Кольского полуострова.

Резолюция зампреда ГКО на документе: *«Вознесенскому. Прошу рассмотреть».*

Председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский даёт поручение своим сотрудникам провести экспертизу не только череповецкого проекта, но и передельных

заводов малой металлургии, над проектами которых до войны работали специалисты Ленинградского Гипромеза.

Готовых проектов было четыре: Ленинградский центральный металлургический завод для переработки крупных ресурсов металлорода (около ст. Колпино); Ленинградский газодоменный завод, сырьём которого должны были служить пиритные огарки – отходы сернокислотной и целлюлозо-бумажной промышленности; Пудожгорский металлургический комбинат по производству чугуна и ферросплавов и Череповецкий завод с полным металлургическим циклом на базе железных руд Кольского полуострова и каменных углей Печорского бассейна.

Рассмотрев проекты, а также ряд дополнительных материалов (новейшие данные Комитета по делам геологии, ВУХИНа и НКВД), экспертная комиссия во главе с академиком И.П. Бардиным пришла к выводу о том, что *«в настоящих условиях острого голода на металл и необходимости быстрого и коренного решения задачи обеспечения Ленинграда металлом»*, первоочередными должны стать два проекта – передельного металлургического завода (ЛЦМЗ) и Череповецкого металлургического завода.

Поспешность, с которой было подготовлено в 1940-1941 годах проектное задание головного металлургического завода с центром в Череповце при совершенно неизученной сырьевой базе, заставило разработчиков принять условные решения по многим показателям. Проектировщики не учитывали местных условий, и строительство завода намечалось по аналогии с заводами Урала и Юга. Суммарный объём перевозок сырья и топлива на новостройке получался огромный. В таких условиях привозной металл оказывался даже дешевле, чем местный. Естественно, что высокая себестоимость получаемой стали ещё до войны вызывала у некоторых экспертов сомнение в эффективности строительства завода в Череповце, *«поскольку этот пункт обладает неблагоприятными показателями, и расположение завода здесь вызывает ежегодные переплаты крупных средств»*.

Будучи заместителем наркома чёрной металлургии СССР и членом Совета по металлургии и химии при Совнарком

Академик
И.П. Бардин

СССР академик И.П. Бардин чуть ли не каждый день получал тогда письма с призывом одёрнуть беззастенчивых прожектёров из Гипромеза. *«Нельзя прощать подобных перлов фантазии, как постройка Череповецкого металлургического завода, доставка руды и угля к которому будет настолько дорогой, что завод станет тяжёлой обузой для народного хозяйства»*, – писали противники проекта. Где это видано, чтобы металлургические заводы строились на пустом месте? В целом мире такого не сыщешь!

Докладные записки из Гипроречтранса, из Главгидростроя, из Наркомречфлота, от руководителей НКВД шли также в адрес Сталина, Берии, Вознесенского... С предложениями исправить ошибку «прожектёров» и перенести пока не поздно точку строительства завода куда-нибудь в другое место. И назывались новые места – Архангельск, Кандалакша, Котлас, Вологда, Свирь... Только не Череповец. Оппоненты получили ответ: *«Место постройки завода утверждено партией и правительством и лично товарищем Сталиным, а металл нужен по государственным соображениям, прежде всего, в целях укрепления обороноспособности страны. Поэтому на высокие издержки, которые возникнут при эксплуатации будущего завода, обращать внимание не следует».*

Теперь же, когда война близилась к победоносному завершению, когда предстояло поднять из руин тысячи населённых пунктов и предприятий, отстроить многие километры железных дорог, сотни мостов, главного довода о необходимости постройки завода в Череповце – «по государственным соображениям» – было явно недостаточно. Требовалось глубокое научное обоснование. Потому-то так скрупулёзно рассматривали учёные варианты размещения северо-западного завода поздней осенью 1944 года.

По мнению экспертов-транспортников наивыгоднейшим пунктом для размещения северо-западного завода может стать Анненский Мост, при условии, что через него пройдут железные дороги Коноша – Волховстрой и Масельская – Весьегонск. Объём работы по перевозкам угля, руды, лома и металла при этом сократится на 2,3 миллиарда тонно-километров по сравнению с Череповцом.

Член-корреспондент АН СССР А.В. Горинов, возглавлявший группу экспертов по транспорту, оперировал цифрами, которые показывали, что самый затратный проект – череповецкий:

– При базировании металлургического завода на кольской руде и воркутинских углях в Череповце получается колоссальный объём транспортных перевозок – свыше восьми тонно-километров на одну тонну чугуна. Мы рассмотрели целый ряд пунктов.

Любой вариант по сравнению с череповецким дает экономию в расходах по стоимости перевозок порядка 30-50 миллионов рублей. Излишние перевозки могут быть оправданы только чрезвычайными преимуществами. Таких преимуществ в Череповце нет. И потому предлагаю точку строительства перенести в район Анненского Моста.

С членом-корреспондентом не был согласен главный инженер отдела черной металлургии НКВД т. Соколов:

– НКВД до войны затратил на Череповец около 40 миллионов рублей. Было завезено необходимое оборудование, построено жилой площади на 12 тысяч человек. Рубленые бараки находятся сейчас в таком состоянии, что их можно использовать по назначению хоть сейчас. Череповец представляет большой интерес. Рядом с городом имеются месторождения глины, песка, гравия, камня, то есть все необходимые строительные материалы. Что есть в районе Анненского Моста, мы не знаем, площадка не исследована.

Ведущий инженер Госплана т. Сафонов был иного мнения:

– Вопросом размещения северной металлургии я занимался ещё до войны. По своей инициативе писал письмо на имя товарища Сталина. С обоснованием, с транспортными расчетами, которые наглядно говорили о том, что при строительстве в Анненском Мосту за амортизационный срок деятельности металлургического завода (30-50 лет) по сравнению с Череповцом мы сэкономим полтора миллиарда рублей. Другими словами, за счёт экономии можно построить ещё один завод типа череповецкого. Кроме того, Анненский Мост ближе к Воркуте, мы сэкономим 150 километров пробега по углю.

Реплика Бардина:

– В особенности, если принять во внимание, что уголь будет обогащаться на месте, в Печорском угольном бассейне. Получается, что все обстоятельства не в пользу Череповца.

После бурных дебатов экспертная комиссия в составе академиком И.П. Бардина, А.А. Байкова, Л.Д. Шевякова и еще девяти членов даёт заключение: *«Поскольку Череповец обладает неблагоприятными транспортными показателями и располо-*

жение здесь завода вызывает ежегодные переплаты крупных средств, представляется более целесообразным перенести строительство завода в район Анненского Моста».

II

А в наркомате чёрной металлургии уже был разработан и направлен Л.П. Берии на утверждение проект постановления о возобновлении со второго квартала 1945 года строительства Череповецкого металлургического завода и горно-рудных предприятий Енского и Оленегорского месторождений. Работу предлагалось организовать таким образом, чтобы уже в 1947 году ввести в действие первую очередь завода, а ещё через два года полностью завершить строительство...

«Вот и академик Бардин не устоял, поддался напору транспортников, выступил против Череповца и других академиков убедил проголосовать за Анненский Мост», – листая протокол научно-технической экспертизы, размышлял заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны Берия. – «Что тут у нас? Котлас, Воркута, Сорока, Архангельск, Вологда, Обозерская, Свирь, Петрозаводск, Кандалакша, Беломорск... Теперь вот ещё Анненский Мост». Берия в алфавитном порядке составил полный список городов-претендентов. Получилась длинная цепочка. С этим списком пошел к Сталину.

Сталин взбешен. Что ещё за Анненский Мост, коли ОН повелел строить в Череповце? Уж не задумали ли господа академики экономическую диверсию?

– Не похоже, товарищ Сталин, – успокоил вождя Лаврентий Павлович. – Вот рапорты замнаркома НКВД Завенягина и начальника сектора инженерной геологии Главгидростроя Семенцова. Они тоже выступают против Череповца. Один предлагает Кандалакшу, другой, как и Бардин, Анненский Мост. А вот ещё рапорты с предложениями перенести строительство северо-западного завода из Череповца, – Берия передал Иосифу Виссарионовичу подготовленный им список.

– И всё же разберись с Академией наук, – сказал Сталин.

Несколько успокоившись, Иосиф Виссарионович вызвал президента Академии наук В.Л. Комарова и спросил его:

– В чем дело, Владимир Леонтьевич? Почему Академию наук не устраивает Череповец?

Комаров объяснил, что сомнение вызывает не столько выбор центра новой металлургической базы, сколько опасение в нерентабельности завода. Уж слишком далеко и руда, и уголь, а отсюда – чрезвычайно высокий объём транспортных перевозок сырья, топлива и готовой продукции. Сталин посоветовал подобрать для Череповца новые источники месторождений:

– Разверните поиски железных руд в районах Онежского озера, Ладogi и к северу от них. Уголь также можно привозить из новых бассейнов, расположенных сравнительно недалеко от Ленинграда.

Президент Академии наук с готовностью согласился:

– Мы обязательно это сделаем. Перед войной академик Ферсман вел поиски полезных ископаемых в названных Вами районах, товарищ Сталин. Мы поручим ему и другим учёным развернуть дополнительные поиски, и, я надеюсь, через месяц доложить Вам о благоприятных результатах.

– Желаю успехов, – напутствовал вождь.

Череповец или Анненский Мост?

I

Попытка решить проблему создания северо-западной металлургии административным путём, в обход науки, явно не удавалась. Экономическую целесообразность строительства новой металлургической базы хоть и задним числом (вернее, спустя много лет) всё равно пришлось доказывать. Для чего пришлось подключать научные силы Академии наук СССР.

16 ноября 1944 года В.Л. Комаров созывает расширенное заседание Президиума Академии наук, в центре внимания которого была информация о его беседе с Председателем Совнаркома СССР, секретарём ЦК ВКП(б), Председателем Государственного Комитета Обороны товарищем И.В. Сталиным по вопросу обеспечения надёжными топливно-сырьевыми ресурсами металлургической базы Ленинграда.

В прениях выступили академики А.А. Байков, И.П. Бардин, Э.В. Брицке, А.Е. Ферсман, Е.А. Чудаков, А.А. Скочинский.

А.Е. Ферсман отметил, что Академией наук до войны проведена большая работа по выявлению сырьевой базы чёрной металлургии Севера, и он считает, что основной базой для снабжения рудой ленинградских металлургических заводов могут быть только Оленегорское и Енское месторожде-

В.Л. Комаров,
Президент Академии
наук СССР

ния, а в части кокса – Воркута. Новые месторождения, ближе к Череповцу, если будут открыты, вряд ли окажутся такими мощными, но они могут стать дополнительными источниками сырья и топлива.

Академик Бардин обратил внимание на то, что у любой точки строительства северо-западного завода будут очень велики расходы по транспорту, примерно 75 процентов от общих расходов вместо 30-35 по Кузнецку и Магнитке. Это осложняет выбор месторасположения завода.

– Если мы хотим иметь завод, дающий прибыль, необходимо исследовать несколько площадок и выбрать оптимальную, – сказал Бардин. – Череповец интересен с точки зрения отправки грузов не только по железной дороге, но и по Шексне и Волге – вниз и по Мариинской системе – вверх. Здесь уже велись работы перед войной. Однако по предварительным расчетам лучшие показатели у Анненского Моста, поэтому экспертная комиссия Госплана СССР, председателем которой был ваш покорный слуга, две недели назад приняла решение перенести сюда строительство завода.

И.П. Бардин и А.Е. Ферсман на сессии Академии наук СССР по развитию производительных сил Европейского Севера. 1944 г.

Не все члены Президиума Академии наук были с этим согласны. Академик Э.В. Брицке высказал мнение, что если экономический подсчёт вести не по затратам на перевозку руды и угля и выплавке из него полуфабриката, то есть чугуна, а по стоимости готовой продукции (проката), доставленной к месту потребления, то само собой отпадет вопрос о нерентабельности Череповецкого завода.

Мнения разделились. Чтобы найти истину, требовались дополнительные исследования. Президиум АН СССР принимает решение: *«Немедленно включиться в работу по обеспечению скорейшего практического решения вопроса о создании металлургической базы Ленинграда и признать эту работу главной и первоочередной задачей Академии наук СССР на 1945 год».*

При Совете по изучению производительных сил АН СССР была создана специальная бригада из крупнейших учёных – геологов, металлургов, экономистов, транспортников, которую возглавил сам президент.

28 ноября 1944 года бригада Академии наук СССР выехала в северную столицу. Ей предстояло совместно с партийными и советскими органами разработать мероприятия, обеспечивающие практическое развёртывание строительства металлургического завода в районе Ленинграда и снабжения его высококачественными топливно-энергетическими ресурсами. В виду болезни В.Л. Комарова фактическим руководителем бригады Академии наук был Александр Евгеньевич Ферсман. Ему же президент поручил подготовить проект докладной записки на имя И.В. Сталина.

II

...Следы войны в северной столице встречались на каждом шагу. Вот надпись на доме: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» Кое-где торчат противотанковые «ежи». Тут – окопы, там – блиндажи, убежища. Бульвары, скверы, парки, дворы перекопаны под огороды. Всюду следы разрушения: проломленные крыши, пустые глазницы окон, стены, выщер-

бленные снарядами. На месте Пулковской обсерватории груды развалин, израненные осколками корпуса Кировского завода. Надо, обязательно надо как можно быстрее возродить Ленинград! Надо, чтобы во всю мощь работали все фабрики и заводы. Нужен металл? Его даст новая металлургическая база!

В личном фонде выдающегося геохимика сохранились пожелтевшие листки из записной книжки, куда он заносил свои мысли для будущей записки. Наброски Ферсман так и озаглавил: «Идеи к записке». Он набросал вопросы, которые требовали разрешения в ходе работы. Каким будет профиль завода? Один завод или несколько? Где строить центральный завод? Очерёдность строительства. Определил объём записки – 4-6 страниц текста, где отразить новые идеи; наметил схематический план работы бригады. На одном листке зафиксированы направления поисков угля – в районе Тиманского кряжа; железорудных месторождений – проверить полосу Заимандры, вдоль берега по Беломорканалу, между Онежским и Ладожским озерами, а также в Эстландии. А вот листок, на котором даётся

И.П. Бардин и сопровождающие его лица
на развалинах Пулковской обсерватории. 1944 г.

Страницы из записной книжки академика А.Е. Ферсмана

список населённых пунктов: Оленья, Ена, Ленинград, Кандалакша, Воркута, Череповец, которые должны быть задействованы в гигантском угольно-металлургическом комплексе.

Ферсман пришёл к выводу, что имеющиеся на Кольском полуострове и в Карелии месторождения руд позволят построить четыре завода. В первую очередь следует строить передельный завод на 500 тысяч тонн стали в Ленинграде или Череповце, затем – электрозавод в Кандалакше на 100 тысяч тонн и уж потом приступить к постройке завода-миллионника в Череповце и второго электрозавода (на берегу Онежского озера). Однако впоследствии Ферсман посчитал, что первоочередным предприятием на Северо-Западе должен быть завод с полным металлургическим циклом, расположенный в Череповце, несмотря на то, что при этом значительно увеличатся капиталовложения и сроки строительства.

Ферсман считал, что даже если не удастся отыскать новые месторождения, имеющиеся рудные и угольные запасы позволят построить крупный центральный завод, который вкупе с передельными заводами обеспечит полное удовлетворение в металле промышленных предприятий Ленинграда и прилегающих к нему районов.

Проект письма, подготовленный Ферсманом, обсудили на Президиуме, внесли поправки, и в середине декабря докладная записка, скреплённая подписью президента Академии наук, легла на стол товарища Сталина. В документе подчёркивалась целесообразность строительства металлургического завода на Северо-Западе: *«Совершенно ясно, что рост потребления металла со стороны промышленности Ленинграда, Мурманска, Архангельска, Москвы и Горького, при наличии здесь крупных запасов металлического лома, со своей стороны диктует необходимость создания в северо-западном районе надёжного металлургического тыла».*

Ряд учёных призывал отказаться от ненужной затеи, считая, что северо-западному заводу, где бы он ни находился, суждено быть вечно нерентабельным из-за чрезвычайно большого объема транспортных перевозок сырья, топлива и готовой продукции. По этому поводу академик Комаров пишет в письме вождю: *«Вопрос постройки металлургического завода в районе Ленинграда у некоторых лиц вызывает и сомнения, и возражения. В основе того и другого лежит экономический подсчет пробега тонно-километров груза на тонну металла. Я считаю такой подход узко деляческим и методологически неправильным. Нельзя сейчас исходить из оптимального сочетания топливных и сырьевых ресурсов, которые мы имели на Юге, Урале и Западной Сибири. Кроме того, расчёты ведутся на тонну металла «франко-металлургический завод»*, а не «франко-завод потребителя»** , что было бы безусловно верно и резко изменило бы картину экономических показателей, которыми оперируют противники нового завода».*

Вопрос об организации на Северо-Западе завода с полным металлургическим циклом на базе богатейших запасов железных руд Кольского полуострова и углей Печорского бассейна, по мнению президента, является вполне реальной задачей. Он пол-

---

* Франко-металлургический завод: в цену металла входят расходы по перевозке сырья и топлива.

** Франко-завод потребителя: расходы по производству металла и его доставке к потребителю входят в цену готовой продукции завода (Прим. автора).

ностью обеспечит металлом промышленность Ленинграда, Мурманска, Архангельска, Москвы и Горького, создаст возможность для дальнейшего развития машиностроительной промышленности и, что, пожалуй, самое главное, экономически оживит весь Европейский Север.

А для удешевления северного металла необходимо добиваться снижения транспортных издержек. Поскольку расчёты показывают, что металл, выплавленный на воркутинских углях, слишком дорог, то возникла мысль частично заменить привозной печорский уголь торфом, в изобилии имевшимся в окрестностях Череповца. Торф может служить важным дополнительным энергетическим топливом.

А как быть с дальнепривозной рудой? И эту проблему разрешила бригада Академии наук. Завод, по её мнению, должен быть расположен там, где потребность в металле наибольшая, а, следовательно, имеется значительное количество его в виде лома. Увеличив долю металлического лома в шихте, можно тем самым сэкономить более половины необходимого количества дальнепривозной руды.

И третий, принципиально новый вывод бригады АН СССР: поскольку резкое удорожание продукции завода будет происходить, главным образом, до стадии выплавки чугуна, целесообразно не развивать на нём в крупных масштабах выплавку товарного чугуна. Законченной продукцией должна быть высококачественная сталь и готовый прокат.

Как видим, прямая директива товарища Сталина – отыскать более близкие к Череповцу месторождения – осталась не выполненной. Но бригадой учёных Академии наук СССР был найден путь удешевления северного металла: максимальное использование местного сырья и топлива. Это значительно снижало транспортные расходы, а уменьшение себестоимости перевозок экономически было равноценно приближению источников сырья к заводу. Использование местных ресурсов, говорилось в письме И.В. Сталину, значительно улучшит эффективность северо-западного завода. А если к тому же укоротить транспортные пути посредством строительства железных дорог Коноша – Черепов-

вец и Массельская – Череповец, то наиболее выгодное положение по сравнению с другими точками по величине пробега сырья, топлива и готовой продукции получит Череповец.

Заканчивает Комаров свое послание Сталину словами: *«Я убежден в том, что нужно не дискутировать вопрос «быть или не быть» заводу, а всемерно и своевременно готовиться к предстоящему строительству»*. Президент просит Сталина дать согласие на организацию в 1945 году специальной экспедиции Академии наук СССР, которая могла бы провести комплекс подготовительных работ к строительству Череповецкого металлургического завода.

Затянувшиеся споры вокруг металлургической базы на Северо-Западе страны означали для ленинградцев, что их промышленность по-прежнему будет находиться на голодном металлическом пайке. И руководство Ленинградского обкома ВКП(б) вновь выходит на Председателя Государственного Комитета обороны И.В. Сталина с ходатайством начать работы на череповецкой площадке как можно скорее. Из канцелярии Сталина письмо переправляется в адрес Л.П. Берия, а тот даёт поручение Госплану СССР подготовить ленинградцам ответ.

1 февраля 1945 года состоялось экстренное заседание Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР по Ленинградскому (!) металлургическому заводу с целью уточнения вопроса о месте его строительства. В работе заседания приняли участие представители Ленинградского обкома ВКП(б) и НКВД.

Председатель экспертной комиссии, вице-президент Академии наук СССР И.П. Бардин проинформировал присутствующих о том, что имеется поручение заместителя председателя ГКО товарища Л.П. Берия, который предложил внимательно рассмотреть предложение партийных товарищей из Ленинградского обкома, настаивающих на возобновлении начатого до войны строительства Череповецкого завода.

– Что можно сказать по этому поводу? – говорил Бардин. – Для немедленного развертывания работ, конечно, можно возобновить стройку в Череповце и этим самым выиграть год-полтора. Площадка проверена и утверждена ещё до войны. Город к площадке

близок, город хороший. Однако, как показывают расчёты, здесь мы будем терять 50 миллионов рублей ежегодно на транспорте. Это самая дорогая составляющая всей проблемы.

И с сожалением принимает сторону большинства:

– Видимо, всё же придётся пожертвовать годом и располагать завод в Анненском Мосту. Анненский Мост сэкономит нам полтора миллиарда рублей.

И Совет научно-технической экспертизы Госплана СССР во главе с И.П. Бардиным подавляющим числом голосов утверждает заключение экспертной комиссии: *«Подтвердить правильность выбора места строительства завода в районе Анненский Мост, как имеющего значительные транспортные преимущества перед Череповцом. В связи с необходимостью срочного обеспечения Ленинграда собственной металлургической базой, поставить перед соответствующими организациями вопрос о форсировании изыскательских работ по площадке строительства завода в районе Анненский Мост».*

III

Об Иване Павловиче Бардине обычно говорят, как об учёном, который обладал удивительной способностью едва ли не с первого взгляда определять «всхожесть» научных идей, что он порой даже стеснялся своей безошибочности. Но вот мы видим, что в нашем случае Бардин в растерянности. В 1940-м он горячо отстаивает Череповец, в сорок четвертом – Анненский Мост, а с 1946 года и до конца своих дней вновь будет биться за Череповец. Когда же он ошибался? Я думаю, что никогда. Не было никакой ошибки, была борьба за решение проблемы не волюнтаристским, а научным путём. И в Анненском Мосту завод работал бы прекрасно, если бы через него протянули железные дороги. Но, так или иначе, научный поиск Бардина лучшей, с точки зрения экономики, строительной площадки отдалил начало возведения северо-западного завода на три года ...

Признаюсь, никак не хотелось мне разрушать миф «о безошибочности» Бардина. Долго я не решался писать о том, что в 1944-1945 годах он горячо отстаивал совсем не Череповец, а Анненский Мост. Можно было бы просто утаить выявленные мною эксклюзивные находки. Но ведь знать истину и скрывать её – это ведь тоже фальсификация. А я изначально решил не утаивать правды, какой бы она ни была.

Да, обосновать целесообразность строительства, спроектировать и построить металлургический завод не так-то просто, тем более такой, как северо-западный. Многое тут было впервые: вовлечение в оборот бедных руд, постройка вдали от месторождений. И задача стояла не только в том, чтобы правильно выбрать географическую точку, требовалось ещё решить целый комплекс вопросов, делающих завод безубыточным.

А как, согласно науке, должна вестись подготовка к строительству любого металлургического завода? В своей книге «Проектирование металлургических предприятий» профессор Н.И. Коробов поясняет: прежде чем приступить к проекту, требуется разработать обоснование **целесообразности** его осуществления. Чтобы, не дай Бог, не ошибиться. Проводится оно в две стадии. Сначала **предварительно** – в составе схемы развития и размещения черной металлургии на 10-15-летний период. Затем **окончательно** – с более подробным доказательством **целесообразности** рассматривается в технико-экономическом обосновании (ТЭО) на текущую пятилетку. Если и в ТЭО подтверждается, что намеченный в схеме развития отрасли завод строить целесообразно, принимается вопрос о его проектировании.

Понятие **«целесообразность»** по определению Коробова включает в себя наличие трёх условий:

- народно-хозяйственной необходимости создания предприятия, диктуемой потребностью в металлопродукции данного экономического района;
- технической возможности обеспечения предприятия необходимыми сырьевыми и топливно-энергетическими ресурсами, а

также осуществления наиболее прогрессивных проектных решений: технического, организационного, социального и экономического характера;

– обеспечение наиболее высокой экономической и социальной эффективности производства будущего предприятия.

Отрицательный ответ при решении хотя бы одной (!) из трех задач говорит о нецелесообразности строительства. В случае же с Череповцом из трёх условий обоснования целесообразности в то время присутствовало только одно – необходимость создания предприятия в этом регионе. Что касается возможности организации строительства, то таковой в тот момент не имелось. Ведь недостаточно обнаружить природные богатства. Необходимо тщательно изучить возможность их промышленного использования, разработать план развития сети железных дорог и водных путей, решить вопрос с энергоснабжением. А кроме того следовало досконально рассмотреть экономическую сторону, учесть все возможности удешевления металлопродукции. А это – годы кропотливой работы.

Ни в каких гипотезах и схемах развития черной металлургии небольшой городок на Шексне не фигурировал. В соответствии с директивами XVIII съезда ВКП(б) Гипромез разработал «Соображения о перспективах развития черной металлургии в ближайшие 10-15 лет», которым рекомендовалось к концу пятого пятилетия (1952 г.) построить на Европейском Севере металлургический завод в районе Архангельска. Но в науку вмешалась политика, и ещё только зарождающаяся идея строительства металлургического завода (не «на руде» и не «на угле», а на перекрестке их потоков и как можно ближе к потребителям металла) неожиданно реализуется в правительственное постановление, которым предreshён вопрос «о постройке металлургического завода в районе города Череповец».

«Предreshить...» Это слово словарь синонимов русского языка объясняет, как «предопределить», «решить заранее», – то есть, в нашем случае товарищ Сталин никаких альтернативных вариантов не допускает, что ОН заранее решил: завод должен быть только в Череповце!

И можно только удивляться, с каким мужеством Бардин ищет ответ на вопрос: где лучше возводить северо-западный завод! Настаивать на Анненском Мосте, зная, что возведение завода в Череповце лоббирует САМ товарищ Сталин! Что его сооружение курирует могущественный Берия! Не каждый отважится на отчаянный и, быть может, даже безрассудный шаг.

...Сталина уже начинает раздражать полемика, развернувшаяся вокруг выбора центра северо-западной металлургии. Президиум Академии наук стоит за Череповец, а Бардину, видите ли, сегодня понравился Анненский Мост! Нужно положить конец этим интеллигентским дискуссиям. Может дать отмашку Лаврентию и начать «дело академиков»? Или поддержать Комарова, который просит разрешения организовать специальную экспедицию Академии наук? Что ж, дадим ещё один шанс «главному металлургу страны».

И Сталин подписал постановление о создании при Совете по изучению производительных сил Академии наук СССР Ленинградско-Мурманской комплексной экспедиции.

А.Е. Ферсман уже готовился возглавить очередную научную экспедицию на Кольский полуостров. Перед этим решил поправить своё здоровье: из-за участившейся болезни сердца он всё чаще был вынужден посещать санатории Кавказа и Крыма. Весной 1945 года уехал в Сочи, поближе к морю. Надеялся, что после лечения к нему вновь вернётся прежняя работоспособность. Он уже обдумывал предстоящую поездку на Кольский полуостров – в Кировск, где намеревался провести научную конференцию, мобилизовать науку на разрешение проблем, связанных со строительством северо-западного завода. Но 20 мая Ферсмана не стало. Он умер в расцвете творческих сил, полный стремлений и кипучей деятельности.

Ленинградско-Мурманскую экспедицию возглавил вице-президент Академии наук СССР Иван Павлович Бардин.

«Приступить к проектированию завода...»

I

Успешное разрешение проблемы создания новой металлургической базы было возможно только при участии широкого круга научных и инженерно-технических работников. Поэтому работа Ленинградско-Мурманской экспедиции протекала в кооперации не только с институтами Академии наук СССР (Институт металлургии, Институт геологических наук, Кольская база, Транспортная секция), но также с Ленинградским геологическим управлением, Механобром, Гипрометзом, Институтом огнеупоров, Ленинградским политехническим институтом, Московским

Вице-президент Академии наук СССР И.П. Бардин. 1946 г.

институтом стали имени Сталина, Московским торфяным институтом, Центральным научно-исследовательским институтом речного флота.

Экспедиция изучила и обобщила все работы по железным рудам и каменным углям Севера, выполненные ранее, провела ряд дополнительных исследований с целью уточнения их качества, условий обогащения и экономической оценки отдельных месторождений. Учёные занимались также топливно-энергетическими ресурсами, базой нерудного сырья. В круг задач экспедиции входило и составление рекомендаций наиболее рациональной структуры будущего металлургического завода.

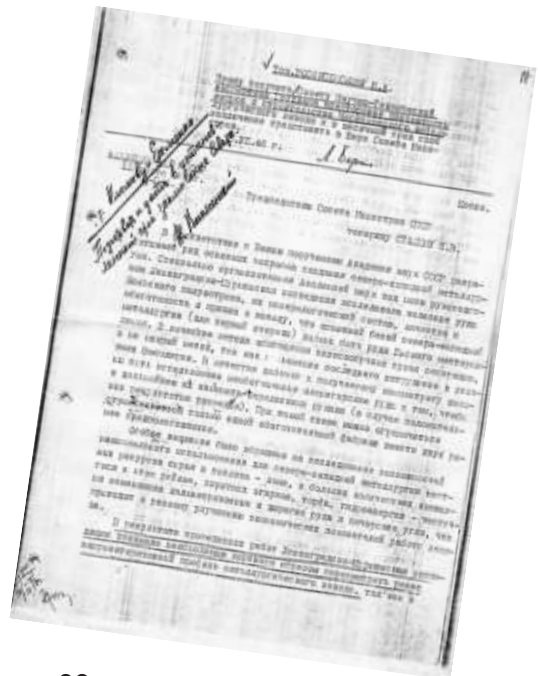
Глубокому анализу подвергся проект завода, разработанный Гипрометзом в 1941 году. Было отмечено, что до войны северо-западный завод проектировался без учёта специфических особенностей региона и был спроектирован по аналогии с действующими металлургическими заводами Юга и Урала. И потому транспортные издержки на единицу готовой продукции составляли на проектируемом заводе огромную величину, а стоимость товарной продукции получалась значительно выше соответствующей стоимости продукции всех других предприятий чёрной металлургии Советского Союза.

По-иному эксперты подошли к решению вопросов сырьевой базы, производственного профиля и сортамента продукции завода. Особое внимание было обращено на изучение возможностей использования местных ресурсов (на что в свое время делала упор бригада АН СССР) – металлического лома, пиритных огарков, торфа и гидроэнергии, которые должны частично заменить дальнепривозные угли и руду и тем самым разгрузить транспорт от чрезмерно дальних перевозок. Долю потребления металлолома в шихте предложено увеличить в четыре раза по сравнению с довоенным проектом. Большая часть чугуна должна перерабатываться на месте в сталь и прокат, то есть в продукцию, в себестоимости которой доля транспортных расходов будет минимальной. Завод должен специализироваться на производстве совершенно законченной и высококачественной продукции.

Важное место в повышении экономики северо-западного завода отводилось техническому прогрессу. Решили, что по своему техническому уровню новый центр металлургии должен стоять в одном строю с самыми передовыми предприятиями не только в СССР, но и во всём мире. Сырьевые ресурсы позволяли придать предприятию любую «технически и экономически оправданную мощность».

Сопоставив показатели ряда заводов, эксперты пришли к выводу, что «большой объём транспортной работы по перевозке сырья и топлива для завода северо-западной металлургии полностью компенсируется при правильной структуре завода и использовании местных ресурсов минимальным объёмом работы по перевозке готовой продукции благодаря расположению завода вблизи потребителей металла».

В этом случае, несмотря на большие затраты труда по добыче и перевозке сырья и топлива, а, следовательно, и более высокую их себестоимость на заводе, готовая продукция северо-западного завода у потребителя становится дешевле продукции, доставляемой с предприятий Урала и Юга.

Докладная записка
Бардина И.В. Сталину
с автографами палача
Берии и его жертвы
Вознесенского

Что касается конкретной точки строительства, то из детально исследованных трёх пунктов – Череповец, Анненский Мост, Лодейное Поле – лучшие показатели по расчётам экспедиции оказались у Череповца. Он более удобно расположен к главным центрам металлопотребления и лomoобразования – Ленинграду, Москве, Архангельску, Ярославлю, Горькому – и здесь есть возможность для немедленного осуществления промышленного строительства, в то время как к другим городам-претендентам следует прокладывать железные дороги.

Бардин посылает лично товарищу Сталину докладную записку, в которой обосновывает принципиальные условия, обеспечивающие северо-западному заводу наиболее благоприятные технико-экономические показатели.

«Основные вопросы сырьевой и топливной базы северо-западной металлургии, – докладывает Бардин, – исследованы и подготовлены в такой степени, которая позволяет приступить к проектированию Череповецкого завода и одновременно к подготовительным и строительным работам на площадке».

II

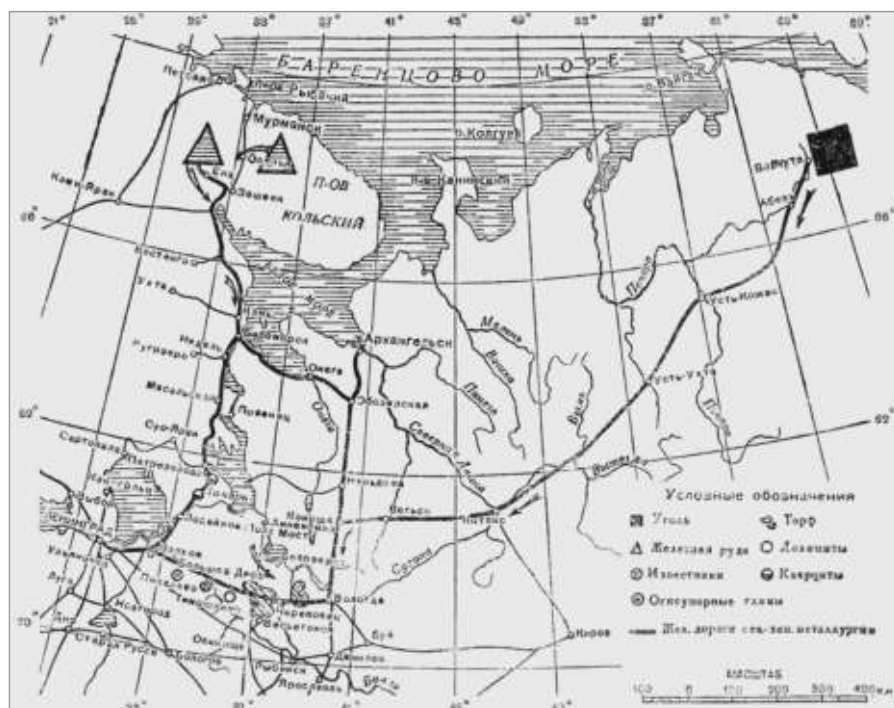
16 апреля 1946 года в Ленинград съехались учёные, инженеры, проектировщики, хозяйственные и партийные работники из Москвы, Вологды, Мурманска, Петрозаводска, Свердловска, Череповца и других городов. Они собрались выслушать отчет Ленинградско-Мурманской экспедиции о проделанной работе по созданию металлургического завода на базе железных руд Кольского полуострова и печорских углей.

– Завод в районе Ленинграда строить можно и нужно, – сказал руководитель экспедиции академик И.П. Бардин. – Мы детально исследовали три равноценных пункта: Череповец, Анненский Мост, Лодейное Поле. Все они расположены непосредственно у водно-транспортных путей и вблизи возможных источников гидроэнергии. Однако Череповец предпочтителен благодаря его

более удобному расположению к главным центрам потребления металла и ломообразования. Кроме того, неподалеку от Череповца имеются огромные месторождения торфа, использование которого может сберечь за год 400 тысяч тонн печорского угля. Завод по нашим расчётам станет рентабельным, металл – близким и сравнительно дешёвым. Поэтому надо форсированными темпами приступать к практическому осуществлению этого важного для страны строительства.

Материалы экспедиции с рекомендацией: строить в Череповце – были переданы в правительство.

Казалось бы, всё, можно приступать к строительству. Однако, такое решение не устраивало руководство Карелии. 11 мая 1946

Карта-схема «Сырьевая база и транспортные связи северо-западной металлургии»

года секретарь ЦК ВКП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянов обратился в правительство с предложением перенести строительство завода в Петрозаводск, который, по его мнению, имеет больше преимуществ, чем Череповец: рядом и железные руды (Пудожгорское и недавно открытые Гимольское и Мангинское месторождения), и залежи торфа, и дешёвая энергия карельских рек.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия поручает Совету научно-технической экспертизы Госплана СССР дать экспертную оценку карельскому варианту металлургического завода. Рассмотрели эксперты предложение партийных товарищей из Карелии и не установили каких-либо преимуществ размещения завода в Петрозаводске по сравнению с Череповцом. Что касается открытия новых месторождений железных руд близ Петрозаводска, то эксперты предложили их использовать на Череповецком металлургическом заводе в качестве дополнительного железорудного сырья.

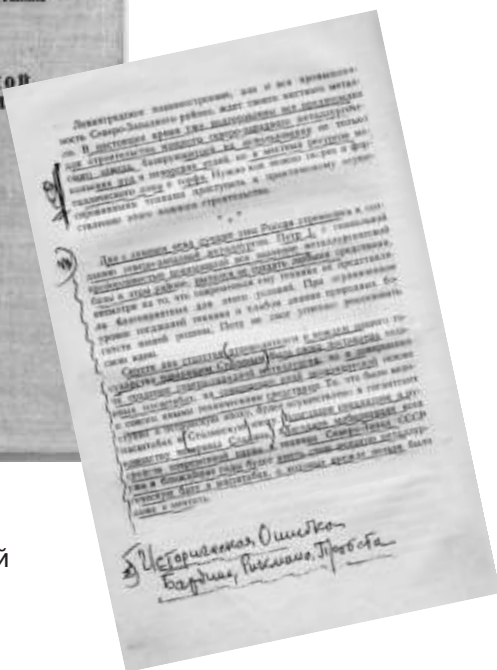
И вот окончательное заключение экспертов: *«Подтвердить ранее принятое решение о строительстве северо-западного металлургического завода в городе Череповце».*

III

В 1946 году ограниченным тиражом вышла книга «Проблемы северо-западной металлургии» (для служебного пользования). Подводя итоги научных поисков, руководители Ленинградско-Мурманской экспедиции академик И.П. Бардин, профессор А.Е. Пробст и доцент В.В. Рикман писали:

«Два с лишним века лучшие умы России стремились к созданию северо-западной металлургии. Пётр I, с гениальной прозорливостью понимавший всё значение металлургической базы в этом районе, пытался создать её любыми средствами, несмотря на то, что современная ему техника не представляла благоприятных для этого условий.»

Страница из книги
«Проблемы северо-западной
металлургии» с пометками
профессора Н.И. Коробова

...То, что было недоступно в петровскую эпоху, будет осуществлено в гигантских масштабах в Сталинскую эпоху. Благодаря инициативе и руководству товарища Сталина, благодаря мобилизации всех средств современной науки и техники Северо-Запад СССР уже в ближайшие годы будет иметь свою мощную металлургическую базу в масштабах, о которых прежде нельзя было даже и мечтать».

Экземпляр этой редкой книги есть в Музее трудовой славы. Принадлежал он ранее Николаю Ивановичу Коробову, одному из активных участников планирования и строительства Череповецкого металлургического завода. В 1970-80-е годы

профессор Коробов преподавал в Московском институте стали и сплавов курс «Основы проектирования металлургических предприятий», и вполне естественно, что эта книга была для него настольной. Об этом говорят вопросительные и восклицательные знаки, подчёркивания чернилами, фломастером и карандашом, заметки на полях: «*Моё участие и разногласия с Бардиным*», «*Историческая ошибка Бардина, Пробста, Рикмана*». Последний комментарий как раз и относится к отрывку, который приведен выше.

Согласитесь, оценка, которую даёт Коробов, напрочь зачёркивает деятельность Ленинградско-Мурманской экспедиции, предвещавшей большое будущее новой металлургической базе с центром в Череповце.

До войны Коробов был ярым защитником череповецкого варианта. Будучи начальником Технического отдела НКЧМ, ему приходилось выступать ответчиком на докладные записки в правительство с предложением перенести строительство северо-западного завода из Череповца куда-нибудь в другое место. И всякий раз он давал отповедь всем противникам места постройки. А вот выводы, которые сделали в 1946 году руководители Ленинградско-Мурманской экспедиции о том, что «Северо-Запад уже в ближайшие годы будет иметь свою мощную металлургическую базу», Коробов подверг сомнению. В чём же были разногласия Бардина и Коробова?

Бардин считал, что северо-западный завод в первые годы работы должен быть универсальным, выплавлять как рядовой, так и качественный металл, только таким образом можно покрыть потребность в металле этого региона. Коробов же с этим был не согласен, он полагал, что не следует высококачественные оленегорские и ковдорские руды переводить на производство рядового металла. Из этих руд можно получить конструкционный металл такого качества, который нельзя произвести ни на каком другом заводе страны.

Бардин предлагал с целью удешевления перевозки руды и угля как можно шире использовать местные ресурсы: металлический лом, пиритные огарки, торф. А Коробов выступал против

использования в больших масштабах скрапа и пиритных огарков, считал, что это приведёт к загрязнению стали. Весьма скептически Коробов оценивал и использование торфа в качестве генераторного топлива, так как его добыча отличается большой трудоёмкостью, да и запасы быстро бы иссякли.

На сегодня мы видим: расчёт на сокращение завоза в Череповец дальнепривозного угля за счет использования местного торфа не оправдался: на службу череповецким металлургам почти сразу же после пуска пришёл природный газ, применение которого гораздо экономнее, чем при использовании торфа. Пришлось отказаться и от пиритных огарков: присутствие в них вредных примесей – цинка, мышьяка, меди – разрушало броню и кладку доменных печей. Таким образом, использование местных ресурсов в больших масштабах не оправдалось.

И выходит, что почти ни один из факторов, которые предлагал Бардин для улучшения экономических показателей северо-западного завода, не сработал.

Так что же, налицо ошибка академика Бардина и его коллег по экспедиции в выборе места строительства завода? Если так, то быть бы нашему заводу вечно убыточным. Однако ЧМЗ – ЧерМК – ПАО «Северсталь» живёт и здравствует и за свою более чем полувековую деятельность дал миллиарды рублей прибыли.

В чём же секрет такого феномена? Сработал главный фактор выбора точки строительства – географическое положение Череповца. Он оказался чудодейственным и перевесил все остальные. Центральное положение Череповца по отношению к источникам сырья и топлива и металлопотребляющим регионам оказалось определяющим. Обладая обширной транспортной инфраструктурой, которая включает в себя мощный железнодорожный узел, разветвлённую автодорожную сеть и речной порт, – город получил удобный выход к основным российским и зарубежным рынкам. А использование на предприятии передовой техники и технологии, ориентация на производство высококачественной продукции сделали географический фактор ещё более действенным.

15 апреля 1946 года газета «Правда» опубликовала статью И.П. Бардина «Металлургическая база на Северо-Западе СССР». *«Среди задач нового пятилетнего плана, утвержденного Верховным Советом СССР, – писал Бардин, – видное место занимает проблема металла для Ленинграда и смежных с ним районов. По существу, поставлена проблема создания новой металлургической базы СССР в очень своеобразных и сложных условиях. Использование для металлургии железных руд Кольского полуострова и углей Печоры обеспечит широкое и комплексное развитие производительных сил всего Северо-Запада и Севера Европейской части СССР».*

Не преминула откликнуться на это событие и американская пресса. Под заголовком «Советский Союз строит гигант» «Engineering and mining journal» («Инжиниринг и горное дело») сообщает: «Наконец осуществляется мечта Петра Великого и любимая идея диктатора Сталина – создание крупного металлургического центра вблизи Ленинграда... Проект рассчитан на более эффективное удовлетворение металлом Ленинградского промышленного района и, несомненно, создаст более благоприятные условия для военной промышленности... Научные кадры, занятые разработкой проекта, возглавляет ведущий советский металлург и народный герой И.П. Бардин».

12 ноября 1947 года на базе союзного треста «Севзаппромстрой» в Череповце создается строительно-монтажное управление № 2 «Череповецметаллургстрой» во главе с И.Г. Подшиваленко. Управлению поручено выполнить подготовительные работы по устройству дорог, постройке складских помещений, растворного узла, конюшни, гаража и т.д.

Однако ни одно из намеченных мероприятий по развороту строительства на череповецкой площадке не было выполнено.

«За этой стройкой зорко следит наш вождь и учитель...»

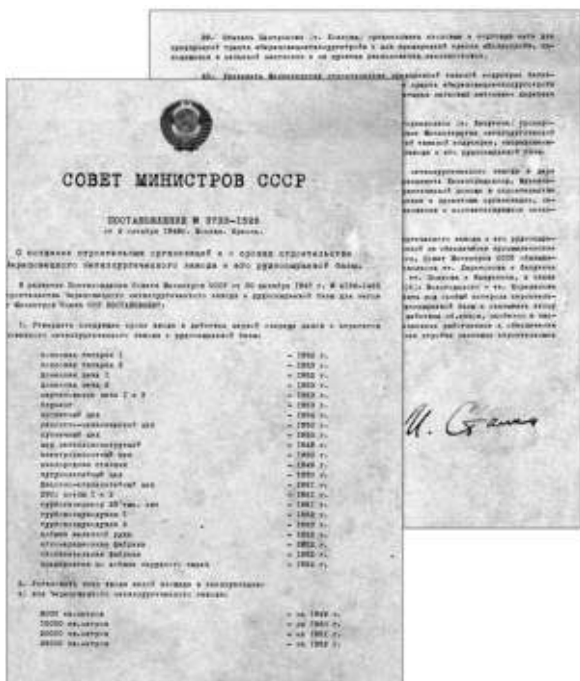
I

Несмотря на положительную экспертизу череповецкий проект ещё долго «гулял» по правительственным кабинетам. Лишь спустя пятнадцать месяцев, 30 декабря 1947 года, И.В. Сталин подписал постановление «О строительстве Череповецкого металлургического завода и рудно-сырьевой базы для него», которым предлагалось *«возобновить, предусмотренное постановлением Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1940 года № 1066-417 строительство Череповецкого металлургического завода на базе железорудных месторождений Кольского полуострова и углей Печорского бассейна».*

Министерствам черной металлургии, строительства предприятий тяжелой индустрии и внутренних дел предписано в самые жёсткие сроки разработать и представить в двухмесячный срок свои предложения о создании строительных организаций и исправительно-трудовых лагерей для строительства Череповецкого металлургического завода, его сырьевой базы и о сроках строительства завода, горнорудных и нерудных предприятий.

4 октября 1948 года Совет Министров СССР принимает ещё одно постановление по Череповцу – «О создании строительных организаций и о сроках строительства Череповецкого металлургического завода». Приказом по Министерству строительства предприятий тяжёлой индустрии был создан строительно-монтажный трест «Череповецметаллургстрой», которому поручалось **вести в строй** действующих Череповецкий металлургический **завод уже в 1952 году**. Начальником треста был назначен С.С. Семенов, до этого работавший в ленинградском тресте «Севзаппромстрой».

Совет Министров СССР разрешил организовать на строящемся заводе аппарат дирекции, возложив на него руководство про-

Постановление
Совета Министров
СССР о создании
строительных
организаций и о
сроках строительства
Череповецкого
металлургического
завода и его рудно-
сырьевой базы

ектно-изыскательскими работами и технический надзор за ходом строительства. На должность директора строящегося завода приказом министра черной металлургии СССР от 12 апреля 1948 года назначен Семен Иосифович Резников*.

«Завода нет, а его директор – Семен Резников – уже налицо. Живет он в частном секторе – снимает у старожилы комнату, – так описывает в очерке «Металл Северо-За-

* Семен (Соломон) Иосифович Резников (1901–1974), инженер-металлург, видный организатор металлургической промышленности СССР. Работал на заводах Юга мастером, главным инженером, директором. С 1941 года – заместитель народного комиссара черной металлургии СССР. В годы войны был директором Нижнетагильского металлургического комбината. Под его руководством уральские металлурги освоили производство спецстали для танковой брони и бронебойных снарядов.

пада» первые шаги руководителя череповецких металлургов писатель И.М. Бодренков, который начинал трудовую деятельность инженером в составе первой дирекции. – *Его управление там же, где и управление Мамлеева, в красном казарменного вида здании. «Управление Резникова» – это комната, стол и стул. Нет даже телефона. Про Резникова говорят: “Директор, директор...” А какой же он директор? Директором он был в другом месте, в Нижнем Тагиле, а тут его называют в шутку “генералом без армии”: у него под рукой пока никого нет».*

Действительно, в первые месяцы Резников объединял в себе и отдел кадров, и табельщика, и секретаря. Но табличка «прием от и до» так и не появилась на его дверях – заходи в любое время. Впрочем, в кабинете Семен Иосифович почти не был, он – то на промышленной площадке, то – в обкоме, а большей частью

С.И. Резников, первый директор Череповецкого металлургического завода

пропадает в министерстве, решая вопросы по укомплектованию цехов завода инженерно-техническими и рабочими кадрами, выбивая финансы и необходимое оборудование.

Он не проводил рубежа: тут – служба, а там – твое личное. Место в общежитии, лекарство для больного, заработки, короткие отпуска на свадьбы – десятки, сотни больших и малых забот, к которым директор осторожно и тактично прикасался. Для сотрудников первой дирекции это была своеобразная школа. Уроки её по-разному отложились в людях, но они отложились: у кого на короткое время, у кого – на всю жизнь.

Двенадцать лет жизни отдал Резников Череповецкому заводу. Двенадцать лет, наполненных заседаниями, оперативками и созданием команды единомышленников. Это было время строительства основного хребта будущего металлургического гиганта – от рабочего до управленца. А еще – время постоянных вызовов «на ковёр», начиная от партийных кабинетов и кончая министерскими. Директор отвечал за всё.

Нужны были воля, решимость, организаторский и инженерный таланты, чтобы не поддаваться паническим настроениям, найти выход из, казалось бы, тупиковой ситуации и стать, в конечном счёте, родоначальником того самого «череповецкого почерка», который и выведет впоследствии завод в число лидеров мировой металлургии...

II

Строительство завода начиналось в сложных условиях. Задачи грандиозные, а техники практически никакой, всего 9 экскаваторов, 8 бульдозеров и ни одного крана, тачки – и те в дефиците. Главные орудия труда – лопата, плотницкий топор да носилки.

Закончился 1948 год, а итоги не радовали: строительно-монтажные работы выполнены лишь на ...7 процентов. Не подготовлена жилплощадь для расселения строителей. Не приняты меры к набору рабочих из местного населения, а наличная рабочая

сила используется плохо, что приводит к низкому заработку и, как следствие, к огромной текучести кадров.

Неудовлетворительное состояние на череповецкой стройке стало предметом обсуждения на Коллегии Министерства строительства тяжелой индустрии СССР.

– Руководство «Череповецметаллургстроя» провалилось, – сказал заместитель министра строительства Д.Я. Райзер, – пришлось его заменить. Сейчас пришел опытный, энергичный инженер, хорошо зарекомендовавший себя на предыдущей работе – Дмитрий Николаевич Мамлеев*. Будем надеяться, что он дело поведет, как надо. Товарищ Тевосян сказал, чтобы завод строить по первому классу, используя самые современные достижения. Мы пойдем на жертвы, где-то урежем, а Череповцу дадим, потому что помним всегда, что за этой стройкой зорко следит наш вождь и учитель товарищ Сталин!

Министр строительства П.А. Юдин нацелил собравшихся на ударную работу:

– Некоторые наши управления считают, что эта стройка растянется на годы. Нет, товарищи, она не будет затяжной. Это будет скоростная стройка. Мы принимаем меры к тому, чтобы по-новому организовать строительство.

На коллегии была принята рекомендация: для лучшей организации строительства необходимо сконцентрировать рабочую силу и технику на первоочередных объектах производственной базы. Из Москвы, из Ленинграда, из других городов стало больше поступать техники: бульдозеры и экскаваторы, автомашины и подъемные краны. Страна протягивала руку помощи. Стране был нужен металл.

Да, гигантская стройка была под неослабным оком Центрального Комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина. В сентябре

---

* Диниахмед Набиуллович Мамлеев (1905–1976 гг.). Герой Социалистического Труда, Заслуженный строитель РСФСР, лауреат премии Совета Министров СССР, Почётный гражданин г. Череповца. Руководил строительством заводов в Белорецке, Нижнем Тагиле, Уфе, Рыбинске, Ленинграде. С 1949 по 1971 гг. управляющий трестом «Череповецметаллургстрой».

1949 года ЦК заслушал отчет Вологодского областного комитета партии и дал его работе неудовлетворительную оценку. Было отмечено, что в руководстве областного комитета *«имеют место канцелярско-бюрократические методы»*. ЦК ВКП(б) указал на недопустимость такого положения, когда стройка государственного значения не укомплектована руководящими кадрами, когда план по оргнабору рабочей силы не выполняется, когда на стройке процветают разболтанность и безответственность, и потребовал от обкома партии без проволочек решать вопросы практической помощи стройке.

VI пленум Вологодского обкома партии признал критику Центрального Комитета совершенно правильной и призвал «навести на стройке большевистский порядок, а коммунистам возглавить политическое руководство стройкой». Было принято решение об усилении партийной прослойки в коллективе строителей, для

Посланцы Вологодской области едут на строительство Череповецкого металлургического завода, 1949 г.

чего райкомам выдана разнарядка на «добровольцев» в количестве 700 коммунистов и 1200 комсомольцев.

По городам и селам отправились вербовщики. Окончив «Сталинские ускоренные курсы», бывшие колхозники, рабочие артелей, демобилизованные солдаты становились плотниками, каменщиками, печниками, штукатурами, кровельщиками, бетонщиками... Всем им обещана гарантированная зарплата, спецодежда, койка в вагончике или частная квартира.

Жители деревень Панькино, Фроловское, Богородское, Углы, Кичино, где располагалось десятка полтора небольших колхозов, ставили свои подписи под резолюцией, которую им зачитывали уполномоченные райисполкома: *«Принимая во внимание, что восстановление промышленности в стране есть первоочередная задача партии и правительства, направленная на укрепление государства, развитие народного хозяйства, на благополучие всех трудящихся, – с изъятием земли для строительства завода согласиться».*

Ставили сельчане свои подписи – и становились горожанами.

...Город в то время заканчивался улицей Горького. Здесь и началось возведение первых послевоенных зданий. За двухэтажными домами в 103 квартале полукольцом вставали кирпичные и панельные здания в 4 – 5 этажей – с портиками, полуколоннами, фигурными балконами, с лепными украшениями. Асфальтировались улицы и тротуары, строились детские сады, поликлиника, больница, школы.

Рос город, росла производственная база треста, а бульдозеры и экскаваторы срезали холмы, поросшие ивняком и ольшаником, копали отводные каналы и траншеи, засыпали низины и продвигались всё дальше – на запад, туда, где строителей ждало основное поле деятельности – заводская площадка.

Рубцы на сердце, или Почему Бардин не приехал на пуск завода?

I

В 1977 году мне, редактору радиовещания металлургического завода, партийный комитет поручил создать на предприятии музей. Вместе с коллегой Лидией Красовицкой начинали с нуля. Долгие дни перелистывали пожелтевшие страницы газет «Коммунист», «Красный Север», «Ударная стройка», «Череповецкий металлург», по крупцам отслеживая важнейшие события в жизни завода; делали выписки из архивных документов, книг и журналов; записывали воспоминания ветеранов. Мы стали настоящими охотниками за реликвиями, будь то миниатюрный слиточек стали с первой плавки, мандат делегата партийного съезда или ценный фотокадр. Так, шаг за шагом рождался Музей трудовой славы.

Больше всего мне хотелось отыскать «череповецкий след» И.П. Бардина, инициатора строительства Череповецкого завода. С радостью узнал, что в Москве проживает Лидия Валентиновна Бардина – вдова академика. В 1979 году удалось с ней встретиться.

...Не скрою, когда я впервые входил в бардинскую квартиру, что на Ленинском проспекте, возникло ощущение, что вот сейчас распахнется дверь и из рабочего кабинета выйдет сам академик. Всё здесь оставалось как при его жизни. В этой квартире он прожил тридцать один год. С интересом оглядываюсь. Повсюду книги. Даже в прихожей книжная полка до потолка. Сочинения Обручева, Струмилина, Ферсмана, Павлова, Грум-Гржимайло, академические издания, монографии с дарственными посвящениями авторов.

Хозяйке квартиры Лидии Валентиновне Бардиной 69 лет, но, кажется, что она намного моложе столь почтенного возраста. Стройная, в туфлях на высоком каблуке, брючном костюме и блузе с изысканной брошью, инкрустированной драгоценными камнями. Она была женой, другом и личным секретарём Ивана Павловича восемь последних лет жизни Бардина. После кончины мужа прожила сорок шесть лет, и все эти годы жила мыслью создать в квартире мемориальный музей И.П. Бардина. И, когда своего добилась (как ей казалось), спокойно умерла на 97-м году жизни.

... Переходим в гостевую комнату. И здесь – книги, книги, книги... Фотографии разных лет, сувениры, привезённые из Индии и Китая, Испании и Италии, США и Канады. В центре комнаты огромный стол, заваленный папками, копиями документов, вырезками из газет, альбомами с фотографиями. Почти три десятилетия вдова академика ведёт переписку с музеями металлургических заводов, с институтами и школами, со всеми, кому дорога память об Иване Павловиче. По надписям на папках можно изучать географию страны: Новокузнецк, Киев, Саратов, Свердловск, Череповец.

...Входим в рабочий кабинет Бардина. Моё внимание привлекает ящик на окне, наполненный несколько необычными в условиях московской квартиры предметами. Лежат в нём отливки чугуна первых плавок новых домен, памятные пластины из стали, куски агломерата и кокса. Каждый предмет – свидетельство большого труда, сгусток мысли учёных и врождённой смекалки рабочих. По ним можно проследить чуть ли не весь жизненный путь вице-президента Академии наук. Вот серая чугунная болванка, напоминающая по форме кирпич. На ней надпись: «Первый чугун – строителю и пионеру сибирской металлургии И.П. Бардину». Рядом памятные плитки из Запорожья, Макеевки, Челябинска. А вот и сувенир из Череповца – плитка, на которой вычеканено: «Череповецкий металлургический завод. 24 августа 1955 года. Первый чугун».

Много интересного узнал я о жизни и деятельности вице-президента Академии наук СССР в своё первое посещение квар-

тиры Бардиных. А в Череповец привёз драгоценные экспонаты: наручные часы Ивана Павловича, его любимую чайную чашку, чернильный прибор, визитные карточки, оттиски научных статей, календарь-справочник, множество фотографий из личного архива, копии грамот о присвоении званий Героя Социалистического Труда и лауреата Государственных премий, научные книги с автографами академика и дарственными надписями авторов, справочную и художественную литературу на русском и английском языках.

Особенно мы дорожили документами с автографами Бардина, связанными с Череповецким заводом. Вот протокол совещания Комиссии президиума Академии наук СССР по Кольскому полуострову по вопросам чёрной металлургии от 2 октября 1940 года, где впервые ведётся разговор о создании Череповецкого завода. Вот деловая записка «Об эффективности строительства Череповецкого, Пудожгорского и Казахского заводов», датированная 1944 годом. А вот телеграмма от череповецких металлургов с пожеланием Бардину творческих успехов в деле развития отечественной металлургии.

Немало документальных материалов, связанных с деятельностью академика И.П. Бардина, «откопал» в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, Центральном Государственном архиве народного хозяйства, архиве Академии наук СССР.

О своих находках в архивах и встречах с соратниками Бардина я постоянно знакомил читателей на страницах «Коммуниста» и «Череповецкого металлурга». К 1988 году накопилось, как мне казалось, достаточно материала о «череповецком» Бардине, и я решил выпустить о нем книгу. Эту идею поддержал сподвижник Ивана Павловича по Институту металлургии АН СССР доктор технических наук, профессор В.А. Резниченко: «Задача, которую поставил перед собой автор историко-экономического очерка «У истоков Череповецкого металла» Б.В. Челноков, – осветить в печати мало исследованный отрезок жизни академика Ивана Павловича Бардина, одного из великих реформаторов экономики

нашей страны периода технической революции, – достойна всяческого одобрения и поддержки».

Открыленный, я отправил рукопись в Северо-Западное книжное издательство, где она пролежала два года. Возвращая ее, мне сказали, что, к сожалению, не пришло для неё время, документальный очерк не подлежит публикации в открытой печати из-за секретности многих документов.

Может, это было и к лучшему. Как сейчас вижу, написана книга была в подражание учёным – нудным и скучным языком и вряд ли привлекла бы читателей. А период жизни академика, связанный с Череповцом, как оказалось, был полон драматических событий, интриг, борьбы идей и страстей. И обойти их никак нельзя, иначе не понять, откуда Бардин черпал величайшую силу духа, мужество и гениальность творений. И я продолжил свои изыскания, рассказывая о них читателям на страницах местной прессы, стараясь соединить научность, документальность с читабельностью.

...Как-то раз я спросил Лидию Валентиновну, почему Иван Павлович трижды побывав во время строительства Череповецкого завода, не был на его торжественном пуске? Ответила она не сразу. Чувствовалось, какие-то неприятные моменты связаны с этим периодом жизни Бардина.

– С ним случился инфаркт, – помолчав, ответила Лидия Валентиновна. – Потом взяла одну из папок, развязала тесёмки и подала копии многочисленных документов, письма, вырезки из «Литературной газеты». Письма адресованы в самые высокие инстанции: Совет Министров СССР, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Правление Союза писателей СССР.

– Эти годы мне хотелось бы вычеркнуть из биографии Ивана Павловича, – с горечью проговорила Лидия Валентиновна, – они были отравлены несправедливым отношением к нему. Вокруг его имени литераторы устроили самый настоящий заговор. Его обвинили во всех смертных грехах. И ему приходилось бросать все дела, чтобы оправдываться перед горе-писателями. Шантаж литераторов стоил Бардину инфаркта. Многим, знающим Ивана Пав-

ловича, и особенно мне, известно, что он себя не щадил. И тем более горько, что его не щадили многие.

Содержание папки меня потрясло. Герой Социалистического Труда, кавалер семи орденов Ленина, лауреат Ленинской и дважды лауреат Сталинской премии, единственный из советских ученых обладатель Золотой медали Бринелля, государственный деятель, ученый с мировым именем, известный как энергичный борец за всё прогрессивное, сильный и решительный в науке, — как и всякий порядочный человек, оказался слабым и беспомощным против людей беспринципных, которые обрушили на него поток грязи, фальши и неприкрытой чернухи.

В то время, когда американские журналисты писали, что Советскому Союзу крупно повезло, что во главе металлургической науки стоит такой выдающийся ученый, как Бардин, в СССР

устроили настоящую травлю. И делали это те, кто призван врачевать человеческие души – писатели. Потом к хору литераторов присоединились экономисты-ретрограды, назвав Бардина виновником неправильного выбора места строительства Череповецкого металлургического завода, который, по их мнению, станет вечной обузой для государства.

...Началось всё с марта 1953 года. Умер Сталин. Пришел конец тридцатилетней эпохи правления вождя «всех времен и народов». Наступило время, когда из всех щелей вылазила мерзость. Повсюду искали «жареные» факты, примеры «культы личности». И те, кто с упоением славил вождя при жизни, стали яркими борцами с «культом личности» и, вообще, с личностями, даже с такими, как академик Иван Павлович Бардин.

Что чувствовал Бардин, человек светлого ума и доброго сердца, как он переживал клеветнические нападки? Об этом Иван Павлович оставил дневниковые записи. Они передают его душевные переживания, боль и страдание. Читая их, сердце обливается кровью. И все же меня поразила его стойкость, способность противостоять оголтелому шантажу завистников, не впасть в депрессию. Его спасало любимое в его жизни хобби – металлургия.

Драматические события середины пятидесятих годов XX века в жизни академика и стали сюжетом моей первой книжки о Бардине – небольшой брошюры, которую я назвал «Рубцы на сердце». Её презентация состоялась в 1998 году в Клубе начальников цехов.

...Строгая обстановка в зале заседания. На столике – труды академика, документы о строительстве Череповецкого металлургического комбината, добытые в архивах самого разного ранга. А рядом – кресло-качалка Ивана Павловича, его демисезонное пальто, небрежно брошенное словно самим ученым – быстрым и порывистым, – шарфик и неизменная кепка. На тумбочке открытый томик Диккенса (любил академик почитать перед сном по-английски), вязанная салфеточка, трогательный букетик засушенных цветов – такими радовала его жена Лидия... И преобразился зал, словно ожила история...

Презентация книги «Рубцы на сердце», посвященной драматическим событиям в жизни И.П. Бардина, 1999 г.

На презентацию пришли те, кто знал И.П. Бардина: бывший директор ЧМЗ А.И. Бородулин, заместитель директора по коксохимпроизводству Н.Е. Темкин, главный механик комбината Л.И. Данилов, президент Клуба начальников цехов В.Н. Крохотин и другие ветераны комбината. Они поделились своими воспоминаниями и высказали пожелание: продолжить исследовательскую работу и написать солидную книгу о «череповецком» Бардине.

II

Итак, давайте и мы перенесемся в уже далёкие пятидесятые...

В начале марта 1953 года все газеты Советского Союза сообщили о плохом состоянии здоровья И.В. Сталина. Все, кто в это время находился в заграничных командировках, были отозваны. Пришлось прервать своё пребывание в Венгрии на празднова-

нии месячника венгеро-советской дружбы и руководителю советской делегации академику Бардину. Когда он прибыл в Москву, город уже погрузился в траур. Приспущены флаги. Церемония прощания с товарищем Сталиным назначена на 9 марта. Добрый приятель Ивана Павловича, покоритель Северного полюса И.Д. Папанин, достал ему пропуск, и они вместе стояли в почётном карауле у гроба Иосифа Виссарионовича Сталина.

Странное чувство испытывал Бардин. Со Сталиным он не раз встречался, но лишь сейчас увидел, как вождь всех времён и народов не похож на свои портреты: редкие волосы, глубокие оспины на лице. Он одновременно к себе притягивал и страшил.

...Бардину вспомнилась первая встреча с вождём. Был декабрь тридцать четвертого. Тогда Советский Союз впервые достиг небывалой для того времени выплавки чугуна – 10 миллионов тонн! Лучших доменщиков страны пригласили в Кремль. И Бардин, недавно избранный действительным членом Академии наук СССР за досрочный ввод в строй Кузнецкого комбината, от имени металлургов страны рапортовал о выдающемся достижении. Говорил он в стиле того времени, то есть, прославляя мудрость вождя:

– Эта победа не только экономическая, но и политическая. Под предводительством товарища Сталина и большевистской партии в нашей стране создана новая промышленность, старые заводы реконструированы на основе новейшей техники, о которой мы, старые инженеры, могли только мечтать. Сокрушающая сила фактов, когда мы своими глазами увидели гиганты металлургии и машиностроения, превратила нас в энтузиастов этой великой работы. Она могла быть выполнена только под руководством товарища Сталина и партии большевиков.

Неожиданно вождь прервал его выступление репликой:

– Вы не правы, товарищ Бардин.

Зал затих. Слышно только, как поскрипывают сапоги Сталина, который прохаживался, покуривая трубку, позади президиума. Мучительная для Бардина пауза. Знал он, чем иногда заканчивались такие замечания.

– Вы не правы, товарищ Бардин, – повторил Сталин и, повернувшись к Бардину, с улыбкой добавил: – Партия не могла одна

проводить работу, о которой вы говорили. И тем более неправильно приписывать её мне, скромному ученику Ленина. Вместе с партией в этой работе участвовали и беспартийные старые специалисты, такие как вы. Партия сумела лишь организовать дело, дать правильные указания.

В общем, товарищ Сталин вернул Бардину комплимент, что делал не часто.

Припомнился и день 20 июня 1940 года, когда он, будучи заместителем Народного Комиссара чёрной металлургии СССР, находился в кабинете наркома Тевосяна. Неожиданно зазвонил правительственный телефон. Ивана Фёдоровича вызывал товарищ Сталин. Спустя некоторое время нарком вернулся, держа в руках постановление о создании новой металлургической базы с центром в Череповце, о котором Иосиф Виссарионович слышал, будучи в ссылке в Вологодской губернии. Присутствующие

Выступление академика И.П. Бардина на съезде лучших доменщиков страны. 1934 г.

в кабинете вместе с Тевосяном председатель Совета Народных Комиссаров В.М. Молотов, председатель Комитета по делам геологии И.И. Малышев и народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия единодушно поддержали это гениальное предложение.

Рассказ Тевосяна о мудрости вождя, решившего за какую-то минуту важную государственную проблему, наркоматовцы восприняли молча. Никто не поправил Ивана Федоровича, не сказал, что эта идея родилась здесь, в его ведомстве под руководством Бардина. Иван Павлович тоже промолчал. Своё мнение он высказал наркому раньше, когда передавал на подпись труд под названием «Материалы к вопросу по организации металлургической базы на Северо-Западе СССР». После долгих размышлений группа Бардина предложила построить завод в Череповце, на перекрёстке потоков руды и угля. Авторство идеи создания северо-западной металлургии Иван Федорович решил преподнести товарищу Сталину. Вождь оценил её неординарность. И, несмотря на то, что это было всего-навсего рабочей гипотезой, на свет Божий явилось скреплённое подписью товарища Сталина постановление о строительстве новой угольно-металлургической базы с центром в Череповце. Без экономической экспертизы. Без смет и проектов.

III

...Промелькнула минута прощания со Сталиным. Сколько слёз было вокруг, сколько скорби! Но скорбели далеко не все. Миллионы шапок были подкинута вверх в исправительно-трудовых лагерях. Там, за колючей проволокой, ждали амнистию.

Месяца четыре спустя после похорон вождя Бардин получил письмо. Писал некто Заславский. Он недвусмысленно давал понять, что высокого положения Бардин достиг лишь благодаря книге «Жизнь инженера». То есть своим нынешним положением академик всецело обязан ему, литературному редактору книги. За что требовал материальной компенсации.

Иван Павлович вспомнил Заславского. В середине тридцатых годов его, главного инженера Кузнецкого металлургического комбината, издательство «Молодая Гвардия» попросило написать биографию. Видимо, посчитали, что для читателей, особенно молодёжи, будет интересен и поучителен жизненный путь представителя технической интеллигенции, который в 1917 году безоговорочно признал новую власть, в двадцатые годы руководил восстановлением металлургических заводов Юга, а в тридцатые – строительством металлургического гиганта в Сибири. Первоначально ему помогали московские писатели А.А. Бек и М.Г. Смирнов. Потом они переключились на другие дела, а Бардину предложили И.П. Заславского, который каждое воскресенье приходил стенографировать воспоминания. Его работа заключалась в редактировании, переговорах с издательством и, как пишет Иван Павлович в дневниках, «придании мемуарам так называемого «гарнира», то есть зачастую приписке того, чего в действительности не было, но чему, якобы по требованиям художественной литературы, следовало быть. Например, в них появился рассказ спецпереселенца, где тот в мгновение ока перерождается в сторонника советской власти». Иван Павлович, правда, по незнанию «фарватера литературных приемов» согласился тогда на это.

Книга И.П. Бардина «Жизнь инженера» вышла в свет в 1938 году. Тогда же по 58-й статье арестовали Заславского. Издательству «Молодая гвардия» пришлось вычеркнуть фамилию «врага народа», автора литературной обработки. Долгое время о Заславском ничего не было слышно. И вот он дал о себе знать.

Бардина крайне возмутил тон письма. На письмо он не ответил, а в дневнике записал: *«Какое бесстыдство! Заславский полагает, что путем рекламы в виде статей и газетных отзывов можно двигаться по такой трудной дороге, которой является дорога инженера и учёного. Это не выигрыш в карты или рулетку, когда в руки неожиданно приходит огромное богатство».*

IV

Письмо Заславского очень взволновало Бардина. И, чтобы отвлечься от неприятного эксцесса, он принял приглашение Ивана Дмитриевича Папанина посетить научный Борок и Дарвинский заповедник, а заодно побывать на строительстве Череповецкого металлургического завода. Прославленный полярник, дважды Герой Социалистического Труда, действительный член многочисленных иностранных академий возглавлял в то время строительство Института биологии внутренних вод и водохранилищ АН СССР, главной задачей которого было изучение флоры и фауны Рыбинского водохранилища и влияние строящегося металлургического завода на окружающую природу.

Путешествие предстояло необычное: сначала на теплоходе «Академик Морозов» до Череповца, далее по железной дороге в спецвагоне Академии наук до Свердловска, затем – Новосибирск, Сталинск, Красноярск, Иркутск, Комсомольск-на-Амуре и обратно в Москву.

Л.В. Бардина, И.П. Бардин и И.Д. Папанин на пути в Череповец

В научном Борке задержались более чем на двое суток, мешал сильный ветер. 10 сентября синоптики выдали благоприятный прогноз, и теплоход «Академик Морозов» вышел в плавание.

Рукотворное Рыбинское море напоминало разлив большой реки. О борт бились торфяные островки. На всём пути, словно скелеты, торчали чёрные стволы высохших деревьев. Справа по борту – развалины церкви, напоминающие о родовом имении знаменитого художника-баталиста В.В.Верещагина.

Вдали показывается Череповец, Бардин узнает его по теплоэлектростанции.

– Сейчас увидим домну, – говорит Иван Павлович Папанину.

Но сколько ни вглядывается, тщетно, домны не видно. Как выяснилось во время осмотра стройплощадки, она мало подросла за минувший год, её кожуха не собрана на всю высоту. Академик явно расстроен: успехи первого строительного наступления «по всему фронту», которые так радовали Ивана Павловича в предыдущие посещения, сведены почти «на нет».

...Шёл сентябрь 1953 года. Ещё висят в кабинетах портреты Сталина, стоят на площадях и в парках его монументы и статуи. Но к стройкам, которые в верхних эшелонах власти назывались «сталинскими», появилось заметное охлаждение. А ко всему прочему идут непрерывные осенние дожди. Грунты на стройплощадке напоминали слоёный пирог из пльвуна. Вырытые котлованы залиты мутной водой; откачивают воду из одного котлована, а она тут же заполняет другой. Днём и ночью работают насосы, вычерпывается разжиженный грунт, делаются перемычки. Дороги рухнули. Люди не знают ни минуты отдыха...

В то время череповецкая стройка не афишировалась. «Маяковские» пятидесятых годов не слагали восторженных стихов о новом «городе-саде», не снимали о нём документальные ленты кинооператоры «Ленкинохроники», не писали репортёры центральных газет, а журналистам городской газеты «Коммунист» и многотиражки «Ударная стройка» приходилось всячески ухищряться, чтобы и информацию какую-то дать, и секретность соблю-

сти. Вот, например, 29 ноября 1951 года в Череповце произошло важное историческое событие, а многотиражка строителей только и могла сообщить, что *«сегодня коллектив строительного управления, где начальником товарищ Тораман, приступает к выполнению ответственного государственного задания – бетонированию фундамента «главного объекта»*. А что это за государственное задание и что за «главный объект»? Не понятно.

Загадку разгадал во время очередного визита в бардинскую квартиру. Когда я показал Лидии Валентиновне копию «Ударной стройки», она протянула мне старенький альбом. На нём типографским способом напечатано: «Череповец строится. 1951 год». На первой же странице фотография: академик Бардин – в меховом пальто, каракулевой папахе и бурках, профессор Пробст, главный череповецкий строитель Мамлеев, директор строящегося завода Резников... Первые заводские цехи... Первые жилые дома...

А вот и запечатлённое для потомков историческое событие. На фоне пасмурного неба стоит группа строителей. Рядом бьётся под ветром полотнище красного флага. На усталых лицах промёрзших людей торжественное выражение. Под снимком подпись: «Закладка доменной печи № 1. Начальник «Доменстроя» Тораман С.Ф. опускает в бетон медную трубку с памятной записью. 29 ноября 1951 года 12 часов 00 минут».

Вот что журналисты называли «главным объектом»! Оказывается, Иван Павлович был в Череповце ещё в 1951 году! А о его пребывании в газетах ни слова! Удивительного здесь нет: строительство завода и после войны продолжалось под грифом «секретно». А напиши, что Череповец посетил академик Бардин, сразу все узнают, зачем «главный металлург страны» приезжал в город!

Впоследствии Лидия Валентиновна Бардина подарила этот альбом нашему музею Трудовой славы.

Перебирая десятки фотографий Бардина, я обратил внимание на снимок, где академик взбирается на ступеньку необычного вагона, одиноко стоящего на запасных путях какого-то вокзала.

– Действительно, вагон необычный, трофейный, – пояснила Лидия Валентиновна. – Иван Павлович выхлопотал его для деловых поездок по металлургическим объектам. Он был заместителем председателя Комиссии Президиума по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны и много ездил по стране, особенно в годы войны, когда нужно было в короткое время перевести мирную промышленность на военные рельсы. Изготовлен вагон в Германии еще в двадцатые годы. Говорят, что это был штабной вагон фельдмаршала Паулюса и что после его пленения Верховный главнокомандующий И.В. Сталин подарил вагон Академии наук СССР. А уже президент академии В.Л. Комаров передал его Бардину.

Лидия Валентиновна рассказала, что вагон был специально переоборудован по проекту Ивана Павловича для научных поездок: походная лаборатория, столовая, спальня, салон для деловых встреч с партийными и хозяйственными работниками. В вагоне проходили совещания, планёрки, рождались смелые проекты и планы по развитию чёрной металлургии. Неоднократно в таких поездках сопровождала Ивана Павловича и Лидия Валентиновна.

– Хорошо помню, как я впервые (это было в 1953 году) оказалась в Череповце, – вспоминала вдова академика. – Я не

Вагон-лаборатория
АН СССР
использовался
И.П. Бардиным и
группой учёных
для поездок по
металлургическим
объектам страны

Академик И.П. Бардин и сопровождающие его лица
на строительной площадке завода. 1951 г.

сразу поняла, что это город, такой русской глубинкой веяло от деревянных мостков возле вокзала, от людей с узелками и баулами. Тогда трудно было поверить, что через несколько лет Череповец станет крупным промышленным центром. Мы шли типично деревенской улицей, я остановилась перед конюшней, не в силах оторвать взгляда от резвящегося подле лошади жеребёнка невероятной масти – не в яблоко, как часто бывает, а полосатой... На обед нам подали простую крестьянскую еду: щи, вологодские пироги, молоко и клюквенный морс, любимый северный напиток, которого я доселе ни разу не пробовала. И мне на секунду стало жаль, что совсем скоро здешний размеренный уклад кардинально переменится. В замысел Ивана Павловича, что завод займет достойное место в ряду гигантов металлургии, я верила абсолютно.

Металлургия была для него страстью, работой и хобби. Он даже свои отпуска проводил в этом вагоне, а не как люди его положения – на курортах. Вместе с собой Иван Павлович всякий

раз приглашал группу специалистов – заведующих лабораториями, высококвалифицированных геологов, проектантов, экономистов, обязательно включал молодых сотрудников из институтов металлургии, которыми он руководил. Такие поездки служили для них отличной школой. В дорогу Иван Павлович брал целую кипу новых книг и свежих журналов по металлургии. И вся эта кipa к концу путешествия была им прочитана, а итогом прочитанного были новые замыслы.

– А как проходили поездки?

– Рабочий день Ивана Павловича был очень насыщен. Вставал очень рано. До завтрака уже успевал поработать в своем купе: читал научную литературу и журналы. Где-то в половине девятого в вагон-лабораторию приезжали руководители очередного завода или рудника, и после обсуждения порядка ознакомления с предприятием по намеченному Иваном Павловичем маршруту все отправлялись на осмотр объектов. Это пять-шесть часов. Затем – возвращение в вагон, обед и небольшой послеобеденный отдых.

В конце дня приходили руководители предприятия, и Иван Павлович проводил «разбор полетов». На этих совещаниях он не выпускал из рук пера и большого блокнота, в который заносил свои замечания, деловые указания, рекомендации по улучшению работы, просьбы руководства предприятий к вышестоя-

И.П. Бардин,
Л.В. Бардина
и сотрудники
ЦНИИчермет
во время поездки по
металлургическим
объектам

И.П. Бардин
в Карельском
филиале АН СССР

щим организациям. А поздним вечером было слышно, как стучит пишущая машинка: это Иван Павлович составляет отчет об увиденном. К запискам в блокноте он возвращался, когда подводил итоги уходящего года. Устраивался перед микрофоном, перелистывал путевые заметки и надиктовывал свои воспоминания и размышления. Потом секретарь-машинистка расшифровывала их и отпечатывала. Расшифрованные записи он правил, вносил изменения и дополнения.

Лидия Валентиновна протянула мне стопку машинописных листов:

– Иван Павлович с давних пор вел дневник, говорил, что это помогает ему совершенствовать себя. За все годы накопилось сотни страниц дневника. Здесь есть и о посещении Череповца во время строительства металлургического завода.

V

...И вот в моих руках дневниковые записи Бардина. Подробные, с множеством деталей, с комментариями.

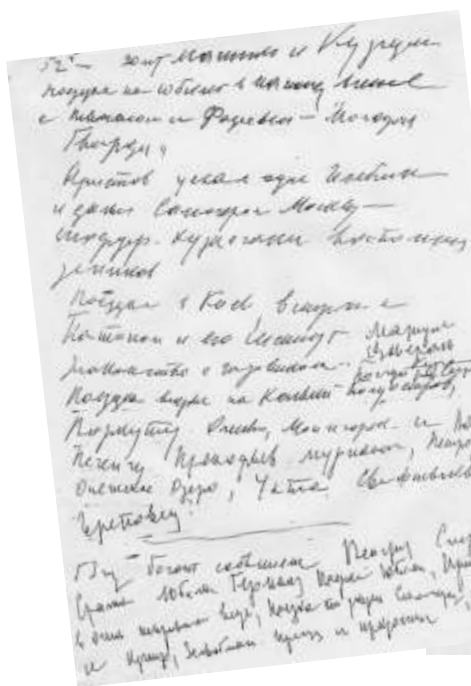
Можно представить, какое волнение я испытал, ознакомившись с бардинскими путевыми заметками и дневниковыми за-

писями. По сути, Бардин оказался единственным человеком, который запечатлел на бумаге эпопею возведения засекреченного Череповецкого металлургического завода!

Из воспоминаний академика И.П. Бардина:

«В начале 50-х годов я использовал свои отпуска для поездки в малоизвестные для меня районы – Кольский полуостров, Воркуту и Череповец. Металлургический завод строился и только начинал жить. Надо было познакомиться со всем его хозяйством, рудными и угольными ресурсами, так как нужда в металле в северо-западном крае нашей страны была несомненной. Хотелось познакомиться на месте: что строится и как ведётся строительство.

Перед этим мне пришлось принимать участие в рассмотрении проекта Череповецкого завода в связи с работами, проводимыми в этом районе Академией наук. Проектное задание было представлено Гипрометзом в виде проекта обычного

Рукописный и машинописный листы дневниковых записей Бардина

металлургического завода без учёта того, где он находится. Доменный цех Череповца должен был полностью обеспечить металлом все переделные цеха заводов малой металлургии Ленинграда. Естественно, что при тех расстояниях, на которых находятся завод, уголь и руда, нечего и думать было об экономичности чугуна. Проект предложил переделать.

Осмотр на месте показал неисчислимые рудные богатства Кольского полуострова, которые до этого были не использованы. Особенно привлекло прекрасное воркутинское месторождение углей. Череповецкий завод тоже начал строиться, мне захотелось видеть состояние строительства этого завода».

Запись сделана 9 ноября 1959 года

Три отпуска подряд, начиная с 1951 года, посещает Бардин череповецкую стройку. Первое посещение Череповца И.П. Бардиным было частью самого дальнего научного путешествия с целью знакомства с производительными силами страны. Известный многим металлургам «бардинский» вагон видели тогда в Свердловске и Новосибирске, в Красноярске и Иркутске. Завершилось турне посещением Череповца.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Прибыли в Череповец. На вокзале нас встретили руководители завода и стройки. Устроили короткое совещание, затем отправились на стройплощадку. Побывали на строительстве вспомогательных цехов будущего завода. Из них такие цеха, как механический и котельно-монтажный, уже закончены и начинают вступать в эксплуатацию. Кузница, кислородный, литейный цехи заканчиваются строительством. Цеха очень хорошие, сделаны фундаментально. Быстро строится здание ТЭЦ. Закладывается арматура под фундамент доменной печи № 1.

В целом строительство Череповецкого завода производит хорошее впечатление. Чувствуется порядок, подготовленность к развертыванию работ.

...Вместе с представителями завода поехал в обком партии, где состоялась беседа о строительстве завода. В меру моих сил и возможностей я постарался обрисовать важность строительства Череповецкого завода и необходимость большего внимания этой стройке как со стороны обкома, так и других организаций области».

15 ноября 1951 года

Прибыл академик в Череповец не просто так, а для участия в торжественном событии. Директор строящегося завода Семен Иосифович Резников, которого Бардин хорошо знал по совместной работе в наркомате черной металлургии, пригласил его на закладку фундамента «главного объекта» – первой череповецкой доменной печи. Однако к приезду академика не успели подготовиться. Отсутствовал металл для армирования. Вместо него решили черепане использовать старые рельсы. По всей области собирали отработавшие свой срок рельсы, которые затем сваривали рабочие цеха металлоконструкций по специально разработанной технологии. Монтаж вели в три смены, но к бетонированию «пня» первой череповецкой домны смогли приступить лишь спустя две недели после отъезда Бардина.

...Осень 1951 года хорошо запомнилась многим ветеранам череповецкой стройки. Днём и ночью гулкие грозы гуляли по небу, шли нудные, ни на минуту не прекращающиеся дожди. Вода сверху, вода снизу, насосы не успевают её откачивать. Оползают и рушатся, гулко ухая, земляные откосы...

Наступает утро 29 ноября. У края котлована, дно которого переплетено гнутыми рельсами, стоят руководители стройки и завода Мамлеев и Резников, землекопы в высоких резиновых сапогах, электросварщики в загрубевших жестких брезентовых спецовках, каменщики, плотники. Чувствуется волнение участников импровизированного митинга. Как же! Закладывается первая череповецкая домна. Слово предоставляется Дмитрию Николаевичу Мамлееву:

– Сегодня в истории стройки, в истории города знаменательный день, – говорит главный череповецкий строитель. – Мы приступаем к выполнению ответственного государственного задания: закладываем фундамент доменной печи номер один. Конечно, в нашей стране сооружается таких домен не один десяток. Но эта особенная: она знаменует рождение первенца северо-западной металлургии. Верю, что будут здесь агрегаты намного мощней. Но этот – первый, он и через 100 лет останется первым.

12 часов 00 минут. Мамлеев даёт знак начальнику «Доменстроя» С.П. Тораману, и Степан Федорович бросает на дно огромной ямы медный пенал с памятной записью.

Из железного кузова самосвала с шумом соскальзывает в котлован серая лава бетона. Дробно выстукивает колёсами по бревенчатому настилу вторая машина, за ней третья... десятая... Их ведут шофёры-победители трудовой вахты в честь всесоюзного праздника – Дня Сталинской Конституции. Десятки водителей, рабочих и работниц растворных узлов, конторы технического снаб-

Закладка фундамента доменной печи № 1. 29 ноября 1951 г.

жения включились в соревнование за непрерывный поток цемента, гравия и песка, за быструю и своевременную доставку груза.

Несмолкаемый гул висел в воздухе до темноты.

...Пройдет ещё не один год пока на этом месте взметнётся ввысь стальной корпус красавицы-домны.

На следующий год Бардин решил посвятить свое путешествие только объектам северо-западной металлургии. Побывал на Кольском полуострове: в Кировске, Оленегорске, Мончегорске, Мурманске, осмотрел филиал Академии наук в Петрозаводске, посетил шахты Воркуты.

6 октября 1952 года академик прибыл в Череповец. На сей раз вице-президент увидел неприглядную картину. На стройке запустение. Ни одного нового цеха не введено в строй действующих. Строительство застопорилось. Сказывалась несогласованность в работе подрядных организаций, подчиняющихся самым разным трестам и управлениям. Сколько вице-президенту пришлось сделать телефонных звонков, сколько телеграмм отбить в разные министерства и ведомства, чтобы помочь черепанам, а дело почти не сдвинулось с места!

Из практики академик Бардин знал, что главное в строительстве – высокие темпы. Такой завод как череповецкий должен строиться не более пяти лет, а первая очередь пускаться через три года. А тут Совет министров только в 1952 году утвердил проект завода, а до этого целых четыре года в разных инстанциях шло согласование.

«Да, ускоренное строительство металлургических объектов дело непростое, – размышлял Бардин. – Это не рубка направо и налево, а хирургическая операция, требующая, с одной стороны, быстроты, с другой – точности, знания анатомии всего народного хозяйства. Надо знать, где нервы, чтобы их не разрубить, где мускулы, где несущий каркас».

Он понуро шагал от объекта к объекту. Сгорбленная фигура, хмурый вид, сведённые мохнатые брови давали понять сопровождающим его Мамлееву и Резникову: академик недоволен. Долго не выходил из своего купе. Вечером заставил себя сесть за пишущую машинку.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Личный осмотр подтвердил: сделано мало. Наиболее выигрышный участок – теплоэлектроцентраль. Комплекс производит мощное впечатление. Здесь должно быть направление «главного удара»! Доменная печь имеет фундамент, каркас литейного двора, приступают к монтажу кауперов. На агломерационной фабрике произведены все работы ниже горизонта площадки. На коксовых печах идет кладка боровов. Вспомогательные цехи против прошлого года не имеют ничего законченного. Нет станков, нет отопления. Общее впечатление от осмотра строительства не в его пользу, так как вся площадка перекопана, канавы не спланированы, ни к одному цеху дороги нет. Жилищное строительство идет плохо. Строители кричат об отсутствии среднего персонала, ссылаются на то, что всё забирает Москва. Жалобы на оба министерства. За всё время строительства от них никого не было».

6 октября 1952 года

...И вот третье посещение череповецкой стройки. На календаре 11 сентября 1953 года. На этот раз И.П. Бардин увидел ещё более печальную картину. Стройка почти на нуле. Стройплощадка превратилась в сплошное месиво из торфа и глины. Машины, бульдозеры и краны буквально тонут в грязи. К объектам ни пройти, ни проехать. Черепанам с трудом удаётся выкопачивать финансы и оборудование. Первоначальный проект донельзя урезали, вроде бы с благими намерениями – сделать его подешевле. На деле вышло наоборот. А ведь Бардин постоянно доказывал и в Минчермете, и в Госплане, что ревизии проектов в ходе строительства вовсе не ускоряют и не удешевляют строительство, а напротив, только тормозят!

С тяжёлым сердцем покидал Иван Павлович Бардин Череповец. В вагоне он просмотрел справки, которые для него составили руководители стройки и завода. Потом вложил в пишущую машинку чистый лист и начал выстукивать.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Первым объектом осматриваем ТЭЦ. По сравнению с прошлым годом здесь сделано очень мало. Первый котёл всё также в пусковом состоянии. На коксохиме вчерне смонтированы конструкции обогатительной фабрики, частично выполнены фундаменты вращающегося вагоноопрокидывателя. Заканчивается закладка коксовой батареи. Доменная группа по сравнению с коксовой сильно отстает. То, что раньше составляло отличительную особенность череповецкой стройки – хорошие, заблаговременно подготовленные дороги, – теперь пришло в упадок. Всюду грязь, неисправные дороги. Говорят, что на площадке ни одного дня не проходило без дождей. И у руководителей, и у рабочих уже нет того энтузиазма. Успехи первого наступления сведены на нет дальнейшим бездействием.

Перед самым отъездом пришли ко мне металлурги и строители с жалобами на полнейшее невнимание со стороны обоих министерств. Обида самая неприкрытая: ни одного начальствующего лица не было на строительной площадке. Ходатайства по разным вопросам остаются без ответа. Всеми забытый Череповец! Взывают ко мне о помощи».

11 сентября 1953 года

«Что ж, придётся менять тактику, – решает Бардин.– Строить «по-кузнецки» – по всему металлургическому циклу – не удаётся. Значит, надо сконцентрировать внимание на тех из объектов, на которые уже затрачено больше средств и которые близки к вводу в эксплуатацию». И он вложил в машинку новый лист.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Моя рекомендация на этот раз была прямо противоположной прошлогодней. Если тогда я советовал, как можно больше возводить различных объектов, то теперь рекомендовал направить все силы на сооружение доменной печи, подготовить её к пуску; коксовые печи закончить кладкой и поставить на сушку. Надо всеми имеющимися средствами

показать формы настоящего завода, чтобы он своим видом вызвал к жизни. Это пробудит к нему внимание правительства и местных властей».

11 сентября 1953 года

Требовался бардинский авторитет, дабы убедить правительство принять решение об ускорении строительства Череповецкого завода. Сюда перебрасываются с других объектов чёрной металлургии две тысячи квалифицированных специалистов, сюда шлют недостающие узлы и оборудование. Были пересмотрены сроки и очередность пусков объектов в эксплуатацию. Если раньше первоочередным делом считался пуск коксовой батареи, то теперь главное внимание было сосредоточено на скорейшем завершении аглодоменного производства.

Следуя бардинским рекомендациям, вся рабочая сила строительного треста брошена на возведение аглофабрики и доменной печи.

VI

Из дневника академика И.П. Бардина:

«В 1955 году Заславский был освобожден из заключения и реабилитирован. Приехав в Москву на съезд писателей, не замедлил позвонить ко мне на квартиру, отрекомендовался жене моим другом, сказал, что очень ждёт встречи. Услышав фамилию и вспомнив письмо этого «друга», Лидия Валентиновна была крайне поражена его бесцеремонностью и советовала не принимать его. Но я Заславского принял, не чувствуя за собой никакой вины.

Разговор начался с его рассказа о тяжёлых испытаниях и безвыходном материальном положении в настоящем. Потом он перешёл к обвинению меня в том, что я не ответил на его письмо. Я сказал, что это сделано вполне сознательно, так как письмо написано в оскорбительном тоне. Заславский стал интересоваться, сколько я получил за книжку. Я отве-

тил, что мне было прислано около четырёх тысяч рублей, но он говорил о каких-то больших деньгах, которые будто бы были получены втайне от меня моей покойной женой Еленой Михайловной по поддельной доверенности. Эти не существовавшие деньги Заславский потребовал вернуть. Я растерялся от подобной наглости, а он всё наседает. Разговор был так неприятен, что если бы при мне была названная сумма, я бы тут же всё отдал, хотя прекрасно знал, что издательство полностью рассчиталось с ним. Но в наличии была тысяча, которая и была ему вручена.

Довольный успехом Заславский спросил, когда прийти за остальными деньгами, затем стал интересоваться моими рукописями. Я показал ему стопку исписанных листков. Он прочитал несколько из них, отметил, что прекрасно написано, и предложил свои услуги для их оформления: «Вы мне будете платить месячный оклад старшего научного сотрудника. За ваш счёт я отдохну в санатории, приду в себя. Жить буду у вас на даче на полном иждивении. Записки оформим как продолжение книги «Жизнь инженера». Авторство мне не нужно, но деньги, откровенно говоря, очень требуются».

Час был поздний, и я попросил перенести разговор до следующего раза».

Без даты. 1956 год

– Напор был столь неожиданным, – рассказывала мне тридцать лет спустя Лидия Валентиновна, – что Иван Павлович растерялся. Сдерживало его и то, что Заславский, жертва сталинских репрессий, требовал к себе сострадания. Но, поразмыслив, мы пришли к выводу, что он обыкновенный вымогатель, и с таким человеком не следует иметь абсолютно никаких дел. Развязку я взяла на себя. Когда Заславский пришёл вторично, отказала ему во всех домогательствах. Он не ожидал такого оборота, а затем стал угрожать: «Подумайте хорошенько, Лидия Валентиновна, есть ещё время. Вы отнимаете у меня средства к существованию. В противном случае вы пожалеете об этом. Я буду кричать на всю Москву, что Бардин меня ограбил».

Череповецкая стройка глазами Бардина

«Механический и котельно-монтажный цеха уже закончены и начинают вступать в эксплуатацию. Цеха хорошие, сделаны фундаментально». 1951 г.

«По металлургическому циклу положение такое: закладывается арматура под фундамент доменной печи, заложена плита под коксовую батарею». 1951 г.

«В жилом посёлке имеется большое количество многоэтажных домов, производящих хорошее впечатление». 1951 г.

«Быстро строится
теплоэлектроцентраль.

Здание вчерне
закончено. Комплекс
производит мощное
впечатление».
1952 г.

«Успехи первого
наступления
сведены на «нет»
дальнейшим
бездействием.
Всюду грязь,
ни к одному цеху
дороги нет».

1953 г.

«Надо все силы
направить на
сооружение
доменной печи,
показать формы
настоящего завода,
чтобы он своим
видом взывал к
жизни». 1953 г.

Начался «литературный шантаж». Заславский ходил по литературным салонам и предлагал всем написать производственный роман. Например, о том, как известный ученый Б. присвоил произведение, написанное менее известным писателем З. Литератора за что-то посадили, скажем, по 58-й. Когда он обратился за помощью к учёному, то вместо помощи ему прибавили срок.

Любимцу Сталина писателю Александру Фадееву, собиравшему материалы для книги под условным названием «Чёрная металлургия», Заславский поведал историю о мытарствах одного изобретателя, который искал поддержки у известного академика, но тот просто высмеял его. Фадеев тут же ухватился за эту историю и занёс в записную книжку: «Небывалый революционный способ получения стали. Академик Б., ученик знаменитого Курако, герой первых пятилеток, не понял. Министр Т., член ЦК, инженер-металлург, не разобрался, не понял. Дошло до Сталина. Он – понял. И открыл дорогу этой революции в технике».

Владимир Попов, автор книги «Сталь и шлак», также решил написать книгу об изобретателях, которым мешают проводить в жизнь великие идеи «ретрограды от науки», такие как академик Бардин.

Не довольствуясь этим, Заславский направляет письмо первому лицу государства Н.С. Хрущеву, копии – президенту Академии наук СССР А.Н. Несмеянову и секретарю правления Союза писателей А.А. Суркову.

Из письма И.П. Заславского:

«Я вынужден привлечь ваше внимание к чудовищным фактам нравственного падения человека, отмеченного большими почестями и наделенного большой властью, – писал он. – Речь идёт о Бардине, первом вице-президенте Академии наук СССР. Почти 18 лет Бардин беззастенчиво пользуется результатами моего труда. Он присвоил авторство моей повести «Жизнь инженера». И воспользовался постигшим меня в 1938 году несчастьем: я стал жертвой провокации, был арестован органами НКВД и осуждён. Это обстоятельство позволило Бардину извлечь для себя выгоды: приобрести славу и популярность как писателя, уважение и общественный вес, предстать инженером больших

масштабов и широких горизонтов. А это бесспорно способствовало его восхождению по общественной лестнице».

Послания Заславского в адрес видных деятелей страны так подействовали на Бардина, что у него случился инфаркт. И череповецкие металлурги запустили завод без него.

VII

1955 год стал решающим в борьбе за выполнение директив XIX съезда КПСС о развитии черной металлургии СССР. В этой связи быстрейший пуск Череповецкого металлургического завода приобретал важное народно-хозяйственное и политическое значение. Вологодский обком партии принимает постановление «Об оказании помощи по завершению работ на доменной печи № 1», призывая горкомы и райкомы направить в трест «Череповецметаллургстрой» 900 коммунистов и комсомольцев для использования их на строительных работах. С других строек по указанию правительства в Череповец перебрасываются 2000 квалифицированных специалистов.

...Всё труднее камуфлировать засекреченный завод. Хоть и с трудностями, вырастает он и «засвечивается» на страницах городской газеты «Коммунист». Вот фотография кандидата в депутаты областного совета Семёна Резникова с подписью «директор **завода**» (правда, не говорится – какого). А вот литературная страница с виршами самодеятельного поэта Фёдора Голубева:

По родному краю молодость шагает,
Где леса стояли – там теперь **завод**.
И на славу людям, и на счастье людям
Город развивается, город наш растёт.

Но вот, на седьмой год строительства, газетчики наконец получили разрешение рассекретить главную послевоенную стройку страны.

20 февраля. Областная газета «Красный Север» впервые поведала жителям Вологодчины о том, что *«в соответствии с планом развития народного хозяйства СССР в Череповце ведётся строительство металлургического завода»* и что *«надо положить все силы и средства на своевременный пуск первой доменной печи!»*

Нельзя без волнения перелистывать газетные страницы тех лет. Они высвечивают обстановку нелёгких предпусковых месяцев. Заголовки «кричат» об огромном напряжении человеческих сил. Строителей, металлургов, партийных работников разного уровня.

Многотиражка «Ударная стройка», обращаясь к каждому строителю, взывает: «Всё ли ты сделал для того, чтобы в мае пустить завод в эксплуатацию!» Но прошел май, за ним – июнь и июль... Газета по-прежнему призывает строителей «мобилизоваться», «поднапрячься», «поднатужиться», «приложить усилия...»

6 апреля. Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин подписал распоряжение о создании Правительственной комиссии «для приёмки на Череповецком металлургическом заводе комплекса сооружения доменной печи № 1, коксовых батарей №№ 1-2 и аглоленты № 1».

28 апреля. Состоялось первое заседание Правительственной комиссии. Управляющему треста ЧМС т. Мамлееву и директору металлургического завода т. Резникову предложено разработать графики комплексного опробования отдельных механизмов.

1 мая. Впервые в истории Череповца в демонстрации приняли участие металлурги. В праздничной колонне по площади Жертв революции прошли агломератчики, машинисты вагон-весов, газовщики, водопроводчики, горновые. Впереди колонны проследовала автомашина, на которой установлен макет доменной печи. На приветствие с трибуны доменстроевцы ответили мощным «ура».

20 мая. Заместитель министра Минтяжстроя СССР Н.И. Лукашкин вместе с С.И. Резниковым подписали так называемый «железный график» по ликвидации недоделок. От руководителей строительно-монтажных управлений потребовано строгого его выполнения.

24 мая. Собрание городского партактива принимает постановление: «Пуск первой доменной печи будет лучшим подарком XX съезду КПСС! Пусть каждый специалист, каждый рядовой строитель работает с удвоенной энергией! Пора понять, что речь идет о насущных интересах государства, кровно заинтересованного в том, чтобы Череповецкий завод быстрее вступил в строй действующих предприятий страны».

28 июня. Проведен надув домны воздухом, чтобы испытать её под давлением. Тщательно осматриваются все соединения, электросварщики и клепальщики тут же устраняют дефекты.

4 июля. Государственная комиссия подписала акт о приёме первой очереди аглофабрики в эксплуатацию. Агломашину опробовали, убедились в её хорошей работе и остановили – агломерат для домны, а она ещё не готова.

4 августа. Смена обер-мастера А.И. Ольховикова начала сушку доменной печи и воздухонагревателей мазутом. На железнодорожных путях большое оживление: на завод поступают составы, гружённые коксом, рудой, известью и другими материалами.

10 августа. В город прибыла бригада Ленинградского отделения кинохроники. Она приступила к съёмке для малометражного кинофильма «Рождение завода». В павильонах парка культуры и отдыха сотрудники краеведческого музея готовят к открытию выставку, посвящённую строительству металлургического завода.

Каждое утро Семён Иосифович Резников начинает свой рабочий день с доменного цеха. Вместе с его начальником Иннокентием Андреевичем Кузьминым заглядывает на бункерную эстакаду, на шлаковые пути, к скиповым лебёдкам, слушает доклады механиков, электриков, технологов о том, как идёт наладка и опробование установленного оборудования и механизмов.

Нередко такие обходы директор совершал с управляющим строительным трестом. Мамлеев – как натянутая струна, взрывается при каждом замечании: «Придираешься к каждой мелочёвке, Семён Иосифович!» Но на своих оперативках давал разгон бракоделам и приказывал исправлять недоделки в срочном порядке. Кстати, такой жесткий контроль со стороны эксплуатации

онного персонала себя оправдал. Доменная печь № 1 от задувки до капитального ремонта проработала более 18 лет, что почти вдвое превысило обычно допустимые нормы!

В душе-то Резников, конечно, доволен строителями. Как они размахнулись! Там, где недавно были лишь котлованы и горы земли, появились ровные площадки. Вдоль асфальтированных дорог и подъездных путей тянутся кюветы, выложенные железобетонными плитами и дерном. По подъездным путям бойко снуют паровозы. А там, где возвышается домна, уже ни огонька электросварки. Значит, и вправду – скоро пуск...

21 августа. Бригада М. Афанасьева из «Доменстроя» закончила плотницкие работы и в 1 час ночи последней из строителей ушла с пускового объекта. Доменщики приступили к загрузке печи шихтой; подчиняясь сложной автоматике, по наклонному мосту двинулись навстречу друг другу большие скипы с коксом и рудой.

23 августа. Утро. Правительственная комиссия записывает в акте приёмки: «Доменную печь № 1 Череповецкого металлургического завода со всем комплексом сооружений считать принятой в эксплуатацию». Доменщики заступают на свою первую трудовую вахту. На вершине домны, самой высокой точки Череповца, взвилось красное знамя.

23 августа. 20 часов 35 минут. Старший газовщик Виктор Цуканов по команде С.И. Резникова открывает шибер горячего дутья. Раскалённый воздух по газопроводу устремляется в жерло печи. На главном щите управления дрогнули стрелки. Через смотровые окошки фурменных приборов видно, как вспыхнула клетка из березовых брёвен, как разгорелось и разбушевалось оранжево-жёлтое бурлящее пламя. Внешне как будто ничего не изменилось, но по счастливым лицам людей чувствовалось, что свершилось событие большой важности: домна обрела дыхание.

23 августа. Полночь. На литейном дворе становится многолюдно. Всем не терпится увидеть рождение металла. Вместе с горновыми несёт вахту весь командный состав завода: директор С.И. Резников, главный инженер А.А. Сахаров, главный доменщик Л.Я. Левин, начальник доменного цеха И.А. Кузьмин. Тут же

управляющий строительным трестом Д.Н. Мамлеев, председатель Государственной комиссии М.Д. Грицун, партийные и советские руководители.

24 августа. Утро. Целыми семьями и в одиночку идёт и идёт народ к площади Металлургов, над которой сияет электрический лозунг: «Дадим Родине больше чугуна!» Крытые брезентом грузовики забирают всех желающих и везут на завод. Вскоре людское море заполнило железнодорожные пути, автодороги и площадь возле доменного цеха. Каждому хотелось собственными глазами узреть торжество первой плавки.

24 августа. Полдень. На литейном дворе среди горновых наступает оживление. К. Федоров, П. Кошкин, П. Шапин и С. Дорош в фетровых шляпах и суконных робах под водительством старшего горнового Ф. Дроздова начинают готовить шлаковые каналы. И невдомёк было Фёдору Ефимовичу, что ни широкополая шляпа, ни защитного цвета очки, ни даже весь рабочий костюм, в котором он орудовал у печи, уже не принадлежат ему. Они, эти атрибуты профессии горнового, – уже достояние истории, потому что недалёк тот час, когда их возьмёт на вечное хранение музей Вологды.

24 августа. 15 часов 25 минут. Старший горновой Фёдор Дроздов пробивает чугунную лётку. Из неё со свистом вырывается воздух, а вместе с ним под крышу здания поднимаются клубы бурого дыма. И вот, разбрызгивая золотистые искры, в чугуновозный ковш хлынул кипящий поток металла. Всё озаряется ярким светом. Громкое «ура» прокатилось под сводами литейного двора.

Есть первый череповецкий чугун!

В летопись стройки и завода, в историю города Череповца вписана самая яркая страница!

...И был митинг. Со знамёнами, транспарантами, портретами членов правительства пришли на торжество тысячи строителей, металлургов, жителей города и окрестных деревень. Они заполнили всю площадь возле домны. Смельчаки забрались на трубы газопровода, на металлические перекрытия, на эстакаду, облепили стальные пролёты, фермы, колонны, крыши зданий.

Вот он, первый череповецкий чугун!

От литейного двора медленно с нескончаемым гудком продвигается ведомый машинистом И.А. Харитоновым паровоз с двумя ковшами, наполненными клокочущим чугуном. Люди поздравляют друг друга, смеются и плачут от радости, обнимаются и обмениваются крепкими рукопожатиями.

В Москву летит телеграмма: «С вводом в действие первой доменной печи на Северо-Западе страны родился новый металлургический завод, воплощающий в себе последние достижения современной металлургии».

Бригада Ф.Е. Дроздова, выдавшая первый череповецкий чугун

Из первого череповецкого металла были отлиты памятные плитки с надписью: «Череповецкий металлургический завод. 24 августа 1955 года. Первый чугун». Одну из таких плиток отправили «крёстному отцу» Череповецкого завода академику Ивану Павловичу Бардину.

Как ни странно, ни одного «начальствующего лица» на торжестве не было: ни члена Политбюро, ни министра черной металлургии, ни министра строительства. Единственная правительственная весточка из Москвы – от вице-президента Академии наук СССР И.П. Бардина: «*Был бы рад приехать, но, к большому сожалению, не имею возможности. Горячо поздравляю коллектив с новым успехом советской металлургии*», – говорилось в телеграмме.

Бардин в это время лежал с инфарктом в кремлёвской больнице.

Торжественный митинг по поводу пуска Череповецкого металлургического завода, 24 августа 1955 г.

«Лживые обвинения наносят вред науке...»

I

В конце декабря 1955 года академик Бардин возвратился из ГДР, куда ездил по приглашению Германского общества металлургов и горняков. На вокзале шофёр вдруг спросил:

– Иван Павлович, читали, что про вас пишет Попов в «Литературке»?

– Нет, а что такое?

– Что вы тормозите опыты с кислородом.

Сразу защемило сердце. Прибыв в Академию наук, Иван Павлович попросил принести подшивку «Литературной газеты».

Вот и упомянутая статья Попова. Начиналась она интригующе:

«В жизни литератора бывает и так: накапливает он материал для будущей книги и вдруг сталкивается с такими фактами, с такими явлениями, что невольно вспыхивает непреодолимая потребность, не откладывая в долгий ящик, рассказать общественности о том, что увидел, узнал, о том, что его потрясло».

А потрясло писателя Попова (до того 15 лет работавшего инженером-металлургом на Енакиевском заводе) положение дел в черной металлургии.

«Как же так получилось, – задается он вопросом, – что мы, советские металлурги, имея приоритет двадцатилетней давности в области применения кислорода в сталеплавильном производстве, оказались в этом деле позади зарубежной металлургии? Почему наши отечественные открытия годами пролеживали в тиши научных кабинетов и потом шествовали по зарубежным странам, минуя нашу Родину?»

Вопросы эти возникли у писателя после публикации в газете «Труд» статьи И.П. Бардина о задачах черной металлургии в связи с курсом на дальнейшее ускорение технического прогресса,

которые выдвинул июльский пленум ЦК КПСС. Академик призвал металлургов шире внедрять передовые технологии и высокопроизводительные агрегаты, смелее использовать кислород для интенсификации производства, отказаться от шаблонного подхода к выбору сталеплавильного передела – проектирования только мартеновских цехов, вследствие чего конвертерное производство развито у нас в ничтожной степени. *«Недооценивать важнейшее дело внедрения новой техники и технологии, – писал вице-президент, – значит быть невеждами или равнодушными чиновниками, объективно наносящими большой вред развитию отечественной металлургии».*

Не вдаваясь в серьезные исследования, Попов делает вывод, что причиной отставания советской металлургии является неоправданная медлительность научных учреждений, во главе которых стоит Бардин. Который, дескать, монополизировал целую отрасль науки и тормозит внедрение передовых технологий, затирает талантливых экспериментаторов, таких как Н. Мозговой, С. Юзько, Е. Николаенко. К таким выводам он пришел после поездки в Нижний Тагил, Запорожье, Сталинск совместно с Мозговым. «Полезна ли подобная концентрация руководства, когда тремя научными организациями – Институтом металлургии Академии наук СССР, Центральным научно-исследовательским институтом чёрной металлургии (в состав которого входят пять институтов) и Уральским филиалом Академии наук – руководит один и тот же человек – академик И.П. Бардин?» Ожидаемый ответ по логике Попова, естественно, должен быть отрицательным.

Через два дня позвонил Заславский: «Ну как, Иван Павлович, надумали со мной расплатиться?» Бардин бросил трубку.

«Да, видимо, литераторы всерьёз обложили меня, решили сбросить с металлургического Олимпа и травят сознательно, – размышлял Бардин. – Везде и всюду они доказывают, что высокого положения я достиг не путём знаний и труда, а исключительно за счёт ловкости рук, мошенничества и использовании «малых сил» – писателя Заславского и инженера Мозгового. Что делать? Уйти в отставку? Отстраниться от основной деятельности и жить спокойной жизнью? Но такая жизнь не для меня».

И.П. Бардин – президенту АН СССР А.Н. Несмеянову:

«Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Прошу Вас о незамедлительном освобождении от всех обязанностей, возложенных на меня Академией наук, как-то: вице-президента, директора Института металлургии, Председателя Уральского филиала АН СССР, председателя Комиссии по железу при Совете по изучению производительных сил страны, председателя регионального Международного геофизического года по Советскому Союзу.

Обстоятельства, вынудившие принять такое решение, Вам, Александр Николаевич, понятны, может быть более чем другим, а именно: продолжающийся безудержный шантаж со стороны редакции «Литературной газеты». Видимо, она поставила перед собой цель – разоблачить «лжеучёного», не принципиального в своих взглядах, поднявшегося по научной лестнице не своими знаниями, а происками самого тёмного сорта. Создавшееся положение заставляет ставить вопрос об освобождении меня в категорической форме и немедленно».

9 мая 1956 года.

II

Выезжая в выходные дни на академическую дачу в Луцино, Бардин всё меньше работал за столом. Отменил визиты сотрудников. Сидел задумчиво в беседке или бродил по лесу, слушал шум вековых сосен и размышлял о прожитой жизни.

Совершенно отчётливо в его памяти возник покосившийся домик у заброшенного пруда на самой окраине села Широкий Уступ под Саратовым. Гимназия, в которую родители хотели его определить, чтобы он выучился на землемера, и как ему отказали, заявив, что не место сыну сельского портного в гимназии. Вспомнилась учёба в ремесленном училище, замечательные лекции в Киевском политехническом институте профессора В.П. Ижевского, который, собственно говоря, и привил любовь к профессии металлурга. Но применить полученные знания в России Бардин

ну не удалось: заводы в основном принадлежали иностранцам, которые неохотно брали русских специалистов на инженерные должности. Бардин уезжает в Америку, о процветании которой ходили легенды. Там русского инженера взяли простым рабочим. Он работал помощником кузнеца, слесарем на сборке тракторов, шлаковщиком на металлургическом заводе. Непосильный труд подорвал здоровье. С чувством глубокого разочарования Бардин покинул Америку.

Вспомнилась недавняя поездка в Соединенные Штаты Америки. На сей раз на американскую землю вступил уже не юноша, искавший применения своих сил и способностей, а широко известный в мире учёный, вице-президент Академии наук СССР, Почётный член Чехословацкой, Венгерской, Румынской академий наук, Английского института железа и стали. США также оказали честь знаменитому русскому металлургу, приняв его Почётным членом Американского географического общества.

...Природа несколько успокаивала Бардина и, несмотря на строгость медицинской сестры (её закрепили за Иваном Павловичем после сердечного приступа), он устраивался на веранде и начинал диктовать на магнитофон воспоминания и размышления.

Из дневника И.П. Бардина:

«Тяжёлые минуты мне приходилось не раз переживать, но никогда не было так горько, как сейчас. Заславский обвиняет меня в карьеризме. Будто бы я двигался по служебной лестнице, идя от портфеля к портфелю, а сам ничего особенного и не сделал, не оставил после себя никакого заметного следа. Обидно такое слушать.

Что главное в человеке? Творчество. Стало быть, по творчеству и надо оценивать людей, в особенности тех, кто выбрал поприще инженера. Мы, инженеры, являемся полководцами. За нами идёт армия людей разных специальностей. Они верят нам, и мы обязаны доказать результатами своего труда, что хотели бы сделать и что сделали. Если после меня останутся научные труды, сооружения, мысли – значит, я не

был чиновником, повторяющим изо дня в день одно и то же, а вносил нечто своё. В этом радость и утешение, что не зря прожита на свете жизнь.

А статья Попова? Это не случайный выпад, а продуманное до деталей действие в духе шантажа. Её стиль очень похож на стиль Заславского, который оперирует всяческими небылицами. Даже американские специалисты признают уровень советской металлургии как хороший и заслуживающий подражания. Я не раз говорил, что самый дорогой процесс в металлургии – это топтание на месте, поэтому всегда поддерживал всё новое и передовое. Под моим руководством велись эксперименты по использованию кислорода в качестве интенсификатора в производстве чугуна и стали, работы по внедрению в производство установки непрерывной разливки стали, по прямому восстановлению железа, по созданию жаропрочных металлов. Да мало ли чего, что создано у нас, а внедряется за рубежом? Моя ли здесь вина?

...«Атаманы-молодцы» из Литгазеты всё выискивают острое блюдо, лишь те факты, которые порочат и меня, и советскую науку. Это равносильно моей смерти, а я хочу жить. И не просто жить, а приносить пользу Отечеству».

Без даты, 1956 год

А.Н. Несмеянов – секретарю правления Союза писателей СССР А.А. Суркову:

«Я получил копию заявления писателя И.П. Заславского, касающегося его претензий к академику И.П. Бардину.

Нелепа попытка связать «восхождение по служебной лестнице» академика Бардина не с его известными в стране заслугами (достаточно упомянуть его участие в создании Кузнецкого металлургического комбината, который во время Великой Отечественной войны был основным поставщиком металла), а с удачной литературной формой, приданной его биографии Заславским. Выходит, репутация видных деятелей создается острым пером журналистов? По Заславскому получается, что шестикратное награждение Бардина орденом Ленина, присвоение ему званий – Героя Социалистического Труда, лауреата

Ленинской и Сталинских премий явилось результатом поднятого вокруг него шума в печати?

Недостойно советского писателя беззастенчивое обливание грязью одного из наиболее заслуженных советских учёных. Действия Заславского граничат с шантажом. Естественно, что И.П. Бардин ни в какие личные отношения с ним вступать не желает».

20 мая 1956 года

А литераторы не унимались. Заславский рассылал по разным направлениям письма. Попов разродился ещё одной статьёй в «Литературной газете», где по-прежнему внушает читателям: Бардин – человек, занимающий монопольное положение в науке. Он – узурпатор, подавляющий инициативу научных работников. Устроился по совместительству, где только можно, а в результате страдает наука.

Мы с Лидией Валентиновной перебираем письма от дочери М.Н. Курако, заведующих детскими садами и детдомами с благодарностью И.П. Бардину за материальную помощь. Лидия Валентиновна замечает:

– Да, Иван Павлович имел много должностей, но работал безвозмездно. Зарплату получал только в Академии наук, кафедре в Институте металлургии и Институте стали и сплавов заведовал на общественных началах. А кроме того, многим оказывал денежную поддержку. Ленинскую премию он полностью передал на строительство детского сада, многие годы из месяца в месяц помогал деньгами дочери покойного друга и учителя Михаила Николаевича Курако. Но такие подробности биографии, видимо, были не нужны Попову, ведь они вводили его от поставленной цели – опорочить Ивана Павловича.

Писатель Л.И. Гумилевский – И.П. Бардину:

«Глубокоуважаемый Иван Павлович!

Мне посчастливилось писать о Вас. А когда о ком пишешь, много об этом человеке думаешь и, естественно, возникает близость и сердечная привязанность. Судя по всему, Вы при-

даете статьям в «ЛГ» серьёзное значение, считаете нужным на них отвечать. Считаю, что полемика с газетчиками только даст лишний повод для новых нападок. Позволю напомнить Вам турецкую поговорку, которую любил повторять Достоевский: «Если, выйдя в путь, ты станешь останавливаться, чтобы бросить камни в каждую собаку, ты никогда не дойдешь до цели».

21 мая 1956 года

И.П. Бардин – Л.И. Гумилевскому:

«Глубокоуважаемый Лев Иванович!

Я очень благодарен Вам за письмо, в котором Вы утешаете меня примером турецкой поговорки.

Сорок шесть лет я посвятил любимой металлургии. Разумеется, были за это время ошибки. Но стоило бы сложить на чашу весов и то добро, которое я сделал. Есть такое сравнение: какая разница между врачом и инженером? Она заключается в том, что врач имеет все свои ошибки в земле, а инженер – на земле, и потому они всегда заметны. Но в данном случае речь идет не об ошибках, а о зачёркивании всей моей деятельности. Досадно и обидно, что на склоне лет моих «инженеры человеческих душ» позволяют себе издевательство и клевету.

Мне кажется, что основная задача литератора – писать на пользу общества, а не во вред ему. Для этого необходимо, прежде всего, досконально знать то, о чём пишешь. В этом отношении мне всегда вспоминается Оноре де Бальзак. Меня поражает его знание дела в различных областях. Он – прекрасный архитектор, когда говорит об архитектуре разных времён и народов. Он – военный деятель, когда повествует о битвах на полях сражений. Он – врач, когда описывает болезни. Он – технолог, когда рассказывает о производстве бумаги.

Детально изучить предмет – это большой труд, но не все писатели стремятся утруждать себя работой. Взять эти статейки. В них нет глубины, одна грязь. Попов не брезгует средствами, ему важно добиться главной цели –

развенчать Бардина, который и так чересчур высоко залез. Автору не интересна ни металлургия, ни что будет с ней дальше, лишь бы унижить меня».

23 мая 1956 года

Новая публикация Владимира Попова переполнила чашу терпения научной общественности. В «Литературную газету» и «Правду», в ЦК КПСС и Совет Министров СССР обрушился поток писем в защиту выдающегося учёного:

«...Лживые обвинения В. Попова наносят вред нашей науке и подрывают авторитет советской печати».

Научные сотрудники ЦНИИЧМ

«...Служить трибуной для того, чтобы невежественный в специальных вопросах человек чернил крупнейшего учёного, не к лицу такой массовой газете».

Коллектив Института металлургии АН СССР

«...Просим реабилитировать в глазах общественности честное имя И.П. Бардина. Не допустимы в его адрес клеветнические выпады и публичные оскорбления, основанные на сознательном извращении истины, на подтасовке фактов и их тенденциозном освещении».

Академики Благоднаров, Кржижановский, Курдюмов

«...Литературная газета» поощряет травлю одного из заслуженных советских учёных. Эта травля угрожает жизни академика И.П. Бардина, недавно перенёвшего инфаркт».

А. Несмеянов, Президент АН СССР

Под давлением общественности по расследованию существа вопроса была создана комиссия во главе с заместителем председателя Совета Министров СССР В.А. Малышевым, в которую вошли министр черной металлургии И.Т. Тевосян, академик Г.В. Курдюмов, писатель В.Н. Ажаев и другие.

Закончилась эта неприятная история летом 1956 года.

«Литературная газета» принесла извинения И.П. Бардину и читателям газеты, подчеркнув, что «В. Попов пренебрёг общепринятыми в советской печати правилами всестороннего и объективного изучения материала, допустил тенденциозный подбор фактов, поддался влиянию людей, якобы обиженных Бардиным, и не сумел проникнуть вглубь избранной им важной темы. Вследствие всего сказанного получилось недопустимое по тону выступление. В свою очередь, редакция газеты не обеспечила тщательной проверки статей В. Попова и, опубликовав их, совершила грубую ошибку. Академик И.П. Бардин – крупный учёный-металлург, известный всей стране как энергичный борец за всё прогрессивное в советской металлургической науке и производстве, честный человек, – подвергся незаслуженным обвинениям и нападкам. Признавая всю справедливость протеста общественности, редакционная коллегия сделала из случившегося серьёзные выводы».

Несколько дней спустя под рубрикой «Письма в редакцию» газета напечатала покаянное письмо виновника «литературного шантажа» – В. Попова: «Литературная газета» в своей статье от 7 июля 1956 года дала справедливую оценку допущенных мною ошибок. К этой оценке я полностью присоединяюсь. Считаю своим долгом принести извинения перед академиком И.П. Бардиным и читателями».

Атака литераторов, длившаяся полтора года, была выдержана, но неожиданно Бардин привлёк к себе внимание членов правительства и видных экономистов, которые поставили ему в вину строительство металлургического завода в Череповце...

«Вы, товарищ Бардин, очень дорогой для государства человек...»

I

Все центральные газеты возвестили о рождении в СССР нового металлургического центра. На самом же деле явился на свет завод-уродец. И мало кто отважился бы тогда сказать, выживет ли он, уж больно хилый родился. За семь лет в Череповце сумели ввести в строй действующих лишь теплоцентраль, аглофабрику, доменную печь да несколько ремонтно-вспомогательных цехов. Хотя по проекту к 1955 году завод должен был выдавать металл по полной программе: чугун – сталь – прокат. Но сюда родное министерство выделяло вдвое меньше средств, чем на обычную реконструкцию той же Магнитки. Стремясь улучшить баланс чугуна в стране, министерство чёрной металлургии ориентировало строителей Череповецкого металлургического завода на скорейший пуск второй доменной печи, в то время как строительство остальных стадий передела здорово отстало.

Заводской продукцией был только чугун, а главным составляющим его себестоимости являлось дорогостоящее сырье. Сюда везли криворожскую руду вместо запланированной ковдорской, известняк – из Тулы и с Украины, а кокс – из Нижнего Тагила. Привозной кокс в пути размельчался и становился малопригодным. Причем он был с повышенным содержанием серы, и чтобы её удалить, приходилось расходовать известняка в три раза больше нормы.

Нужен свой кокс, и потому форсирование строительства коксовой батареи для череповецких металлургов стало главной задачей.

...12 февраля 1956 года, несмотря на воскресный студёный день, на батарею-первенец пришли Мамлеев, Резников, партийные работники. В восемь часов утра из камеры вытолкнули огнедышащий коксовый «пирог». Резников поднимает остывшие куски кокса, рассматривает их, стучит друг об дружку и удовлетворённо произносит:

– Рук не пачкает, пористый, серебристого отлива, при постукивании звенит. Все признаки хорошего качества.

Через два месяца, 12 апреля, удалось получить полностью офлюсованный агломерат нужной основности. Так был решен вопрос с моношихтой. Чистейший кокс, чистейший агломерат, а в результате – чудесный чугун. И стали череповчане работать на том идеале, к которому стремились доменщики всего мира.

На мировом рынке череповецкий чугун произвёл сенсацию: стабильный химический состав и незначительное содержание вредных примесей – такого даже самые требовательные потребители не встречали. И вскоре в адрес С.И. Резникова пришла необычная посылка и благодарственное письмо из Всесоюзно-импортного объединения «Промсырьёмпорт». Оно досрочно выполнило обязательства перед иностранными фирмами по поставке Советским Союзом чугуна надлежащего качества. *«Справедливо полагая, что заслуга в этой поставке целиком должна быть отнесена за счёт деятельности Вашего завода, – сообщалось в благодарственном письме, – позволяем себе передать скромный подарок – серебряный поднос работы индийских мастеров – коллективу Вашего завода».*

Вот ещё приятная новость: правительственная телеграмма, в которой сообщается, что коллективы доменного, агломерационного и коксового цехов признаны вторыми в отраслевом соревновании металлургов Советского Союза.

Радостные вести, что ни говори.

II

В «Правде» опубликованы тезисы XX съезда КПСС, где говорилось, что в шестом пятилетии предусматривается завершить строительство Череповецкого металлургического завода. В Совете научно-технической экспертизы Госплана СССР при участии вице-президента Академии наук СССР И.П. Бардина начинается

подготовительная работа. Эксперты посчитали, что *«череповецкая стройка вполне подготовлена для широкого разворота строительства переделных цехов для производства листового и сортового металла и катанки, а если использовать опыт возведения Магнитки и Кузнецка в годы первой пятилетки, то к 1960 году стройку можно закончить, и Череповец даст народному хозяйству значительное количество дефицитных видов проката»*. Госплан внёс в Совет Министров СССР предложение об увеличении для Череповца капитальных вложений на возведение новых производственных мощностей: двух доменных печей, семи мартеновских, пяти прокатных станков, четырех коксовых батарей и метизного производства.

Однако 25 февраля 1956 года на закрытом заседании съезда прозвучал секретный доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях», который, казалось, никакого отношения к Череповцу не имеет. Партия осудила культ личности И.В. Сталина и призвала бороться за ликвидацию его последствий *«во всех областях партийной, политической и идеологической работы»*. Повсюду стали искать примеры «культа», в том числе и в экономике. И вот на декабрьском (1956 г.) Пленуме ЦК КПСС кто-то из «доброжелателей» передал в адрес президиума небольшую справочку о себестоимости тонны чугуна на заводах страны, начиная с Магнитки и кончая Череповцом. Коэффициент разницы между ними 1:4 (магнитогорский стоит 160 руб. за тонну, череповецкий – 613). Поистине, золотой чугун: на каждый затраченный рубль – 212,9 копеек убытка.

Те, кто при жизни Сталина называли идею создания металлургического завода в Череповце гениальной, теперь говорили о ней как об «отрыжке культа личности», наглядном примере волюнтаристского решения в выборе места строительства предприятия. Мол, в угоду товарищу Сталину, побывавшему в ссылке в Вологодской губернии, сотворили на пустом месте завод, ставший тяжёлой обузой для народного хозяйства.

Стали интересоваться: кто планировал убыточный завод, кто дал экономическое обоснование, кто рекомендовал стро-

ить его именно в Череповце? Оказалось, академик Бардин. Вот он, расточитель народных средств! То как председатель МГГ (Международного геофизического года) по Советскому Союзу просит в качестве взноса в международную копилку 100 миллионов рублей, то по его милости строят заводы, которые вряд ли когда-нибудь станут рентабельными. Очень дорогой товарищ Бардин! Очень!

Из воспоминаний академика И.П. Бардина:

«В конце пятьдесят шестого года в какой-то мере начинает раскрываться смысл реплики Н.С. Хрущёва: «Вы, товарищ Бардин, очень дорогой для государства человек...». Оказывается, началась ревизия всего, что было сделано металлургией, и, в частности, возник вопрос относительно Череповецкого металлургического завода, который, якобы, совершенно не нужен, построен не там, где надо, что чугун стоит чуть ли не в два раза больше южного и т.д., и т.п. Всё это, разумеется, давно известно. Никто и не думал, что чугун будет стоить на

И.Т. Тевосян, И.П. Бардин и академик А.М. Самарин
на совещании по развитию черной металлургии. 1957 г.

этом заводе дешево. Но правильность выбора места постройки завода в Череповце должна в последующем дать определенное преимущество предприятию и хорошие производственные показатели».

Запись сделана 9 ноября 1959 года

Был назван и ещё один из авторов «экономической авантюры»: И.Т. Тевосян, заместитель Председателя Совета Министров СССР, бывший министр чёрной металлургии. Тевосяна отправили послом в Японию, Бардина освободили от должности заместителя министра чёрной металлургии.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Неожиданно Тевосяна снимают с поста заместителя Председателя Совета Министров СССР вследствие критической оценки его деятельности по развитию тяжёлой промыш-

ленности и, в особенности, чёрной металлургии. При этом указывают на Череповец, который съедает безумные деньги. В общем, Череповец стал примером расточительности и неумения строить заводы».

Январь 1957 года

В правительство посыпались письма, служебные записки с предложениями, что делать с Череповецким заводом. Содержание их было разным, но все сходились на том, что о дальнейшем развитии северо-западной металлургической базы речи быть не может. Был поставлен вопрос о консервации завода и продаже оленегорских руд на экспорт. Прекратилось финансирование второй рудной базы – Ковдорского ГОКа, снято огромное количество заказов на заводское оборудование. Слухи о бесперспективности завода и его возможном закрытии дошли до Череповца. Кое-кто уже стал собирать чемоданы...

III

«Неужели напрасен труд тысяч строителей, металлургов, горняков, шахтёров, проектантов? – думал Семен Иосифович Резников. – Неужели окажутся правы те, кто с первых дней не верил в возможность создания на Севере металлургической базы?» Он встал из-за стола, подошёл к стене, раздвинул шторы. Вот он, генеральный план завода: прямоугольнички, пунктиры, линии. Синей краской показано то, что уже действует – аглофабрика, две домны, теплоэлектроцентраль, ремонтные цехи. Красной краской на схеме – то, что предстоит построить. Тут и мартены, и блюминг, и листостан, и многое другое. Пока что преобладает красный цвет.

Шёл девятый год строительства, а единственной товарной продукцией завода был чугун. Отсутствие сталеплавильного производства не позволяло использовать избыток металлического лома Северо-Запада. Всё это неблагоприятно сказывалось на экономике завода.

«Не металлургический завод, а какой-то чугуноплавильный монстр, дающий одни убытки, – с раздражением задернул занавески директор завода. – Надо срочно, пока не прикрыли, искать выход из создавшегося положения». Он вызвал главного экономиста завода Г.Ш. Зельцера и попросил его просчитать, при каких условиях предприятие может стать рентабельным.

Через несколько дней справка была готова. По мнению Зельцера, главной причиной высокой себестоимости череповецкого чугуна является то, что в стадии строительства находятся и завод, и рудники, и шахты. Нет ещё цехов дальнейшего передела. Единственной продукцией завода является чугун, себестоимость которого состоит из затрат на добычу, обогащение и доставку в Череповец кольских железорудных концентратов и печорских каменных углей. Ускорение строительства сталеплавильного и прокатного крыла даст возможность ликвидировать убыточность в ближайшие три года. Как только Череповец станет поставщиком листового и сортового проката, гнутых профилей и метизов – завод будет давать ежегодно около 300 миллионов рублей прибыли.

– Очень хорошо, – похвалил Резников Григория Шмулевича. – Теперь нам надо заручиться поддержкой обкома, а потом будем бомбардировать правительство. Не дадим закрыть Череповецкий завод, не дадим!

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Вопрос о Череповце принял широкую огласку. На заседании правительства, куда меня пригласили, Первухин и Зверев ясно высказались, что завод в Череповце строить не следовало. Пришлось выступить с довольно солидным докладом. Что я отметил в своём выступлении? Сказал, что убыточность Череповецкого завода временная. А для того, чтобы продукцию завода сделать рентабельной, первое, о чём следует помнить, что чугун дешёвого на нем получить нельзя, он будет всегда несколько дороже южного, не говоря уже о восточном. Но, используя местный лом, мы можем развить большое производство стали, примерно в отношении 1:2,5 – 1:3 к чугуну, и тем самым выиграть на близости завода к месту потребле-

ния, разумея под этим, главным образом, ленинградскую промышленность. Нарушен основной принцип создания завода: только полный металлургический цикл может дать дешёвую и рентабельную продукцию. Надо было строить одну домну, потом немедленно включать мартеновский и прокатный цехи. С окончанием строительства завода череповецкий металл, привезённый в Ленинград, станет намного дешевле общесоюзного. Если всё должным образом выправить, то завод оправдывает себя и для Ленинграда станет исключительно необходимым».

Январь 1957 года

Из Вологды на металлургический завод нагрянул партийный десант во главе с первым секретарем обкома И.С. Латуновым. Собрали «мозговой центр» завода и стройки, стали думать, как спасти дело.

Многочисленные диаграммы, таблицы, графики, которые представил главный экономист завода Г.Ш. Зельцер, наглядно подтверждали, что себестоимость череповецкого чугуна действительно является самой высокой в стране, потому что сырьё обходится в 2–3 раза, а коксующиеся угли – в 1,5 раза дороже, чем другим заводам. Череповецкий завод числился планомерно убыточным. Но, несмотря на это, план по снижению убытков череповчане умудрялись перекрывать, ежемесячно сокращая размер государственной дотации. О чём и доложил Зельцер:

– Благодаря осуществлению ряда организационно-технических мероприятий в 1956 году нам удалось снизить себестоимость чугуна с 613 до 542 рублей, – заявил Григорий Шмулевич. – Эту цифру можно уменьшить ещё на 50–60 рублей, экономя сырьё и топливо, повышая технико-экономические показатели. Но безубыточным завод может стать лишь при условии окончания строительства цехов дальнейшего передела. В наших условиях продукцией, определяющей рентабельность, является прокат. Так что необходимо добиваться в правительстве форсирования строительства прокатного передела.

С этим все согласились.

В начале января 1957 года министру чёрной металлургии СССР А.Г. Шереметьеву и председателю Госэкономкомиссии СССР М.Г. Первухину была направлена записка «О мерах ликвидации убыточности Череповецкого металлургического завода». Подписали ее директор завода С.И. Резников и управляющий трестом «Череповецметаллургстрой» Д.Н. Мамлеев.

«Главными мерами, которые в конечном итоге обеспечат полную рентабельность завода должны стать окончание строительства и ввод в действие сталеплавильных и прокатных цехов, – говорилось в документе. – Ускорение строительства завода даст возможность в ближайшие три года ликвидировать убыточность».

IV

Перед тем как отправить письмо в правительство, Резников и Мамлеев побывали у Бардина. Академик встретил череповчан тепло. Ознакомившись с их посланием в правительство, сказал:

– Что ж, сделано добротнo. Записка совершенно реабилитирует ваш завод и деятельность Академии наук. Очень радуют ваши смелые предложения о значительном увеличении мощности предприятия. Вы не просите об уменьшении убытков, а наоборот, предлагаете пути получения значительной прибыли. Это очень похвально. Но, мой совет: не ждите, пока решится ваша судьба в правительственных верхах, а прямо с завтрашнего дня экономьте на всём – на воде, на топливе, на электроэнергии, чтобы скорее приблизиться к рентабельности.

Заканчивая беседу, Иван Павлович чуть заметно улыбнулся:

– А знаете, не так давно оба ваши министерства представили вас за строительство и пуск завода на соискание Ленинской премии! Вместе со мной. На мой взгляд – преждевременно. Во-первых, строительство завода не закончено, а во-вторых, экономика завода в полной мере выявится только тогда, когда можно сравнить количество произведенного чугуна с качеством проката.

С.И. Резников и Д.Н. Мамлеев

Из дневника академика И.П. Бардина:

«У меня были череповчане: директор завода Резников и инженер-строитель Мамлеев. Дали мне записку, поданную ими в правительство. Записку с объяснением причин удорожания чугуна и указания выхода из этого положения.

...Записка написана заводом самостоятельно, безо всякой нашей помощи. Она совершенно обеляет сам завод, деятельность Академии наук и те рекомендации, которые в полной мере не были использованы, – и переносят вину на Госплан и Министерство металлургии».

Январь 1957 года

Но не так-то просто было изменить создавшееся мнение о бесперспективности завода. На шестой сессии Верховного Совета СССР (февраль 1957 года) министр финансов А.Г. Зверев в своем

докладе вновь приводит Череповец в качестве примера чрезвычайно высокой себестоимости металла, объясняя это неправильным размещением завода: без должного учета сырьевой базы и дальности транспортировки сырья, топлива и готовой продукции.

Тяжело было слышать такое высказывание депутату Верховного Совета СССР вице-президенту АН СССР И.П. Бардину. «Фактически сводится к нулю вся деятельность Ленинградско-Мурманской экспедиции, – с горечью думал он. – Но ведь причина высокой стоимости как раз и кроется в том, что ни одна рекомендация экспедиции не выполнена. А ведь только тщательное следование им делает завод не только рентабельным, но и дающим значительную прибыль, несмотря на дальнепривозное сырьё и топливо. Нет, за Череповец надо бороться! Как говорит поэт: «И снова бой, покой нам только снится!»

И, когда председательствующий объявил его фамилию, Бардин решительно шагнул к трибуне.

Он отверг мнение об ошибочности строительства Череповецкого завода, считая, что предприятие будет давать прибыль и при существующей удаленности сырья и топлива, но при условии его максимального расширения и форсирования строительства полного металлургического цикла.

– До тех пор, пока Череповец будет давать только чугун, народное хозяйство будет нести миллионы рублей убытка, – заявил вице-президент Академии наук СССР. – Этих убытков можно было бы избежать, если бы строительство завода планировалось правильно и если бы мартеновский и прокатные цехи строились одновременно с доменным.

Бардин сделал паузу. На мгновение вспомнилось, как в тридцатые годы ему, тогда еще техническому директору Кузнецкстроя, пришлось бороться за воплощение в жизнь идеи строительства первенца сибирской металлургии. Даже американские специалисты, по проекту которых сооружался гигант индустрии, не верили, что в заснеженной Сибири будет построен металлургический завод. Не верили в это и многие инженеры старой школы. Тогда победили смелость Бардина, его инженерная сметка и глубокая вера в свою правоту. Сумеет ли он сейчас отстоять черепан?

Депутат
И.П. Бардин на
сессии Верховного
Совета СССР.
1957 г.

Голос Бардина вновь зазвучал уверенно:

– Всякое дело, если оно начато, надо вести по плану и доводить до конца, только тогда можно полностью пожать плоды. Вообразим на минуту, что в разгар строительства заводов на Урале и Кузбассе паникёры одержали бы верх хотя бы на короткий период. Какой бы неисчислимый вред принесло бы это нашей стране!

Я выражаю надежду, что всё сказанное здесь мною, поможет большому делу скорейшего завершения строительства Череповецкого завода, созданию металлургической базы Северо-Западного индустриального района. Это приведёт к дальнейшему расцвету всю нашу советскую металлургию.

Конец речи депутат Бардин закончил под аплодисменты.

V

Выступление Ивана Павловича Бардина дало толчок к пересмотру мнений относительно будущего завода. Госплан СССР провёл техническую экспертизу, которая подтвердила доводы вице-президента Академии наук: завод может стать безубыточным предприятием. Для этого следует не только как можно быстрее ввести в действие сталеплавильный и прокатный переделы, но и удвоить, и даже утроить производство стали, листового и сортового проката. Заместитель министра черной металлургии СССР В.Б. Хлебников даёт задание управляющему Ленинградского филиала Гипромеза В.В. Кошелеву пересмотреть проект Череповецкого металлургического завода с учётом рекомендаций экспертов Госплана и внести в него коррективы, которые благоприятно отразятся на рентабельности завода.

А заводчане не ждали, когда их судьба решится в верхах. Они включились в борьбу за снижение себестоимости продукции, за повышение производительности труда. Вместо недавнего «Даёшь чугун!» появляется лозунг «Даёшь **рентабельный** чугун!» Директору завода С.И. Резникову и заводской партийной организации удалось сплотить людей, создать коллектив единомышленников, нацелить его на выполнение задачи: в короткий срок освоить сложное оборудование, овладеть передовой технологией, добиться резкого улучшения технико-экономических показателей, чтобы уже в 1957 году достигнуть производительности передовых металлургических заводов страны.

Удастся достичь намеченной цели – завод получит гарантии для своего развития, превратится в надёжную металлургическую базу. Не удастся – будет влачить жалкое существование незаконнорожденного, служить памятником экономическому угодничеству и волюнтаризму.

16-17 апреля 1957 года в клубе металлургов состоялась первая заводская экономическая конференция. В центре внимания – доклад главного инженера завода Алексея Алексеевича Сахаро-

ва «О мерах по снижению себестоимости продукции и повышении производительности труда на заводе в 1957 году».

– Было бы ошибкой рассчитывать, что снижение себестоимости получится без борьбы, в порядке самотёка, – подчеркнул докладчик. – Если не добьёмся перелома в нашей работе, не заострим на этом внимание всего коллектива, то при всех наших резервах мы не достигнем намеченного уровня себестоимости. Всем нам необходимо развивать чувство хозяйского отношения ко всем затратам и расходам.

Экономическая конференция всколыхнула коллектив завода. Главные специалисты завода – плановики, работники отдела труда и заработной платы – «пошли в народ». Они доказывали, что неблагоприятные внешние факторы в значительной мере можно перекрыть передовой культурой труда. Снижение норм расходов сырья, топлива, материалов, электроэнергии, элементарная дисциплина на каждом рабочем месте обеспечат получение более дешевой продукции!

«Экономить в большом и малом, в каждом цехе, на каждом производственном участке – вот наш главный резерв!» Эта тема звучала на партийных и рабочих собраниях, производственных совещаниях. Во всех трудовых коллективах были вскрыты значительные резервы, используя которые, удалось значительно снизить себестоимость продукции и увеличить производственные показатели.

Энтузиазм, инициатива, настойчивость в достижении общей цели позволили череповецким металлургам достичь значительных успехов. Если в 1955 году на выплавку тонны чугуна в сутки доменщики использовали 1 кубический метр объема печи, то в конце 1957 года получали её уже с 0,65 кубометра. Иными словами, на тех же мощностях выплавка увеличилась на 1100-1200 тонн в сутки, или в полтора раза. По этому показателю череповчане приблизились к передовым предприятиям страны, уступая лишь Магнитогорскому металлургическому комбинату, получавшему тонну чугуна с 0,63 кубометров.

Своих опытных кадров на заводе было недостаточно. Рабочим, выходцам из местных жителей, ставшими металлургами, терпе-

ливо передавали своё мастерство опытные агломератчики, коксохимики и доменщики Новокузнецка и Магнитогорска, Нижнего Тагила и Запорожья, Липецка и Днепродзержинска.

Шаг за шагом осваивали северяне передовую технику и технологию. И добивались показателей, к которым сибиряки и уральцы шли десятилетиями. У доменных печей, агломерационных лент, коксовых батарей богатейший опыт разных металлургических школ аккумулировался и, творчески перерабатываясь, соединялся в единый сплав. Всё лишнее отсекалось. И родился свой, череповецкий, почерк. Почерк, который впоследствии выведет завод в лидеры чёрной металлургии.

Академик И.П. Бардин,
директор завода С.И. Резников
и главный инженер А.А. Сахаров

В июне 1957 года Ленфилиал Гипромеза представил в Минчермет СССР хорошо мотивированный технико-экономический доклад «Объём производства и состав Череповецкого металлургического завода, обуславливающие его безубыточную работу». Анализируя основные элементы себестоимости череповецкого металла, структуру завода и сортамент его продукции, проектанты пришли к выводу, что убыточность завода является временной, а для обеспечения рентабельности необходимо как можно быстрее ввести в строй действующих сталеплавильный

и прокатный передел. Если же производство стали, листового и сортового проката удвоить и даже утроить, то Череповецкий завод вместо убытков будет давать государству ежегодно до 300 миллионов рублей прибыли!

Эти предложения в марте 1958 года были рассмотрены в Совете технико-экономической экспертизы Госплана СССР при участии И.П. Бардина. Экспертная комиссия согласилась с выводами ленинградских проектантов, что для достижения рентабельности Череповецкого завода необходимо не только пустить все цехи, предусмотренные послевоенным проектом, но и увеличить мощность предприятия, так как только на базе крупных масштабов производства возможно полное использование всех новейших достижений науки и техники и максимальное повышение технико-экономических показателей.

На основании экспертизы Совет Министров СССР своим постановлением от 24 апреля 1958 года определил новые рубежи увеличения мощности Череповецкого металлургического завода: по чугуну – 3 млн тонн, по стали – 4,4 млн тонн по прокату – 4,5 млн тонн. Из завода, удовлетворяющего местные нужды, Череповецкий завод станет предприятием всесоюзного значения.

Таким образом, благодаря настойчивости академика Бардина была исправлена серьезная ошибка Гипромеза в определении мощности и направлениях развития Череповецкого металлургического завода.

И сразу же затухающее было строительство заводских цехов возобновилось.

В ночь на 1 мая 1958 года по площади Металлургов в колонне демонстрантов был торжественно провезён первый слиток череповецкой стали – сплав кольской руды, печорского угля, ленинградского металлолома и мастерства череповецких сталеваров.

В январе 1959 года впервые стальные слитки прошли через «ворота проката» – блюминг.

Череповецкий металлургический завод стал предприятием с полным металлургическим циклом.

«По выздоровлении мне захотелось поехать в Череповец...»

I

В 1959 году Бардин много болел. Большую часть времени проводил в санатории Барвиха или на академической даче в Луцино под Звенигородом. На даче он мог теперь позволять себе чаще, чем обычно, слушать голос Шаляпина, музыку Баха, Чайковского и Вивальди. Пристроившись в беседке, под шум корабельных сосен читал в оригинале Ч. Диккенса, В. Скотта, Т. Драйзера, Д. Голсуорси. Любил перечитывать Достоевского и Льва Толстого. Он осуждал учёных, которые были заняты лишь «чистой» наукой, и инженеров, признававших одно производство. Идеалом Бардина был Леонардо да Винчи, совмещавший в своём лице учёного, практика и художника.

И.П. Бардин в санатории «Барвиха». 1959 г.

Приезжали в Луцино с деловыми визитами сотрудники институтов и Академии наук. Лидия Валентиновна строго следила, чтобы беседы не затягивались. Проводив визитёров, Бардин устраивался поудобнее перед микрофоном и начинал диктовать на магнитную ленту.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«Заканчивается ещё один год, 1959-й... Обозревая прожитое, уже на склоне лет, я с большим удовлетворением думаю о том, что жизнь моя во все сознательные годы была наполнена стремлением к совершенствованию, творческим поиском, любимым трудом. Как верно и проникновенно сказал Гёте:

«...Жизни годы

Прошли не даром, ясен предо мной

Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идёт на бой».

Как неизвестно вырос я, инженер, за эти годы! Какие необозримые горизонты открылись перед нами, участниками социалистического строительства! Громадное удовлетворение и радость испытываю я, когда сравниваю своё прошлое и настоящую жизнь, работу. Советская власть подняла меня на такую высоту, о которой я не смел даже и мечтать».

9 ноября 1959 года

Иван Павлович поддался-таки уговорам Политиздата подготовить к публикации мемуары и теперь каждую свободную минуту надиктовывает в микрофон воспоминания. Память у вице-президента Академии наук СССР была отменной. Несмотря на солидный возраст (пошёл 77-й), помнил наизусть многие стихи и целые страницы прочитанных книг, помнил события давно минувших дней.

Последнее время всё чаще стали приходить на память эпизоды, связанные с Череповцом. Он постоянно следит за тем, как набирает силу и мощь завод, наречённый журналистами «Северной Магниткой», по праву называя его своим детищем. Череповецкие плановики ежемесячно присылают по просьбе Бардина

И.П. Бардин записывает на магнитофон воспоминания и размышления, 1959 г.

калькуляции расходов кокса, чугуна, агломерата. Он с удовлетворением отмечает, что затраты на передел уменьшаются, себестоимость чугуна и стали постепенно снижается.

Северяне уверенно обогнали Нижний Тагил, Липецк, Кузнецк по основным технико-экономическим показателям, а по некоторым позициям – даже Магнитку.

Шесть лет прошло с того дня, как вице-президент последний раз был на череповецкой стройке. Предприятие уже четвертый год действует. И Бардину захотелось увидеть Череповецкий завод в работе.

Из дневника академика И.П. Бардина:

«В 1959 году я много болел. По выздоровлении мне, прежде всего, захотелось поехать в Череповец, посмотреть, что там делается. Отправился туда... К моему удивлению и удовольствию, оказалось, что Череповецкий завод работает хорошо. Себестоимость металла снизилась до 433 рублей, то есть, по себестоимости завод находится на втором месте после «Азовстали». Это говорит о том, что дело на правильном пути. Завод содержится в чистоте и порядке и очень хорош».

2 января 1960 года

II

В середине дня 11 ноября 1959 года к вокзалу со стороны Вологды подошёл пассажирский состав. От него отцепили уже знакомый череповецким железнодорожникам бардинский вагон. Среди встречающих – председатель Вологодского Совнархоза Ф.А. Петруша, а с ним руководители завода и стройки – Д.Н. Мамлеев, С.И. Резников, А.А. Сахаров, Г.Ш. Зельцер. Поздоровались, уточнили распорядок дня. Бардин пожелал, не теряя времени, начать осмотр цехов.

С большой заинтересованностью Иван Павлович ознакомился с началом полномасштабного освоения завода, сооруженного по его идее. Он побывал на агломерационной фабрике, на коксохиме, в мартеновском цехе. Интересовало его всё: как идёт освоение метода сухого тушения кокса, биохимической установки, блюминга, мартеновских печей, в чём задержка пуска листопркатного стана 2800. Узнав о причине, академик Бардин назвал её «русско-пошехонским стилем». Дело в том, что одна половина муфты, соединяющая ротор реверсивного стана «дуо» с шестерёнкой клетки была изготовлена на «Электросиле», другая – на «Уралмаше». Когда при монтаже их стали соединять болтами, отверстия не сошлись. Дефект пришлось исправлять своими силами. Установив переносной радиально-расточный станок, специалисты из ремонтно-механического цеха № 1 устранили недоработку машиностроителей.

Последним объектом посещения Бардин сознательно выбрал доменный цех. Зашел на пульт управления печи, посмотрел журнал работы, ознакомился с показаниями приборов. Потом его проводили на выпуск чугуна. Будто замороженный вице-президент смотрел, как яркой огненной струёй льётся в ковш огнедышащий поток чугуна. Сколько раз в жизни видел он рождение металла, и каждый раз сердце наполнялось радостью за людей, которые повелевают огнём.

– Да, в Череповце уже далеко не так, как когда-то у нас в Юзовке, где сырьё для домен рабочие доставляли к подъёмнику, толкая перед собой тяжёлую тачку. И даже не так, как в Кузнецке. У

Последний визит академика Бардина

«Доменных печей две. Коэффициенты по всем показателям наилучшие. Вся измерительная техника в порядке». 1959 г.

«Производительность мартеновских печей высокая. Стойкость сводов изумительная – 800-900 плавок». 1959 г.

«Блюминг двухмоторный. Хорошие ножницы и мерная линейка. Уборка горячих слябов и заготовки хорошая. Завод содержится в чистоте и порядке и очень хорош». 1959 г.

Академик
И.П. Бардин на
встрече
с инженерно-
техническими
работниками завода.
1959 г.

И.П. Бардин
среди руководящих
работников завода.
1959 г.

На здании по улице
Металлургов, 38,
где академик
И.П. Бардин
выступал перед
металлургами
Череповца,
установлена
мемориальная доска

вас нет рудного двора – аглофабрика стала как бы составной частью доменного цеха. Всё сырьё поступает на домну автоматически, контроль за рождением чугуна взяли на себя разнообразные приборы. Это очень хорошо. Правильный путь выбрали – путь технического прогресса. Именно он приведёт ваш завод к рентабельности, – сказал Бардин своему гиду Алексею Алексеевичу Сахарову, главному инженеру завода...

Руководство завода упросило Ивана Павловича выступить перед инженерно-техническими работниками, поделиться своими впечатлениями о поездке в Швецию.

Месяц назад Бардин вернулся из этой скандинавской страны, куда был приглашён на церемонию вручения ему Золотой медали Бринелля Королевской Академии наук Швеции за заслуги в области чёрной металлургии. Он стал первым советским учёным, отмеченным этой высокой наградой.

Своё пребывание в Швеции Бардин использовал с максимальной интенсивностью. Академик ознакомился со всеми шведскими институтами металлургического профиля, горнорудными предприятиями, большинством металлургических заводов. Шведы с изумлением смотрели на немолодого академика, удивлялись его неистощимой энергии и любознательности, неподдельному увлечению, с которым он интересовался буквально всем. Он лично побывал на колошнике доменной печи, производившей чугун для шарикоподшипниковой стали; постоял на рабочей площадке у конвертера, проследив за процессом плавки от начала и до выпуска металла; ознакомился со способом окомкования руды.

...Актный зал учебного комбината переполнен до отказа. Бардину приятно, что собралось столько народу. Чувствовалось, что специалисты молодого завода тянутся к знаниям. «В этот завод можно верить, – подумал Бардин, – люди здесь умеют чувствовать новое». И тут же сказал Резникову:

– Ваш завод, Семен Иосифович, ещё покажет всем, что такое качество металла. Да и грех было бы, по правде говоря, такое сырьё переводить на плохую продукцию.

– Мы уже и благодарности из-за рубежа получаем, – откликнулся Резников.

– Не забуду это подчеркнуть в правительстве.

И вот Бардин на трибуне.

– По размаху и объёму нельзя, конечно, сравнивать металлургию Швеции и Советского Союза, – говорит Бардин. – Но нам есть чему поучиться у шведов, например, культуре производства, хорошо поставленной исследовательской работе, высокой производительности труда, подбору кадров. До сих пор мы использовали только руды с повышенным содержанием железа. Это нас избаловало. Опыт шведских металлургов показывает, что и из «бедных» руд можно получать высококачественную сталь. Не пытаюсь первенствовать по количеству металла, Швеция стала первой по качеству стали, которая на мировом рынке котируется как непревзойдённая.

И задает вопрос:

– А разве череповецким металлургам это не под силу?

И сам же отвечает:

– Под силу! Всё у вас есть: и хорошая техника, и замечательные кадры, и первоклассное сырьё. Руда и уголь по составу у вас ничуть не хуже шведских. А значит, есть возможность выпускать металл не хуже, а, может, даже лучше, чем выпускают шведы. Начало этому уже положено. Из таких индустриально развитых стран, как Великобритания, вам приходят благодарности «за самый качественный и самый дешёвый в мире чугун». Это весомая похвала. За высокое качество чугуна честь и слава череповецким металлургам!

И замечает, улыбнувшись:

– Ну, за то, что чугун дешёвый, благодарность, конечно, не по адресу. Рентабельности вы пока ещё не достигли. Но я верю – скоро она будет. Вы на правильном пути.

III

Последний приезд Ивана Павловича Бардина в Череповец совпал с 76-летием. Он пригласил в салон вагона на товарищеский ужин руководителей завода, строительного треста и Вологодского совнархоза. Иван Павлович был весел. Его радовало, что идея создания металлургического завода в Череповце осуществлена, что завод уже имеет лучшие показатели в стране по производительности доменных и мартеновских печей. Бардин ещё раз поблагодарил руководителей завода за умелое руководство, сказав при этом:

– Я твёрдо верю, что наступит время, когда о Череповце заговорит весь мир. Я верю в прекрасное будущее новой металлургической столицы.

Вице-президент поделился воспоминаниями о своих скитаниях в Америке, о совместной работе со знаменитым доменщиком М.К. Курако, об унижительной жизни русских инженеров-металлургов в царской России и, конечно, мыслями о том, в каком направлении следует развивать Череповецкий завод.

Много было поздравлений и дружеских пожеланий. В ответ на слова Резникова о том, что все присутствующие на торжестве радуются бодрости и ясности ума, которые сохранил Иван Павлович в свои 76 лет, Бардин тихо сказал:

– За праздничным столом я сижу с вами последний раз. Но какое счастье, уходя из жизни, сознавать, что остаются люди, которые пронесут славу советских металлургов по всей земле.

Предчувствие скорой смерти не обмануло академика. Два месяца спустя, 7 января 1960 года, Ивана Павловича Бардина не стало. Он умер за столом президиума через несколько минут после выступления на заседании комиссии Госплана СССР по разработке перспективного плана развития чёрной металлургии на 1959–1965 годы.

– Накануне Иван Павлович долго не спал, – с душевной мукой вспоминала Лидия Валентиновна, – ходил по кабинету, подбирал особенно убедительные аргументы по дальнейшему развитию

северо-западной металлургии, надеясь пробить стену непонимания. Слово он получил в середине дебатов. Слушали его по-разному: кто-то внимательно и вдумчиво, но большая часть была настроена против и начисто отвергала его идеи.

Последние годы его жизни были отравлены несправедливым отношением к нему. Всем знающим Ивана Павловича, особенно мне, известно, что он себя не щадил. И тем более горько, что его не щадил многие. Ивану Павловичу снова и снова приходилось доказывать с трибуны конференции жизнеспособность своего детища – Череповецкого металлургического завода. Но силы его иссякли. Он почувствовал себя плохо, тяжело опустился на стул в президиуме и... умер.

Памятник И.П. Бардину на Новодевичьем кладбище

Как черепане реабилитировали академика Бардина

Иван Павлович Бардин не дожил до той поры, когда Череповецкий металлургический завод стал рентабельным предприятием. Но он верил, что такое время наступит. И оно наступило. Уже в начале шестидесятых годов практически весь чугун стал поступать в последующий передел. Завод стал поставщиком толстого и тонкого листа. Пришла жизнь в пролёты непрерывно-заготовочного стана, который дал старт производству сортового металла. Штрипсы и горячекатаный лист, арматура и канатная катанка успешно завоёвывали союзный и мировой рынки.

Но прочно предприятие встало на ноги лишь в 1963-м, когда появилась самая квалифицированная, самая выгодная продукция – холоднокатаный лист. Вот как об этом вспоминал бывший директор завода, Герой Социалистического Труда Анатолий Иванович Бородулин:

– Задача тогда стояла вполне определенная – снабжать автомобильную промышленность в Тольятти и Горьком, делать лучший в Советском Союзе металл, освобождаясь от иностранной зависимости. Для этого были все основания: малосернистые угли, бессернистый оленегорский концентрат. Мы отработали технологию, по ней очень строго прошли всю линию и отправили партию металла в Горький в сопровождении начальника ОТК В.А. Пономаренко. Он уезжает и вскоре шлёт телеграмму, мол, все испытания прошли успешно, всего четыре сотых процента брака. Горьковчане приняли наш металл за японский. Привыкли автомобилисты – им только импортное подавай! Избаловались на французском, японском, американском листе. Но мы доказали, что и сами можем делать не хуже. И стал Череповец основным поставщиком металла для Волжского завода и ГАЗа, для газовиков Севера,

нефтяников Сибири, корабелов Ленинграда и Архангельска, создателей комбайнов Ростова и Барнаула, многочисленных строек и машиностроительных предприятий.

Рождение Череповецкого металлургического завода совпало с тем временем, когда в СССР ярко светила звезда по имени «НТР» – научно-технический прогресс. Город на Шексне стал испытательным полигоном для многих технических новинок. Здесь впервые стали использовать вторичные энергоресурсы, запустив необычные утилизационные турбины, каждая из которых сэкономила эшелоны условного топлива. Появилась на заводе единственная в отрасли теплоэлектроцентраль, полностью работающая на вторичном топливе. Родились в Череповце и первые установки сухого тушения кокса, сберегающие тепло, способное обогреть крупный город. Если учесть, что завод расположен вдали от сырьевой, топливной и энергетической баз, то можно наглядно представить, какой экономический эффект давало использование вторичных ресурсов. Множество технических новинок взяли на вооружение череповецкие металлурги.

Свою лепту в технический прогресс вносили новаторы производства. «Каждый пятый должен стать рационализатором!» – призвали коксохимики. Этот клич подхватили коллективы всех подразделений. В заводскую «копилку» поступали деловые предложения, оригинальные идеи тотчас воплощались в жизнь. Благодаря новаторам коксохима исчезли тяжелейшие профессии, такие как люковой, обрубщик, кокильщик...

Используя опыт, накопленный металлургами страны, умело развивая прогрессивные направления, череповчане шаг за шагом добивались производственных успехов. Впервые в отечественной практике доменщики Череповца довели уровень давления газа на колошнике до 1,5 атмосфер, достигли лучшего в мировой практике коэффициента полезного объема доменных печей – 0,393. Сталеплавильщики добились высоких показателей по съёму стали с одного квадратного метра пода печей, прокатчики – самой высокой в мире производительности блюминга.

По технико-экономическим показателям Череповецкий завод занял одно из ведущих мест в Советском Союзе. Выпуск продукции за 1959–1965 годы увеличился в 5,1 раза!

Высокие темпы снижения затрат при одновременном росте производства позволили заводу в 1962 году покончить с убытками, а к середине 60-х годов стать прибыльным предприятием.

Успехи тружеников ЧМЗ привлекли внимание металлургов родственных предприятий страны и зарубежных государств. В Череповце проводятся интернациональные «плавки дружбы», всесоюзные совещания по обмену опытом энергетиков, доменщиков, агломератчиков, коксохимиков, сталеплавильщиков и прокатчиков. Только за годы семилетки на заводе побывало 96 делегаций из 24 государств мира.

Родина высоко оценила вклад череповецких металлургов в развитие народного хозяйства страны. За успешное выполнение заданий семилетнего плана Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 февраля 1966 года Череповецкий металлургический завод был отмечен орденом Ленина. На следующий год такой же награды была удостоена Вологодская область – за высокие показатели в экономическом и культурном строительстве и в связи с 50-летием советской власти.

Для вручения наград ожидали Председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро ЦК КПСС Алексея Николаевича Косыгина.

В городе на Шексне премьера ждали ещё в августе. Асфальтировали улицы, на металлургическом заводе благоустроивали территорию. Из-за занятости Косыгина визит переносился дважды. Поступали предложения из Москвы о приезде для вручения правительственной награды кого-то другого, но первый секретарь обкома партии Анатолий Семёнович Дрыгин не соглашался. Видимо, в области накопились проблемы, которые мог решить только глава правительства.

Свою заслуженную награду Вологодчина получила 21 октября 1967 года.

А накануне А.Н. Косыгин в сопровождении А.С. Дрыгина и председателя областного Совета народных депутатов Л.А. Власенко совершил поездку в Череповец.

Высокий гость посетил цеха металлургического завода: доменный, мартеновский, обжимной, сортопрокатный, листопрокатный, холодного проката. Он интересовался трудовыми успехами, жизнью металлургов, организацией общественного питания. Почему доменная печь № 3, блюминг, двухванная сталеплавильная печь № 12 работают намного лучше, чем подобные агрегаты на других заводах? Какие выгоды получает коллектив от перехода на новую систему планирования и экономического стимулирования? Пояснения премьеру дают министр чёрной металлургии И.П. Казанец, директор завода А.И. Бородулин, начальники цехов, секретари партийных организаций, простые рабочие.

Анатолий Иванович Бородулин вспомнил, как А.Н. Косыгин «сосватал» его на место директора Череповецкого завода. Во время визита на Кузнецкий комбинат в 1961 году Алексей Николаевич вдруг спросил Бородулина:

– Вы хорошо знали академика Бардина?

Главный инженер КМК ответил, что знал Ивана Павловича очень хорошо и что теперь работает в том же самом кабинете.

А.И. Бородулин,
директор завода в
1962-1968 гг.

Министр чёрной металлургии СССР И.П. Казанец
прикрепляет к знамени завода орден Ленина, 1966 г.

– Так вот, – продолжал Косыгин. – Надо реабилитировать имя Бардина. Предлагаю Вам возглавить Череповецкий завод. Сейчас там руководство, не способное улучшить положение дел. И если Вы сможете повернуть там дела в лучшую сторону, а я считаю, что Вы непременно сможете, то это и будет достойным ответом всем скептикам и недоброжелателям Череповецкого завода. Поезжайте и сделайте всё возможное и невозможное, чтобы завод стал рентабельным. Вот и поднимем доброе имя академика Бардина.

Череповецкий завод до этого возглавлял И.Ф. Филичкин – выдвиженец Л.И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Филичкина, заведующего лабораторией завода имени Дзержинского, где когда-то работал Леонид Ильич, пересадили сразу в кресло директора крупного предприятия. И, разумеется, дело пошатнулось: не выполнялся план по многим показателям, застопорилось капитальное строительство, у завода образовались огромные финансовые долги.

По определению Бородулина, «завод в то время напоминал армию, которая в стремительном наступлении оторвалась от тыла, отчего и захлебнулась атака. Некоторые участки производства были совершенно запущены, особенно ремонтно-механическая база. Отсюда и частые аварии. Ну, а если ты только борешься с авариями, то мысль стоит на месте».

А.И. Бородулину при поддержке партийной организации завода удалось выправить тяжелое положение. И не только выжить, но и вырваться вперед! Приняв завод со значительными долгами, Бородулин сдал его своему преемнику с высшей наградой Родины – орденом Ленина. Завод вошёл в число высокорентабельных предприятий и стал известен в Советском Союзе и за рубежом так же, как Магнитка, Кузнецкий комбинат и Криворожсталь...

Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин
в гостях у череповецких металлургов. 1967 г.

...В дирекции завода состоялось рабочее совещание, где министр чёрной металлургии И.П. Казанец представил главе правительства проект расширения Череповецкого металлургического завода на среднесрочную перспективу. А.Н. Косыгин признал проект добротным документом и в принципе с ним согласился. Тут же дал указание своим помощникам приступить к подготовке необходимых постановлений и распоряжений правительства.

Очень понравились премьеру завод и его труженики. Умно используется на заводе дорогостоящее сырьё, из которого изготавливают высококачественный сортовой прокат для метизной промышленности, штрипсы из низколегированной стали для производства труб большого диаметра, успешно осваивают производство холоднокатаного листа для автомобильного завода в Тольятти.

– Спасибо за хорошую работу, Анатолий Иванович, – поблагодарил Косыгин директора завода Бородулина, – академик Бардин был бы доволен. Череповецкие металлурги реабилитировали его, своим трудом доказали, что не было никакой ошибки в выборе центра северо-западной металлургии.

На следующий день Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин не преминул об этом сказать на торжественном собрании во время церемонии вручения Вологодской области ордена Ленина:

– Вчера мы ознакомились с работой Череповецкого завода и убедились, что это предприятие, или как его здесь называют «Северная Магнитка», является, действительно, одним из передовых в стране.

Мне хочется напомнить, что в определении места строительства металлургического завода в Череповце особую роль сыграли крупнейший металлург нашей страны академик И.П. Бардин и бывший министр чёрной металлургии И.Т. Тевосян, которые доказали целесообразность строительства здесь этого завода с использованием печорских коксующихся углей и кольской железной руды. Это было смелое и правильное предложение. Вы знаете, что это предложение вызвало необоснованную критику со стороны некоторых руководителей и специалистов, не понимавших экономического значения строительства такого крупнейшего завода вблизи от по-

требителей металла при наличии хороших транспортных связей с сырьевыми базами и районами потребления.

Опыт работы Череповецкого завода показал, что решение о строительстве в вашей области металлургического завода было исключительно правильным. Сейчас завод как бы определяет развитие машиностроения во всём северо-западном районе страны. Завод стал своего рода университетом по пропаганде нового и передового в металлургии. Сюда приезжают за опытом не только работники родственных отечественных предприятий, но и зарубежные специалисты. Череповецкий завод по многим показателям работы превосходит передовые металлургические заводы как зарубежные, так и нашей страны. Это большая победа череповецких металлургов.

После такой высокой оценки стихли споры о целесообразности сооружения Череповецкого завода. Новую металлургическую базу Северо-Запада стали называть ***«блестящим образцом инженерно-экономического решения»***.

Значение завода, задуманного вначале как металлургическая база для промышленности Ленинграда, вышло за пределы Северо-Западного промышленного региона. Новый комплекс по производству чёрных металлов явился базой для широкого и всестороннего развития производительных сил ранее отсталых в индустриальном отношении окраин СССР. Его рождение повлекло за собой строительство шахт в Коми АССР, рудников в Мурманской области и Карелии, разработку нерудных полезных ископаемых в Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях, реконструкцию Северной и Октябрьской железных дорог, а также Волго-Балтийского водного пути. Создание Череповецкого металлургического завода превратило Северо-Запад Советского Союза в крупную индустриальную базу, подобную Уралу и Кузбассу.

Блестяще подтвердились слова Ивана Павловича Бардина о прекрасном будущем «новой металлургической столицы».

Бардин – «наше всё!»

I

В 1983 году исполнялось 100 лет со дня рождения Ивана Павловича Бардина, и, конечно, мы с Лидией Валентиновной заранее стали думать, как достойно смогут отметить юбилей металлурги Череповца. Сошлись на том, что хорошо бы установить памятник возле заводоуправления, отыскать бардинский вагон и устроить в нём музей, а ещё – учредить заводскую премию имени академика Бардина. Все эти предложения нашли поддержку у генерального директора комбината Ю.В. Липухина.

В 1980-е годы на комбинате было немало самых разных соревнований. Были и такие почины, что рождались на заводе, а затем становились всероссийскими или межотраслевыми: «Руда – уголь – металл – транспорт», «Каждую плавку – по заказу», «Евдокимовский процент» (перевыполнение плана по прокату за каждый месяц на один процент). Но не было в их числе такого, который бы давал оценку труда передовиков производства и новаторов технического прогресса в персональном признании. Поэтому предложение об организации конкурса на соискание премии имени академика И.П. Бардина комиссией по подготовке к 100-летию было принято безоговорочно.

...Праздничные мероприятия в ноябре 1983 года растянулись на целую неделю. Многотиражка «Череповецкий металлург» посвятила выдающемуся учёному-металлургу специальный выпуск. На основании воспоминаний современников академика, его дневниковых записей, фотодокументов и высказываний соратников на страницах газеты рассказано о жизненном пути вице-президента Академии наук СССР, о том неоченимом вкладе, который внёс Иван Павлович Бардин в становление и развитие тяжёлой индустрии Советского Союза.

Сотрудники Музея трудовой славы и активисты общества «Знание» читали в цехах и производствах лекции о жизни и деятельности учёного. Молодые металлурги приняли участие в выставке технического творчества.

Впервые в юбилейный день рождения в техническом училище № 2, носящем имя великого металлурга, вручали стипендии имени Бардина учащимся, успешно сочетающим учебу с хорошими показателями на производственной практике.

В спортивном клубе «Шексна» в этот день состоялся Всероссийский турнир по боксу. В 1969 году, когда заводской спортклуб и городская федерация по боксу решили впервые провести в Череповце Всесоюзный турнир, единодушно было решено назвать его турниром на приз академика И.П. Бардина. Да, Иван Павлович никогда не занимался боксом, но спортсменов привлекло звучное имя ученого. И турнир по боксу, ставшим впоследствии Международным, и по сей день считается у боксеров одним из самых почитаемых.

В городском выставочном зале прошла выставка «Череповец – город труженик». В многочисленных полотнах художников-живописцев, графиков, скульпторов запечатлены этапы строительства завода, рабочие будни сталеваров и горновых. Особый интерес на выставке вызвала плакета художника Александра Шебунина «Основателю ЧерМЗ – 100 лет». Резкие черты лица, волевой подбородок, тонкие морщинки у глаз выдают человека умного, мужественного, цельного. Таким был в

А. Шебунин.
Плакета
«Основателю
ЧерМЗ – 100 лет»

жизни вице-президент Академии наук СССР Иван Павлович Бардин. Таким запечатлел его на медали череповецкий скульптор.

А в актовом зале центральной лаборатории комбината состоялось первое награждение лауреатов премии имени И.П. Бардина. Дипломы и знаки лауреата за большие заслуги перед коллективом в производственной, научно-технической и экономической деятельности вручали генеральный директор комбината Ю.В. Липухин и главный инженер комбината А.Н. Иводитов. Первыми бардинскими лауреатами стали 42 металлурга – инженеры, специалисты и рабочие из доменного, мартеновского, второго листопрокатного цехов, производства холоднокатаного листа, центральной лаборатории автоматизации и механизации, производства предметов народного потребления, центральной лаборатории комбината. Среди награждённых – разлившик стали мартеновского цеха В.А. Верещагин, заместитель начальника лаборатории ЦЛК Г.В. Парфёнов, начальник техотдела В.Я. Тишков, главный доменщик В.И. Нетронин (в будущем семикратный лауреат) и другие.

Главный инженер комбината А.Н. Иводитов вручает Г.В. Парфёнову, заместителю начальника ЦЛК, памятную медаль и диплом лауреата премии имени академика И.П. Бардина, 13 ноября 1983 г.

Директор по техническому развитию и качеству П.А. Мишнев (второй справа) с лауреатами премии в номинации «Самое инновационное решение», 13 ноября 2019 г.

В 1989 году и мы с Лидией Валентиновной Бардиной стали лауреатами бардинской премии за творческую работу «Исследование исторических материалов о роли академика И.П. Бардина в создании и развитии Череповецкого металлургического завода».

Уже нет Советского Союза, в стране изменился политический строй, а премия имени академика Бардина живёт, работает, действует и с каждым годом становится всё престижней. Более 2100 череповецких металлургов удостоены бардинской премии! Работы участников конкурса охватывают практически весь спектр производственной деятельности. Это и новые продукты, и снижение затрат, и совершенствование технологических и ремонтных процессов. Общий экономический эффект от внедрения в производство предложенных разработок составил несколько миллиардов рублей!

13 ноября 2019 года во Дворце металлургов прошла 37-я церемония вручения наград новаторам дивизиона «Северсталь Российская сталь». На соискание премии было выдвинуто 52 работы (рекордное количество!), лауреатами признаны 79 работников в составе 11 авторских коллективов. Кульминационным моментом

церемонии стало вручение премии в номинации «Самое инновационное решение». Она присуждена ведущим технологам «Ижорского трубного завода» за работу «Новые пути интенсификации процесса прокатки с использованием нейронных сетей». Эта разработка позволила значительно повысить скорость прокатки и качество прокатываемых слябов на широкополосном стане 5000.

По словам директора по техническому развитию и качеству П.А. Мишнева благодаря изобретателям компания «Северсталь» все эти годы удерживает лидерство по эффективности, объёмам производства, развитию персонала и в других направлениях.

II

...Знаменитый бардинский вагон под номером 1114 отыскался в Свердловске в Уральском научном центре АН СССР. Не просто было его найти, он был давно списан из-за ветхости и использовался в качестве теплушки для ремонтников железнодорожных путей. Председатель Президиума УНЦ АН СССР С.В. Вонсовский предложил было подыскать вагон получше, но Лидия Валентиновна сказала: «Ни в коем случае, вагон должен быть тот, в котором Иван Павлович совершал свои путешествия по стране».

В Свердловск срочно выехал работник вагонного депо управления железнодорожного транспорта Николай Ганин, и в предмайские дни 1983 года необыкновенный исторический экспонат уже был на территории комбината.

Много пришлось вложить труда железнодорожникам, конструкторам отдела главного архитектора и проектного отдела, энергетикам, специалистам ремонтно-строительного управления, связистам, чтобы вагон приобрел музейный вид.

Пока велись реставрационные работы, вместе с Красовицкой кропотливо изучаем биографию И.П. Бардина, шлём десятки писем на металлургические заводы, где Бардин работал, в научно-исследовательские институты, где плодотворно тру-

дился многие годы учёный-металлург. Многочисленные фотографии, книги и буклеты нам прислали из ЦНИИ черной металлургии имени И.П. Бардина, Уральского научного центра, Днепродзержинска, Магнитогорска, Новокузнецка. Но самый значительный вклад внесла Лидия Валентиновна Бардина. Она передала для вагона-музея научные книги по металлургии, геологии, химии с автографами Бардина и дарственными надписями авторов, справочную и художественную литературу на русском и английском языках, одежду и личные вещи, некоторую мебель, многочисленные документы и фотографии из личного архива, всего более 500 экспонатов.

«Музей на колесах», установленный у профессионального технического училища № 2 имени академика И.П. Бардина (ныне индустриальный колледж), принял первых посетителей в День знаний 1 сентября 1984 года. Ежегодно в этот день здесь стали проводиться первые занятия для первокурсников. На уроке этом незримо присутствовал академик Иван Павлович Бардин, основатель Череповецкого металлургического комбината, человек, главным для себя считавший беззаветное служение Родине. Жизнь замечательного металлурга служила для ребят ярким примером того, что можно достичь при упорном труде и огромном стремлении к знаниям. Долгое время учащиеся технического училища № 2 начинали свои первые шаги в профессию металлурга с «урока знаний» в вагоне-музее Бардина, с рассказа об основателе Череповецкого металлургического комбината.

И всё было бы хорошо, но наступили лихие 1990-е, отмеченные разрушением, низвержением многих традиций и завоеваний. Коснулось это и необычного вагона. Не стало денег у технического училища на его содержание, охрану. Трудные времена переживал и металлургический комбинат. Всё это привело к тому, что вагон подвергся нападению бомжей и хулиганов-подростков, которые выбив стекла, устраивали там свои посиделки. Исчезли некоторые личные вещи академика. Экспонаты пришлось забрать в Музей трудовой славы. Окна и двери заварили металлическими листами...

4 ноября 2003 года в День города перед центральной проходной ОАО «Северсталь» был открыт памятник академику И.П. Бардину. Более шестидесяти лет назад Иван Павлович высказал идею о строительстве металлургического завода в Череповце. Если бы не это смелое, продуманное и всей последующей жизнью подтвержденное решение Бардина, неизвестно, как бы сложилась история Череповца. Так что памятник ему был не только от металлургов, но и от всех горожан.

Среди гостей торжественного открытия памятника И.П. Бардину было несколько человек, для которых День города стал кульминацией многолетних надежд, ожиданий, планов.

Президент Клуба начальников цехов ОАО «Северсталь» В.Л. Крохотин утро встретил с чувством радостного ожидания. Наконец-то восстановлена историческая справедливость, и памятник человеку, таланту и настойчивости которого мы обязаны сегодняшним процветанием «Северстали» и города, установлен на почётном месте. Скульптурный портрет академика был отлит из бронзы по специально разработанной технологии ещё в доперестроечное время и всё это время стоял в фасонно-литейном цехе, которым руководил Владимир Леонидович.

Удовлетворение и гордость мастера испытывал старейший скульптор Череповца заслуженный художник России Алексей Васильевич Щепёлкин. Его творение заняло подобающее этой личности место.

Испытывал радостное волнение и я.

Ровно четверть века руководил Музеем трудовой славы. Углубившись в изучение материалов по истории комбината, открыл сначала для себя, а потом и для тысяч металлургов и жителей города необычную и драматическую судьбу Ивана Павловича Бардина, так много сделавшего для Череповца.

Бюст Бардина и обращен лицом к городу. А за памятником выдающемуся учёному, за центральной проходной живёт и трудится огромный промышленный город под названием «Северсталь», комбинат, за строительство которого его сняли с высокого правительственного поста, хотели исключить из компартии, да, к

Открытие памятника И.П. Бардину в Череповце. 2003 г.

счастью, оказался академик беспартийный. «Отрыжка сталинизма», как прозвали тогда Череповецкий завод, стоил вице-президенту инфаркта. У Ивана Павловича рубцы на сердце болели, кровоточили всякий раз, когда в верхах опять и опять обсуждался вопрос о его «ошибке» с местом расположения завода. Чиновникам-консерваторам было не дано понять смелость мысли академика Бардина...

Право открыть памятник предоставляется генеральному директору ОАО «Северсталь» А.Н. Кручинину и дважды лауреату премии имени академика Бардина, президенту Клуба начальников цехов В.Л. Крохотину. Аплодисментами сопровождается эта процедура, и вот бронзовый бюст на высоком гранитном постаменте открывается взору присутствующих...

Любители «клубнички» призывают развенчать «культ Бардина»

I

Более 40 лет, прошедших после смерти мужа, Лидия Валентиновна Бардина делала все возможное, чтобы сохранить память о человеке, с чьим именем связана целая эпоха отечественной металлургии. Бережно она хранила архивы Бардина, переписывалась с музеями металлургических предприятий, бескорыстно делилась с ними экспонатами, собирала все публикации об Иване Павловиче. Академики и профессора, писатели и журналисты, кинорежиссеры и скульпторы, сотрудники институтов металлургии и музеев страны, посещая квартиру по Ленинскому проспекту, 13, делились своими впечатлениями в специальном альбоме для посетителей. И все восхищались её энергией, направленной на то, чтобы создать в квартире Мемориальный музей академика Бардина:

«Рада была окунуться в мир, в котором Вы живёте. Здесь всё пропитано Вашей любовью. Каждая вещь может поведать

Иван Павлович и
Лидия Валентиновна
Бардины, 1953 г.

о многом – о долгой, многотрудной и прекрасной жизни Ивана Павловича Бардина...».

«Получил огромный моральный заряд, желание быть таким же пламенным патриотом своей Родины, как Бардин...».

«То, что Вы делаете по сохранению наследия Бардина, можно назвать подвигом...».

...В 1996 году встретила с Л.В. Бардиной журналистка газеты «Московский комсомолец» Елена Егорова и тоже оставила запись в альбоме: *«Поражаюсь любви, упорству и жизнелюбию содержательницы и хранительницы музея-квартиры Лидии Валентиновны Бардиной. Сегодня время тяжелое, но, будем надеяться, что у Вас всё получится».*

Лидия Валентиновна радовалась: появится статья к 113-й годовщине со дня рождения Ивана Павловича. Верила, что статья будет достоверной. Тем более, что при встрече Елена так восторгалась увиденным. Статья, действительно, вышла. Называлась она «Музей академической любви». Наивная Лидия Валентиновна! Не подозревала, что большой тираж газет в лихие девяностые завоевывался не правдивостью, не глубиной и полезностью материалов. «Желтой» газете, которую представляла Егорова, нужна была «клубничка», то есть всевозможные пикантные фактики, могущие заинтересовать обывателя. Нелегко лицемерной журналистке было их найти в квартире, где любовно хранилась память о достойном человеке. Но профессионал и не такое может.

Спрятавшись под скромненькими инициалами Л.Е., автор статьи просто потешалась над наивностью Лидии Валентиновны, которая *«никак не может поверить в то, что о её муже – «замечательном металлурге», «замечательном человеке», «единственном беспартийном друге Сталина» – все забыли. Кроме неё».* С удовольствием журналистка смаковала размеры и интерьеры квартиры, иронизировала над *«десятым по счёту альбомом из Череповца»*, над супружеской кроватью, половина которой завалена книгами и вещами мужа. А что касается мемориального музея Бардина, который вдова академика мечтала создать в московской квартире, то корреспондентка откровенно насмеха-

ется над этой идеей: мол, «сейчас в цене не имя, в цене – квадратные метры. Правительство Москвы строго стоит на охране своей потенциальной собственности, так что превратить частную квартиру в музей практически невозможно».

Прошлась журналистка и по Череповцу, уверенно заявляя, что там

вряд ли помнят день рождения Бардина: *«Время громких торжеств закончилось, пришёл черёд громких забастовок. Тут уж не до героев прошлого...»*. Она небрежно прошла по трудной, но славной истории Череповецкого комбината: *«Будучи в Череповце, не раз приходилось слышать брошенную в сердцах фразу: а нафига его вообще построили, этот завод...»*.

Да, в лихие девяностые в Череповце, действительно, расцвел пофигизм. На страницах «Коммуниста» – «Речи» слышались стенания «зелёных»: *«Мы живём в тяжелейших экологических условиях...»*, *«Мы не хотим быть заложниками Минчермета...»* И – категорическое: *«Закрывать завод!»* Недобрым словом поминали Бардина. Дескать, по его вине «Северные Афины», как называли до революции Череповец за обилие учебных заведений, превратился в город «Северную Хиросиму».

Известный череповецкий литератор Юрий Тарыничев так и написал мне в письме: *«Академик Бардин отложился в моей памяти как один из главных виновников неверного выбора ме-*

ста строительства металлургического комбината, и это повлекло за собой негативные последствия, как-то: уничтожение старого города и целого околота окрестных деревень, загрязнение рек и воздушного бассейна, массовые болезни горожан...».

Лидия Валентиновна сетовала: *«К сожалению, и сейчас некоторые по незнанию, а иные умышленно хотят на Бардина свалить экологическую непогоду в Череповце. Теперь можно сказать им: «Побойтесь Бога!»*

До Бога высоко, до неба далеко... Но здесь-то, на земле, почему мы так жестоки? Откуда эта злость и зависть к тем, кто достиг почестей благодаря своему таланту? Почему мы так поспешны в оценках, да еще и спешим обнародовать их?

«Атаманы-молодцы из Литгазеты все выискивают острое блюдо», – это из дневника Бардина 60-летней давности. Но сейчас эти слова еще более актуальны. Неужели жизнь ничему не учит?

Невдомёк новоявленным критикам, что неверным выбор места постройки завода назывался только в начальный период, когда он был нерентабельным. С тех пор ЧМЗ – ЧерМК – ПАО «Северсталь» дал миллиарды рублей прибыли. И это лучше всяких других аргументов говорит об отсутствии ошибки в расчетах по размещению металлургического завода именно в Череповце. Другое дело, что на промышленной площадке, рассчитанной группой экспертов под руководством академика Бардина на выплавку не более 2 миллионов тонн стали, построили завод в шесть раз мощнее.

В пятидесятые годы XX века Череповецкий металлургический завод называли первенцем новой металлургической базы. Вслед за ним планировалось построить завод качественных сталей типа челябинского (предположительно в Котласе), два передельных завода под Ленинградом и возобновить строительство Пудожгорского металлургического завода. В 1960-е годы (уже после смерти И.П. Бардина) курс на создание северо-западной металлургии фактически был свёрнут, ибо «экономные экономисты» из Госплана РСФСР решили, что *«наличие освоенной площади Череповецкого завода, квалифицированных кадров и мощной*

строительной базы создаёт благоприятные условия для дальнейшего развития завода, с меньшими удельными капитальными вложениями, чем при строительстве новых предприятий». То есть дешевле развивать Череповецкий металлургический завод, чем проектировать новостройки. Что и было сделано. Так, на площадке, рассчитанной на завод-двухмиллионник, возник супергигант, который в лучшие времена давал стране свыше 12 миллионов тонн стали! Не здесь ли искать истоки экологической проблемы Череповца?

II

Шесть десятилетий прошло, как нет с нами Ивана Павловича Бардина, но и сегодня, в XXI веке, находятся люди, которым не даёт покоя его всемирная известность. Так и хочется им отыскать в его биографии нечто такое, чтобы найденное раз и навсегда развенчало «культ Бардина». Любителями «клубнички» оказались кемеровские писатели Мэри Кушникова и Вячеслав Тогулев. Покопавшись на пыльных полках местного партийного архива, они сотворили пасквиль «Неизвестный Бардин» и выложили его в интернет.

Взяться за перо разоблачители решили после того, как узнали, что вдова вице-президента Академии наук СССР Лидия Валентиновна Бардина выразила готовность передать государству его личный архив и превратить бардинскую квартиру в Москве в мемориальный музей. Их очень обеспокоило то, что новоявленный музей будет параден и официозен, как подавляющее большинство подобных учреждений, касающихся «людей-памятников». И они решили снять позолоту с портрета «приметного общественного деятеля, обласканного при Сталине» и показать его нам совсем с другой стороны – как усердного борца с «врагами народа» во время строительства Кузнецкого металлургического комбината. Чтобы у нас и тени сомнения не осталось в том, что возвеличивать такого человека ни в коем случае нельзя.

Следует напомнить, что кузнецкстроевскую эпопею Бардин считал самым главным делом в своей жизни. Да и как иначе: ведь за строительство Кузнецкого комбината он был удостоен высшей награды страны – ордена Ленина – и избран действительным членом Академии наук СССР.

«Я был горд и счастлив, что именно на меня пал выбор строить металлургический завод в Сибири, в крае, который многих отпугивал своей суровостью и дикостью, – писал Бардин в книге «Жизнь инженера. – Было ещё одно обстоятельство, которое доставляло мне громадное удовольствие: доверие, которое мне оказывала советская власть. Слишком свежа была горечь обмана и предательства интересов рабоче-крестьянского государства со стороны значительной группы старых инженеров. Моё назначение в Кузнецк состоялось через несколько месяцев после исторического шахтинского процесса. Имена многих инженеров произносились в стране с недоверием, упрёком и ненавистью. Многие мои соратники держали ответ перед страной за свои преступления. Но я с самого начала пошёл другим путём, и моя судьба оказалась другой».

Глубокой ночью и ранним утром можно было видеть главного инженера на промышленной площадке. Трудностей хоть отбавляй. Не хватало строителей, вся механизация – кирка да лопата. В поисках рабочих рук по всей стране колесили эмиссары-вербовщики. Брели кого попало. Среди завербованных, как пишет Бардин, были не только комсомольцы-добровольцы, но и кулаки, воры в законе, троцкисты, бывшие махновцы и колчаковцы. Им было, за что ненавидеть советскую власть. Эти люди принесли на площадку всё свое отчаяние и ненависть. И вредили: калечили лебёдки, корёжили агрегаты, а однажды подожгли ТЭЦ. Диверсантов ловили, судили, приговаривали к «высшей мере».

А центральные и местные газеты всё призывают и призывают кузнецкстроевцев быть ещё более бдительней, ещё больше выявлять вредителей. Март 1931 года. «Комсомольская правда» предпринимает очередную атаку на «чуждых людей, примазавшихся к Кузнецкстрою». Среди таковых поминался и Бардин...

Как воспринял такое обвинение Иван Павлович, писатели не говорят. Но вот что я прочитал об этом в рукописном бардинском дневнике, что хранится в его домашнем архиве:

«Помню, как молодой московский журналист обличил меня, технического директора Кузнецкстроя, во всех смертных грехах, обвинил в полном незнании строительного дела, требовал остановить «вредительское» возведение фундаментов и прекращения всех работ, «возводимых моей злой рукой во вред советской стране».

Удар был неожиданный и коварный. Он попал прямо в сердце. Кто-то неуклюже, зло обрушил на меня пакостное обвинение, попытался грязными сапогами растоптать мою честь инженера, затормозить строительство, о котором я мечтал всю жизнь. Оказалось, журналист доверился старику-инженеру, приверженцу старых строительных традиций, привыкшему работать потихоньку да полегоньку. К счастью, всё обошлось, «врага народа» из меня не сделали, а высокие темпы строительства благодаря моим новшествам позволили намного быстрее построить комбинат с полным металлургическим циклом...»

На собраниях кузнецкстроевцев имя Бардина склонялось часто. Его критиковали за отступление от проектов, за то, что он часто принимал решения без согласования с вышестоящими инстанциями, отказывался рапортовать о сдаче (пусть и с недоделками) доменной печи к революционному празднику. Обвиняли в пособничестве вредителям и самого обвиняли во вредительстве. Несмотря на всё это Бардин отстаивал свою позицию. Он считал, что пускать одну доменную печь только для того, чтобы объехать завод пущенным, – это не дело. *«Мы должны выдержать характер, – говорил он, – и пустить завод, а не цех».* И почти одновременно развернул подготовку проектов и работы на площадке – от коксохима до рельсобалочного цеха. Благодаря продуманной бардинской технической политике Кузнецкий комбинат намного раньше Магнитогорского выдал конечную продукцию –

рельсы. Ни один из крупных металлургических заводов в мире не строился с такой быстротой, как Кузнецкий металлургический!

По версии борзописцев XXI века Кушниковой и Тогулева, чтобы выжить и самому не попасть под жернова репрессий, Бардин *«усваивает «вредительскую» лексику, чутко улавливает флюиды грядущей расстрельной эпохи»*. Не будучи коммунистом, он, тем не менее, не только посещает партийные пленумы и конференции, но и выступает на них с речами и в духе того времени призывает к борьбе с «вредителями», своими вчерашними сподвижниками. *«Мне очень тяжело, – сокрушался Бардин, – говорить по поводу людей, которые со мной вместе работали и которые решились на такое преступление и заслужили вполне достойный приговор Верховного Суда»*. Эту фразу Бардина кемеровские писатели-краеведы посчитали для его бывших соратников «расстрельной». И им стало «стыдно и неловко за тех, кому ещё недавно ставили памятники». Как же: будущий академик знал, ценил, считал своих сподвижников хорошими специалистами, понимал абсурдность обвинений, бездоказательность наветов, и всё же клеймит их, «умеючи топит»...

А мне стыдно за писателей, которые усмотрели в речи Бардина **призыв к расстрелу**, в то время как он, как и все, кто присутствовал на партийном собрании, лишь поддержал решение Верховного Суда. Да, он клеймит бывших товарищей по работе, которых **суд уже признал** «врагами народа» и **репрессировал**. Он уже им ничем не мог помочь.

Он ни на кого не «стучал» и никого не «топил», наоборот, ещё до суда пытался защитить. И это можно понять из тех же протоколов партийных собраний, где Бардина критикуют «за беспечность и недогляд за вредителями и шпионами». Ему ставят в вину связь с репрессированным начальником строительства Франкфуртом, заявляя, что «Бардин при Франкфурте был царь и бог...». «Через Бардина Франкфурт проводил свои контрреволюционные дела, и потому он **защищает** Франкфурта...»; «За спиной Бардина скрывается целый ряд сволочей...»; «Вокруг Бардина ютятся шпионы и вредите-

ли...»; «Многие вредители и шпионы пользовались покровительством Бардина...»; «Эпопея Бардина и его приспешников должна быть глубоко изучена...».

Так записано в протоколах партсобраний. Но авторы пасквиля стараются этого не замечать и задаются вопросом: *«Почему Бардину, едва ли не единственному, удалось сравнительно благополучно миновать репрессивные рифы?»* И находят этому своё объяснение: *«И пусть его сподвижников ждет гильотина, – ему же лучше: лавры «главного кормчего великой стройки» никто у него отныне оспаривать не будет. А за лавры можно многим поступиться. И своей честью, и чужими загубленными жизнями».*

Вот, оказывается, что: чтобы добиться всемирной славы, Бардин шагает по трупам, радуясь всякий раз, когда в печати появляется фамилия очередного сослуживца – «врага народа»!

Как видим, и сегодня лихие писаки грязными сапогами топчут честь и достоинство «главного металлурга страны». Чувствуя, что несколько пересолили, искатели сенсации тут же оправдывают Бардина: *«Возможно, кровь тех, коих иногда приходилось вынужденно, но пылко, со знанием дела, травить Бардину – отнюдь не укор в его адрес. Поколение восторженных энтузиастов следовало в фарватере времени не только по призванию, но и поневоле было слепо, так что многие позже раскаивались. Тот же Бардин, например, уже после войны в Москве вел себя прилично: в период кратковременной оттепели способствовал реабилитации тех своих соратников, которым 1937-й год пережить не удалось, не давал разгореться антисемитскому пожару в возглавляемом им институте...»*

Авторы обличительной статьи всё же выразили надежду, что академик Бардин «войдет в историю не как разоблачитель врагов».

Это уж точно. Никакая «клубничка» не сможет зачеркнуть деяния вице-президента Академии наук СССР Ивана Павловича Бардина на благо своей Отчизны!

В апреле 2005 года в адрес председателя совета директоров ОАО «Северсталь» А.А. Мордашова пришло письмо от Л.В. Бардиной, в котором она благодарила его за поздравление по случаю 95-летия. «Этот год стал юбилейным не только для меня, – писала Лидия Валентиновна, – но и для коллектива Череповецкого металлургического комбината, в создании которого роль академика Бардина является неоценимой». Вдова академика поделилась радостью, что её 45-летний труд по сохранению и увековечению наследия И.П. Бардина наконец-то успешно завершён: научно-мемориальный музей создан и скоро будет его официальное открытие.

Но открытия так и не состоялось. Лидия Валентиновна приболела и вскоре умерла...

Её племянница, своевременно посуетившись, заранее запаслась справкой о том, что при составлении завещания о передаче квартиры в муниципалитет и устройстве в ней музея вдова академика была недееспособна (ну, какой же здравомыслящий человек огромную квартиру – 150 квадратных метров, в «академическом» доме на Ленинском проспекте – будет отдавать под музей «за просто так!»), и после смерти своей знаменитой тётки отсудила бардинскую квартиру...

III

В начале нулевых годов можно было услышать и такое: а нужно ли нам вообще хранить память о чудаках, не спавших ночами, вкалывавших без отпусков, заботившихся о какой-то там большой индустрии, от которой только чахнет природа? И зачем нам затратный проект восстановления вагона, в котором Бардин приезжал в Череповец? Он ветхий, имеет «незначительную идеологическую значимость», да и сам Бардин бывал в Череповце проездом. Вполне достаточно вагон покрасить снаружи и установить на нём мемориальную доску: мол, «в этом вагоне академик И.П. Бардин приезжал в Череповец». И, что интересно, с таким

предложением были согласны многие члены Совета директоров компании. Но только не директор социально-бытового комплекса Г.Е. Шевцов, председатель комиссии по подготовке к пятидесятилетнему юбилею ОАО «Северсталь». Он заявил, что нельзя ограничиваться полумерами, обязательно надо делать в вагоне экспозицию, рассказывающую о гениальном учёном-металлурге. *«Никто нас не поймет, – писал Георгий Егорович генеральному директору комбината, – если мы поставим муляж. Если нет на это средств, давайте соберём с рабочих, инженеров, специалистов. Я уверен, люди откликнутся».*

Победил здравый смысл. Восстановление вагона и воссоздание в нём музея Бардина включили в программу мероприятий празднования 50-летия ОАО «Северсталь». Обшарпанный вагон с наглухо заваренными металлическими листами окнами доставили на территорию управления железнодорожного транспорта комбината. Железнодорожники отремонтировали его ходовую часть, с помощью пескоструйной установки очистили снаружи от наслоений старой краски и ржавчины. А затем будущий «музей на коле-

Церемония открытия вагона-музея академика И.П. Бардина. 2005 г.

сах» перегнали в Вологду, где фирма «РетКомпани», работавшая ранее над знаменитым английским ретропоездом «Восточный экспресс», после победы в соответствующем конкурсе занялась восстановлением внешнего вида и внутренней отделки вагона.

И вот позади шестнадцать месяцев неустанного труда ремонтников УЖДТ, реставраторов ООО «РетКомпани», художника-дизайнера Владимира Татарина, сотрудников Музея трудовой славы и целой группы консультантов.

12 июля 2005 года на площади за центральной проходной комбината состоялось торжественное открытие мемориального вагона-музея академика И.П. Бардина. Вдоль вагона под красными знаменами выстроились ветераны – создатели и свидетели славной истории комбината. Праздничную церемонию открыл пронзительный гудок тепловоза, на котором легендарный Вячеслав Иванович Солодков, участник возведения и освоения всех пяти череповецких доменных печей, доставил к историческому вагону огненный факел от первой доменной печи. Звучит гимн «Северстали». К микрофону подходит мэр Череповца Михаил Ставорский.

– Нашему городу повезло, – говорит он. – Выбор места под строительство завода, который сделал академик Бардин, – важная стра-

Первая экскурсия в музей И.П. Бардина. 2005 г.

ница в истории города. Именно он положил начало строительству нового Череповца. Вместе с заводскими корпусами росли жилые дома, школы, больницы, учреждения культуры. И в том, каким сейчас стал Череповец – большая заслуга Ивана Павловича Бардина.

– В 1941 году фельдмаршал Паулюс в этом вагоне строил планы, как разрушить Россию. А через десять лет Иван Павлович Бардин приехал в Череповец как создатель центра северо-западной металлургии. Мы по праву считаем комбинат наследием Бардина, – сказал на церемонии открытия бардинского музея депутат Государственной Думы Георгий Шевцов.

Генеральный директор комбината Анатолий Кручинин перерезает красную ленточку. Уникальный музей открыт.

Проект реставрации вагона и создания в нём музейной экспозиции завершён блестяще – это отметили все. Выкрашенный в насыщенный изумрудный цвет, он выглядел так, будто только что сошёл с конвейера. Внутри ему также вернули историческую достоверность. Стены вагона обшиты красным деревом, двустворчатые двери в купе инкрустированы диковинными птицами и причудливыми узорами. Именно так были украшены двери VIP-вагонов того времени.

Первый зал экспозиции. Здесь рассказывается о становлении И.П. Бардина как личности – от крестьянского парня до ученого с мировым именем. Вот фотография юного Бардина, ученика третьего класса: будущий автор идеи строительства металлургического завода в Череповце стоит в рубашке в горошек, в руках крепко сжимает подаренный ему за отличную учёбу томик Пушкина. Под фото подпись: «Я один из немногих крестьянских ребятишек, получивший высшее образование». Далее следуют фотографии о его работе на заводах Юга России, Кузнецком меткомбинате, в Академии наук... В оригинально оформленных окнах вагона воспроизведён пейзаж крупнейших строек металлургии, которые посещал в свое время «главный металлург страны». Большая часть экспозиции отведена рассказу об участии И.П. Бардина в создании индустриального треугольника «Кольский полуостров – Воркута – Череповец».

Особый интерес для посетителей представляет мемориальный раздел, где много подлинных вещей: любимая чайная чашка Бардина, пишущая машинка, арифмометр, письменные принадлежности, фотоаппарат «Киев». На вешалке висят его пальто, галстук, кепка. У топчана – коврик и домашние тапочки. На тумбочке в комнате отдыха – раскрытая на первой странице книга. Это роман Чарльза Диккенса «Большие надежды» на английском языке (Бардин свободно читал по-английски). На книге лежат очки учёного, рядом – трогательная фотография Лидии Валентиновны и Ивана Павловича. А вот купе, которое Бардин оборудовал под рабочий кабинет. Здесь собраны книги по металлургии, химии, геологии. Здесь же микроскоп, штативы с пробирками, колбы, препараты для проведения опытов, куски руды, каменного угля, известняка, доломита. Смотришь на эти предметы, и, кажется, что академик Бардин где-то рядом...

В солнечный летний день 2015 года знаменитый бардинский вагон встал на свою последнюю стоянку рядом с Музеем металлургической промышленности, первым на Северо-Западе интерактивным музеем. Здесь заканчивается туристский маршрут «Череповец – горячее сердце Русского Севера». Это «горячее сердце» забило благодаря Ивану Павловичу Бардину...

«О Череповце заговорит весь мир...»

Есть нечто символическое в том, что улица Бардина в Череповце соединяет площадь Строителей и металлургический комбинат. На стене дома номер один – табличка с надписью: «Улица академика Бардина, инициатора строительства металлургического завода в Череповце». Это одна из самых оживлённых магистралей города. По ней непрерывным потоком идут сотни грузовых машин, вовлечённых в хозяйственный оборот главного предприятия области.

День и ночь не затихает рабочий ритм Череповецкого металлургического комбината – главного предприятия компании «Северсталь», глобальной горно-металлургической корпорации – плавится в домнах чугун, кипит сталь в конвертерах и электропечах, огненными змеями скользят по рольгангам прокатных станов полосы раскалённого металла.

А чтобы произвести всё это, день и ночь в Череповец идут составы за составами, гружёные железорудным концентратом, каменным углем, металлошихтой. Навстречу им следуют поезда с готовой продукцией – бунтами проволоки, рулонами и пачками проката, гнутыми профилями и трубами. Улица Бардина как раз приведёт вас к центральной проходной металлургического комбината, возле которой установлен памятник Ивану Павловичу Бардину. В день его рождения, 13 ноября, сюда приносят цветы – дань уважения замечательному человеку, выдающемуся учёному-металлургу, блестящему инженеру-производителю, общественному деятелю, неустанному борцу за технический прогресс.

«Человек призван к жизни для того, чтобы после себя оставить добрый след. Если после нас останутся труды, сооружения, мысли, то, значит, не зря прожита на свете жизнь», –

считал И.П. Бардин. Эта цитата – из его дневника. Сам Бардин оставил для потомков созданные им передовые технологии, научно-исследовательские институты, металлургические заводы, в том числе и Череповецкий металлургический комбинат, на базе которого в 1993 году было образовано акционерное общество «Северсталь».

Девизом всей жизни академика Бардина было служение народу, своей Родине. Полвека он посвятил отечественной металлургии. Им создана школа металлургов-технологов и металлургов-учёных, работающих в промышленности и научных организациях. Под его руководством разработаны технологические процессы, которые и сейчас являются передовыми: непрерывная разливка стали, прямое восстановление железа, порошковая металлургия, применение кислорода для интенсификации металлургических процессов и другие.

Великий реформатор отечественной металлургии Иван Павлович Бардин верил в замечательное будущее своего детища, говорил, что «придет время и о Череповце заговорит весь мир». Мечта академика Бардина воплощена в действительность: сталелитейная компания «Северсталь» – правопреемник Череповецкого металлургического завода – сегодня известна всему миру. Продукция ПАО «Северсталь» – горячекатаный, холоднокатаный, оцинкованный, сортовой прокат, прокат с покрытием, метизы, гнутые профили и трубы – расходуется по всему земному шару, её с удовольствием покупают более, чем 80 стран мира.

И, гордясь достижениями компании, мы должны помнить, что одним из тех, кто стоял у истоков северного металла, был выдающийся учёный-металлург, академик Иван Павлович Бардин.

Жил Человек... Большой Учёный...
Он был в гостях у нас с тобой.
Глаза горели увлечённо –
Был рад, что встретился с мечтой...
И улица его, как лента, –
К заветной проходной ведёт...
Величественным монументом
Ему воздвигнут наш завод!

Николай Дмитриев

Список использованных источников и литературы

I. Архивы

Архив аппарата Совета Министров – Правительства Российской Федерации – правительственные постановления по строительству Череповецкого металлургического завода за 1940–1948 гг.

Государственный архив Российской Федерации
Фонд № 6757 Экономического Совета при СНК СССР

Российский государственный архив экономики
Фонд № 355 Государственной плановой комиссии СМ СССР по перспективному планированию народного хозяйства
Фонд № 7786 Государственного планового комитета СССР (Госплана СССР)
Фонд № 8875 Народного комиссариата черной металлургии СССР
Фонд № 9235 Главного управления капитального строительства НКЧМ и МЧМ СССР

Архив Российской Академии наук
Фонд № 2 Секретариата Президиума АН СССР
Фонд № 174 Совета по изучению производительных сил АН СССР
Фонд № 512 Комиссии при Президиуме по Кольскому полуострову (1939–1943 гг.)
Фонд № 277 – личный фонд Президента АН СССР В.Л. Комарова
Фонд № 544 – личный фонд академика А.Е. Ферсмана
Фонд № 661 – личный фонд вице-президента АН СССР И.П. Бардина

Государственный архив научно-технической документации г. Санкт-Петербурга
Фонд № 104 Института Гипромез

Вологодский областной архив новейшей политической истории
Фонд № 1933 Череповецкого городского комитета ВКП(б)
Фонд № 2522 Вологодского областного комитета ВКП(б)
Фонд № 6705 – партийной организации строящегося Череповецкого металлургического завода

Череповецкий центр хранения документов
Фонд № 7 Череповецкого горисполкома
Фонд № 182 Треста «Череповецметаллургстрой» (1947–1955 гг.)
Фонд № 362 Управления по строительству Череповецкого металлургического комбината (1940–1941 гг.)
Фонд № 393 Плановой комиссии Череповецкого горисполкома
Фонд № 444 Череповецкого металлургического комбината

Домашний архив академика И.П. Бардина

Машинописный текст дневниковых записей за 1951, 1952, 1953, 1957, 1959 гг.

Научный фонд Музея истории и трудовой славы ЧМК

II. Литература

Арзуманян А.М. Иван Тевосян, ИПЛ., М., 1983

Бардин И.П. Избранные труды, т.т. 1-2, изд., «Наука», М., 1963

Бардин И.П., Пробст А.Е., Рикман В.В. Проблемы северо-западной металлургии, изд. АН СССР, М-Л., 1946

Бланк А.С., Катаников А.В. Череповец, СЗКИ, I изд. – 1957, II изд. – 1963, III изд. – 1968

Заседания Верховного Совета СССР четвёртого созыва. Шестая сессия (5 – 12 февраля 1957 г.). Стенографический отчёт. М., 1957

Дьяков Ю.Л. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие, М., изд. «Мысль», 1973

И.П. Бардин в воспоминаниях современников, изд. «Наука», М., 1985

Киров С.М. Доклады и речи (1930-1933 гг.)

Коробов Н.И. Проектирование металлургических предприятий, изд. «Мысль», М., 1989

Рейтман А.Б. КПСС – организатор создания железорудной и топливной базы северо-западной металлургии (1918 – 1941 гг.), Л-д, 1970

Киров С.М. Воспоминания ленинградских рабочих, Лениздат, Л-д, 1939

Северо-Западная металлургия. Труды совещания Ленинградско-Мурманской экспедиции, Л-д, 1947

Соображения о перспективах развития черной металлургии в ближайшие 10-15 лет, Л-д, 1939

XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, ОГИЗ, 1934

XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, ОГИЗ, 1939

Труд, равный подвигу. СЗКИ, 1974

Ферсман А.Е. Полезные ископаемые Кольского полуострова. Состояние, анализ, прогноз. Изд. АН СССР, Л-д, 1941

Челноков Б.В. Архивы раскрывают тайны, Череповец, 1992

Челноков Б.В. Так начиналась Северсталь, Череповец, 1999

Челноков Б.В. Так закалялась Северсталь, Череповец, 2002

Челноков Б.В. Две жизни академика Бардина, Череповец, 2014

Газеты: «Правда», «Советская Россия», «За индустрию», «Красный Север», «Коммунист», «Ударная стройка», «Череповецкий металлург».

Журналы: «На фронте индустриализации», «Сталь», «Металлург».

Содержание

От автора	5
Северная сталь: экскурс в историю	7
В обстановке строжайшей секретности	11
«Стальной бронёй опояшем СССР!»	16
«Не до научных дискуссий...»	25
Гениальная идея... <i>товарища Сталина</i>	34
«Будем возрождать славу Железного Поля...»	42
«По государственным соображениям»	48
«Придавая исключительное значение...»	56
«Доверие партии оправдаю...»	64
«Дирекция свою деятельность закончила...»	71
«Нельзя прощать перлов фантазии...»	78
Череповец или Анненский Мост?	85
«Приступить к проектированию завода...»	97
«За этой стройкой зорко следит наш вождь и учитель...»	107
Рубцы на сердце, или Почему Бардин не приехал на пуск завода	114
«Лживые обвинения наносят вред науке...»	152
«Вы, товарищ Бардин, очень дорогой для государства человек...»	161
«По выздоровлении мне захотелось поехать в Череповец...»	177
Как черепане реабилитировали академика Бардина	188
Бардин – «наше всё!»	196
Любители «клубнички» призывают развенчать «культ Бардина»	204
«О Череповце заговорит весь мир...»	218

Литературно-художественное издание

Челноков Борис Васильевич

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ СЛЕД АКАДЕМИКА БАРДИНА

Историко-литературное повествование

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательский дом «Череповецъ». Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В оформлении книги использованы фотографии Череповецкого музейного объединения, Музея трудовой славы ОАО «Северсталь», домашнего архива семьи Бардиных.

Издание осуществлено при поддержке компании «Северсталь».

Компьютерная верстка: А.А. Фокина.
Корректоры: Е.А. Кузнецова, Е.А. Сандальнева, Е.Н. Чепорнюк.

Сдано в набор 06.12.2019. Подписано в печать 24.04.2020.
Формат 60x84/32. Бумага офсетная 80 гр/м2. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 7. Тираж 1 000 экз. Заказ ИДЧП00001753.
Отпечатано в ООО «Издательский дом «Череповецъ»,
г. Череповец, ул. Металлургов, 14а.

Об авторе

Челноків Борис Васильевич – заслуженный работник ПАО «Северсталь», дважды лауреат премии имени академика И.П. Бардина, кавалер Почетного знака «За особые заслуги перед ПАО «Северсталь».

Писатель-краевед, лауреат премии имени В.Д. Чечулина в номинации «Исследователь», автор книг «Архивы раскрывают тайны», «Рубцы на сердце», «Так начиналась Северсталь», «Так закалялась Северсталь», «Северная сталь», «Череповец от Екатерины Великой до наших дней», автор проекта и редактор-составитель книги «Череповец: история, современность, взгляд в будущее», удостоенной в 2012 году диплома победителя областного конкурса на лучшую краеведческую книгу.

ISBN 978-5-94022-079-4

9 785940 220794